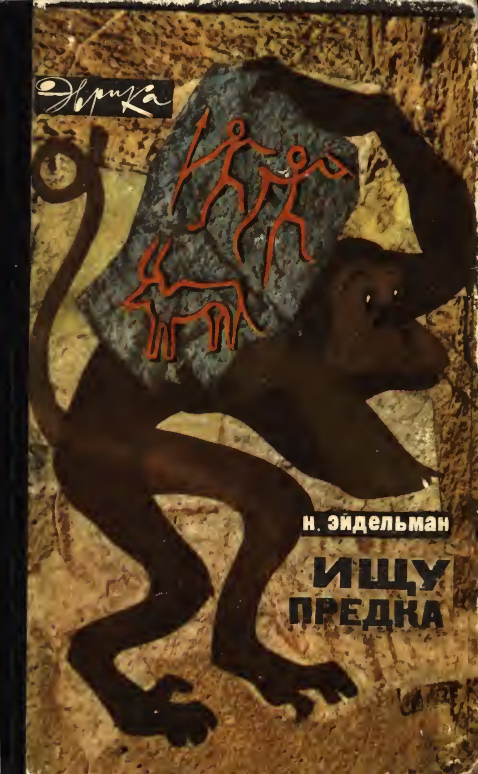

Эврика
Н. Эйдельман
ИЩУ
ПРЕДКА

Н. ЭЙДЕЛЬМАН

ИЩУ ПРЕДКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1967

57.022
Э34

Это рассказ о загадках далеких тысячелетий, о «белых пятнах» древнейшей истории, о необыкновенных событиях, участниками которых были наши прапрапра... бабушки и дедушки...

10 тысяч веков назад странное двуногое существо, схватив в руку громадную кость, дробило обезьяньи черепа среди скал Южной Африки.

Тысячи лет без перерыва пылал фантастический костер в темной пещере Северного Китая.

Случайная покупка, совершенная в одной китайской аптеке, неожиданно привела к открытию настоящих великанов.

Примерно четыреста веков назад у подножья ледника появились могучие и мудрые племена кроманьонцев и произошел переворот в человеческой истории — переворот колоссальный и еще далеко не объясненный.

Чтобы узнать обо всем этом, читателю придется последовать за смелыми энтузиастами науки, которые спускались для своих открытий в бездонные пещеры, ныряли в неведомые подземные озера, карабкались на памирские кручи, обшаривали раскаленные африканские скалы и потом, в тиши кабинетов и лабораторий, проникали в сокровенные тайны прошедшего, настоящего и будущего.

Художники: А. КОЛЛИ, И. ЧУРАКОВ

ЧАСТЬ I

ПОСЛЕДНЯЯ ОБЕЗЬЯНА

ВСЯКАЯ ИСТИНА ПРОХОДИТ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ УМЕ ЧЕРЕЗ ТРИ СТАДИИ: СНАЧАЛА — «КАКАЯ ЧУШЬ!». ЗАТЕМ — «В ЭТОМ ЧТО-ТО ЕСТЬ». НАКОНЕЦ — «КТО ЖЕ ЭТОГО НЕ ЗНАЕТ!»

АЛЕКСАНДР ГУМБОЛЬДТ

УЖЕ И В ЛАБИРИНТАХ ВИСЯТ ТАБЛИЧКИ: «БЛУЖДАТЬ ВОСПРЕЩАЕТСЯ».

СТАНИСЛАВ ЕЖИ ЛЕЦ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПО СЧЕТУ И СЕДЬМАЯ ПО ХРОНОЛОГИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ДРУГИХ ГЛАВ ЭТОЙ ЧАСТИ

Человек происходит от Дарвина

Чарлз Дарвин столь знаменит, что я обещаю не писать (или почти не писать) о следующих фактах:

Что Дарвин был великим ученым.

Что как-то он ловил жуков, пришлось одного су-

нуть в рот и это кончилось не очень хорошо для ловца и совсем неплохо для жука.

Что Дарвин напечатал в 1859 году «Происхождение видов», а в 1871 — «Происхождение человека».

Что сторонник Дарвина профессор Гексли срезал на диспуте одного епископа, не желавшего происходить от обезьяны.

Что, несмотря на свою гениальность, Дарвин коечего еще не знал. И кое-что недооценивал.

Труды Дарвина обладали двумя качествами, необходимыми для того, чтобы почти каждый хоть что-нибудь слышал о них.

Первое качество (не главное) — гениальность.

Второе (главное) — скандальность результатов.

Наивысшим признанием неслыханной популярности ученого было изречение, записанное Жюлем Ренаром: «Человек происходит от Дарвина».

Незадолго до смерти Дарвин не без удивления записал:

«Происхождение видов» переведено почти на все европейские языки, даже на испанский, чешский, польский и русский. На еврейском языке появился очерк, в котором доказывается, что это учение можно найти в Ветхом Завете! Отзывы о моей книге были очень многочисленны: сначала я начал было собирать все, что появлялось в печати по поводу «Происхождения», но когда число этих отзывов (не считая газетных отчетов) дошло до 265, я остановился. Вышел целый ряд брошюр и книг по этому вопросу, а в Германии периодически издаются библиографические каталоги, посвященные «дарвинизму».

Слово «дарвинизм» кажется ученому настолько странным и смешным, что он заключает его в кавычки.

Но о Чарлзе Дарвине, тысячекратно воспроизведенном или искаженном в книгах и статьях, философских эссе и кинофильмах, все же нельзя, как я убедился, не написать в 1001-й раз.

Мое убеждение основано на личном опыте, который заключается в том, что, имея безусловную пятерку по дарвинизму в школе и успешно защищая тео-

рии сэра Чарлза на университетских экзаменах, я все же ухитрился и тогда и много лет спустя сохранять довольно ложное представление о многих важных сторонах этого учения и упорно подозреваю, что был в своих заблуждениях не одинок.

Сущность моего дарвинизма сводилась к двум аксиомам:

1. Виды меняются, человек же происходит от обезьяны.

2. Все это совершенно ясно, и только где-то за тридевять земель еще сохранились философы и архиепископы, которые Дарвина читали, но не согласились: ничего не поняли.

По классификации Гумбольдта я твердо стоял в рядах партии «Кто же этого не знает!». И был наслышан о существовании обреченной фракции «Какая чушь!».

Я даже, честно говоря, не очень понимал, за что так хвалят Дарвина: ну, разумеется, он первым заметил важные вещи, но эти вещи совершенно очевидны, ибо нельзя же серьезно сомневаться в том, что растительные и животные виды меняются, а человек происходит от обезьяны.

Позже, много позже, помню, меня поразили строки из «Автобиографии» Дарвина:

«Успех «Происхождения» иногда приписывался тому, что «идеи эти уже носились в воздухе» и что «умы были к нему подготовлены». Думаю, что это не совсем верно: я разговаривал по этому поводу со многими натуралистами и не встретил ни одного, который сомневался бы в постоянстве видов. Даже Ляйелль и Гукер, с интересом прислушивавшиеся к моим мнениям, по-видимому, никогда не соглашались с ними. Дважды я попытался объяснить знающим специалистам, что я понимаю под естественным отбором, но безуспешно».

Тут я должен остановиться, перенеся на несколько страниц вперед продолжение глубокомысленных рассуждений: «Кто же не знал, что человек от обезьяны!..», и поговорить об «Автобиографии» Дарвина, сочинении в высшей степени замечательном.

Строго говоря, к «Автобиографии» неприменимы привычные для такого жанра измерения — «объективность, субъективность, скромность, нескромность, самооправдание, исповедь, завещание потомству». Это интереснейший научный эксперимент, эксперимент на себе самом, не менее важный и героический, чем испытание на себе новой вакцины. Дарвин, первоклассный биолог, просто-напросто стремится описать такое интересное явление природы, такую примечательную «особь», как его собственная персона. Не сделать этого ему, находящемуся в исключительно благоприятных условиях по отношению к объекту исследования, невозможно, просто оскорбительно для достоинства ученого.

Вот как задача формулируется:

«Судя по успеху моих трудов в Англии и за границей, я считаю, что известность моя продержится еще несколько лет. Интересно поэтому проанализировать те мои умственные способности, от которых успех этот зависел».

Потом решается:

«Я не обладаю ни быстротой соображения, ни

остроумием. Поэтому я очень слабый критик: всякой прочитанной книгой я сначала восторгаюсь, а затем уж после долгого обдумывания вижу ее слабые стороны. Мои способности к отвлеченному мышлению слабы, поэтому я никогда не мог бы сделаться математиком или метафизиком. Память у меня довольно хорошая, но недостаточно систематичная. Я обладаю известной изобретательностью и здравым смыслом, но не более, чем любой средний юрист или врач».

Дарвин не исчерпывает этим коллекцию своих недостатков. Его внимание привлекает «атрофия художественных вкусов»: «До тридцати лет и даже немного позднее я очень любил поэзию: еще в школьные годы я с наслаждением зачитывался Шекспиром, особенно его историческими драмами. Я уже говорил, что в молодости любил живопись и музыку. Но вот уже несколько лет, как я не могу вынести ни одной стихотворной строки; пробовал я недавно читать Шекспира, но он мне показался скучным до тошноты. К живописи и музыке я тоже почти совсем охладел. Музыка, вместо того чтоб доставлять удовольствие, заставляет меня еще лихорадочнее думать о том, чем

я в данную минуту занимаюсь. Прежнюю любовь я сохранил только к природе, но и она уже не доставляет мне того наслаждения, как в молодости. А между тем романы за последние годы для меня — самый лучший отдых и большое развлечение. Я частенько благословляю всех романистов без исключения. Мне перечитали вслух бесчисленное множество романов, и все они мне нравились, если только они не написаны из рук вон плохо и если они счастливо оканчиваются. Я вообще издал бы закон против романов с несчастным концом!»

Так писали или могли написать о себе многие люди. Но многие ли удержались бы от двух искушений:

искушение первое — превратить недостаток в достоинство, гордо выставить наготу свою, насмехаясь над эстетами;

искушение второе — жестокое и сладкое самобичевание, самоуничижение, покаяние.

О Дарвине же нельзя и сказать, что он обходит искусительные ловушки. Он просто не замечает их, потому что движется совсем по другой тропе:

«Эта потеря всех высших эстетических вкусов тем более удивительна, что исторические сочинения, биографии, путешествия (независимо от их научного содержания) и всякого рода статьи продолжают меня интересовать по-прежнему. Ум мой превратился в какой-то механизм, перемалывающий факты в общие законы, но почему эта способность вызвала атрофию той части мозга, от которой зависят высшие эстетические вкусы, я не могу понять. Человек с более высокой организацией ума, вероятно, не пострадал бы, как я, и, если б мне пришлось во второй раз пережить свою жизнь, я бы поставил себе за правило хоть раз в неделю читать стихи и слушать музыку: таким образом, все клеточки моего мозга сохранили бы живучесть. Атрофия художественных вкусов влечет за собой утрату известной доли счастья, а может быть, и вредно отражается на умственных способностях».

Но это еще не все утраты и пробелы (Дарвин ученый основательный). Оказывается, в молодости он

сильно возненавидел анатомию и хирургию, особенно после того, как узнал, что отец оставит приличное состояние, и «неумение анатомировать оказалось непоправимым злом, так же как мое неумение рисовать» (не умевший рисовать в XIX веке подобен не умеющему фотографировать в XX). Сообщив о том, что он фактически не знает иностранных языков, Дарвин признается, наконец, в самом страшном грехе: он потерял в жизни массу времени попусту.

«От моего пребывания в школе не было никакого толка...»

«Хотя в моей кембриджской жизни были и светлые минуты, время моего пребывания там я считаю потерянным и даже хуже, чем потерянным. Моя страсть к стрельбе и к верховой езде сблизила меня с кружком любителей спорта, между которыми были молодые люди сомнительной нравственности. Мы часто обедали компанией: хотя на этих обедах бывали люди и посерьезнее, но частенько мы пили не в меру, а затем следовали веселые песни и карты». Но Дарвин не был бы Дарвином, если бы прямо вслед за этими строками не приписал: «Мне следовало бы стыдиться потерянных таким образом дней и вечеров, но среди моих друзей были такие славные юноши и всем нам было так весело, что я и теперь вспоминаю это время с удовольствием».

Черный список слабостей и недостатков завершается тонким научным выводом: «Удивительно, что при таких средних способностях я мог все же оказать значительное влияние на взгляды людей науки по некоторым важным вопросам».

Естественно, такой объективный исследователь не мог быть односторонен — и вот уже следует продуманный список доводов «во здравие».

Разумеется, Дарвин не забывает, что ему сопутствовали благоприятные жизненные обстоятельства. Приличное состояние обеспечивало «достаточное количество свободного времени», а плохое здоровье «хотя и отняло у меня несколько лет, зато избавило меня от потери времени на развлечения и светскую жизнь».

К счастливейшим случайностям Дарвин относит и то обстоятельство, что его когда-то взяли в пятилетнее плавание вокруг света на корабле «Бигль». Отец не хотел его отпускать, но поддался уговорам дяди. Капитану же «Бигля» поначалу не понравилась форма носа молодого Дарвина, свидетельствовавшая о «недостатке энергии и решимости».

«Путешествие на «Бигле», — пишет Дарвин, — было самым важным событием моей жизни, определившим всю мою последующую деятельность, а между тем оно зависело от такого ничтожного обстоятельства, как предложение моего дяди прокатить меня за тридцать миль в Шрюсбери (к отцу), чего другой дядя, конечно, не сделал бы, и от такого пустяка, как форма моего носа».

Но и в жизни и в теории Чарлз Дарвин, уважая всяческие случайности, еще больше ценил и искал закономерности, и поэтому рядом со строками, способными кое-кого умилить своей чрезмерной скромностью, появляются отрывки, способные поразить коекого ужасной нескромностью:

«Я, по-видимому, превосхожу большинство людей своим умением замечать те факты, которые обычно ускользают от многих, и с большим вниманием наблюдать за ними. Мое трудолюбие в собирании и наблюдении фактов, кажется, не могло бы быть большим. Но, что всего важнее, меня влекла к естествознанию страстная и никогда не изменявшая любовь». Эта любовь занимает Дарвина-ученого как важное отличительное свойство его индивидуальности: «Страсть к собиранию коллекций, которая делает из человека или натуралиста-систематика, или скупца, была во мне очень сильна, страсть, очевидно, врожденная, а не привитая воспитанием, так как она не проявлялась ни у сестер, ни у брата».

В «Автобиографии» упоминается о двух примечательных ситуациях, вызвавших у Дарвина удивление и непонимание.

Первый эпизод связан с университетским товарищем Грантом: «Он был несколькими годами старше меня, и, как мы с ним познакомились, я уже не пом-

ню. Он напечатал несколько превосходных работ по зоологии, но, получив профессорскую кафедру при Лондонском университете, перестал заниматься наукой, чего я никогда не мог понять. Я его знал очень хорошо; под внешней сухостью н формализмом в нем скрывался истинный энтузиаст».

Действительно, как истинный энтузиаст может жить, не занимаясь наукой, когда это так интересно?

Вторая нстория произошла в Кембридже. Однажды юного Дарвина удостоил беседой известный геолог, профессор Седжвик: «Мой разговор с ним в тот вечер пронзвел на меня большое впечатление. Какой-то рабочий нашел по соседству в песочной яме большую выветрившуюся раковину, вроде тех тропическнх раковнн, которыми часто украшают камины в деревенскнх коттеджах. Рабочий этот ни за что не соглашался продать мне свою находку, и это еще больше убедило меня в том, что раковина действнтельно вырыта из песочной ямы. Я рассказал об этом Седжвику, и тот ответил мне, что, вероятно, кто-нибудь выбросил эту раковину в яму, как это, должно быть, н было. «Если бы в этой яме была действительно найдена тропическая раковина, — продолжал Седжвик, — это было бы истинным несчастием для геологии, так как перевернуло бы вверх дном все, что нам до снх пор нзвестно о поверхностных отложениях средних графств». И действительно, эти пласты песка относятся к ледниковому периоду, и позднее я находнл в них обломки арктических раковин. Но тогда меня очень удивило равнодушие Седжвика к такому удивнтельному факту, как находка тропической раковины в самом центре Англнн».

Дарвин уже в то время, вероятно, догадывался, что профессор, который не заинтересуется тропической раковиной в центре Англни, не перевернет науку, если даже очень захочет (в той конкретной раковине ннкакого особого смысла не было, но как же не проявить ннкакого интереса!!).

«С самой ранней юности я стремился понимать или объяснять все, что наблюдал, то есть группировать факты и подчинять их общим законам. Вот эти

качества моего ума и позволяли мне в течение долгих лет терпеливо обдумывать тот или другой неразрешенный вопрос.

Насколько я могу судить, я вообще не склонен слепо подчиняться постороннему влиянию. Я всегда старался быть совершенно беспристрастным и умел отказываться даже от самой облюбованной гипотезы, как только факты оказывались в противоречии с нею. Да у меня и не было другого выхода, потому что, за исключением коралловых рифов, не было ни одной первоначальной гипотезы, которую мне не пришлось бы впоследствии оставить или значительно изменить, что внушило мне недоверие к дедуктивному методу мышления».

Может быть, это несколько наивное: «у меня и не было другого выхода...» — лучше всего определяет, что такое настоящий ученый. У него просто «нет другого выхода», кроме истины, а кругом удивляются, как это он ни разу не солгал.

И все же об одном из своих важнейших достоинств Дарвин не упомянул. Впрочем, может быть, потому не упомянул, что оно легко выводится из всего, что упомянуто. Достоинство заключается в том, что Чарлз Дарвин был очень хорошим человеком.

Вопрос о сочетании гения и добродетели не более ясен, чем проблема «гений — злодейство». Но как бы ни стояли вопросы и проблемы, необходимо повторить: Дарвин был очень хороший человек и это помогало ему в научной работе (может быть, работа у него была такая?).

Увлеченность, интерес к делу — без них ничего бы он не искал.

Объективность, отсутствие даже тени самомнения — без этого ничего бы не нашел.

В книге «Происхождение человека» есть такие строки: «Только наши предрассудки и высокомерие, побудившие наших предков объявить, что они произошли от полубогов, заставляют нас останавливаться в нерешительности перед этим выводом» (о животных предках человека).

Я убежден, что надо было, между прочим, обла-

дать немалым иммунитетом против высокомерия и предрассудков, чтобы преодолеть общепринятую нерешительность. Но мало этого.

Доброта, добродушие, сострадание к людям — Дарвин как-то вскользь обронил замечание, что его не удовлетворяло религиозное объяснение жестокости и страдания, существующих в мире: предопределенность гибели, взаимного пожирания миллионов существ. Он не мог поверить, что все это наказание, возмездие божье. Творец, если б он был, не мог бы действовать так беспощадно — вот примерно ход мыслей доброго Дарвина. Его теория естественного отбора не делает природу добрее, но объясняет жестокость ее как естественный порядок вещей, не примешивая к этому «высокую мораль», божье наказание, то есть не оправдывая. «Так устроен мир», — констатирует Дарвин.

Может быть, недобрый человек труднее отрекся бы от божества? Может быть, в числе множества причин, приведших к созданию дарвиновской теории, известную роль сыграла и такая ненаучная категория, как доброта самого теоретика?

Итак, увлечение плюс объективность, плюс доброта — разве в сумме не получается хороший человек?

«Я был довольно добрым ребенком, — пишет Дарвин, — но этим я всецело обязан внушениям и примеру сестер, так как сомневаюсь, чтобы эти качества могли быть врожденными».

А теперь снова к обезьянам, оставленным несколько страниц назад, и снова к важным строкам Дарвина: «Я разговаривал со многими натуралистами и не встретил ни одного, который сомневался бы в постоянстве видов».

Я обращаюсь сейчас к читателю, тоже имевшему когда-то «пять» (и ниже) по дарвинизму, из партии «Кто же этого не знает!». У меня, читатель, от знакомства с жизнью и трудами Дарвина родилось странное желание: в ответ на ваше уверенное «человек — от обезьяны» опровергнуть вас, предъявить

доказательства, что человек не от обезьяны... и только когда вы заспорите, сумеете защититься, доказать, тогда я готов согласиться, что человек от обезьяны, но обязательно потребую, чтобы вы признали, что тут еще много неизвестного и непонятного.

Я готов биться об заклад с любым (кроме изучавшего этот вопрос специально), что если б довелось ему поспорить даже с такими старыми «противниками обезьяны», как, скажем, Карл Линней, Жорж Кювье, или даже с кем-нибудь помельче, вроде Агассица или ученого-герцога Аргайля, то был бы мой уважаемый современник нещадно побит упомянутыми учеными мужами.

Я представляю этот диспут примерно так. Вы твердо знаете выводы дарвинизма, имеете право пользоваться любыми аргументами, кроме тех, о которых в XVIII—XIX веках просто не могли знать. Скажем, о том, что у человека иногда встречается рудиментарный хвост и что это неспроста, вы говорить можете, ибо хвосты бывали во все века. Но о синантропе или гейдельбергской челюсти — ни слова, так как выкопали их только в XX столетии. Кроме того, нет у вас права на употребление таких слов, как «кибернетика», «радиоуглеродный метод», «фашизм»...

И вот что примерно произойдет.

Вы: Человек произошел от обезьяны!

(Если диспут публичный, то большинство аудитории в этот миг прогневается, но безопасность дарвиниста гарантируется условиями игры!)

Он (ученый): Не сможете ли вы, милостивый государь, доказать столь ответственную теорему?

Вы: Да это же ясно! Человек и обезьяна похожи-то как!

Он: Ну и что же? Дельфин и рыба очень похожи, но дельфин млекопитающее, то есть животное, можно сказать, «с другого полюса» животного мира.

Вы: Я говорю не о внешнем сходстве, а о множестве существенных признаков, сближающих нас с шимпанзе, гориллой, орангом и другими обезьянами.

Тут вы напрягаете память и говорите о сходстве в строении зубов, стопы, крови, зародышей. Вы обя-

зательно вспомните, что обезьяны умеют смеяться, завидовать, стыдиться, пьянствовать и видеть сны, но вы не имеете права говорить об интереснейших опытах с обезьянами (Келлера, Павлова, Ладыгиной-Котс, Йеркса и других ученых XX века), ибо XX века по условиям еще нет.

Он: Благодарю вас за содержательный перечень общих для обезьяны и человека признаков. Только осмелюсь заметить, что вы напрасно старались, так как я давно знаю о большом сходстве двуногих и, так сказать, четвероруких... Надеюсь, мой оппонент не столь самонадеян, чтобы предположить, будто многие наблюдатели и мыслители в наше время и в древности не замечали, что нет другой твари, столь сходной с человеком, как обезьяна.

Вы: Вот видите, вы сами согласны.

Он: С чем согласен?

Вы: Если человек и обезьяна так похожи друг на друга, значит они состоят в близком родстве и происходят от общих прародителей, которыми, очевидно, могли быть только древние человекообразные обезьяны.

И вот тут-то он вам задаст. На вас обрушивается град хорошо отработанных ударов.

Во-первых, он извинится перед аудиторией за то, что не будет в споре с вами пользоваться такими аргументами, как существование бога, истинность священного писания, отвратительность самой мысли, что разумный человек происходит от вонючих, хитрых, презренных кривляк, и тому подобное. Обо всем этом он говорить не будет (и тут-то вы настораживаетесь, потому что для вас было бы проще, если б он обо всем этом говорил).

Во-вторых, он предложит несколько, по его мнению, не менее убедительных объяснений сходства человека и обезьяны. Вот пожалуйста:

1. Когда создавались виды (и человек), то мог возникнуть сходный план (у бога, у природы — как вам угодно), который в одном благоприятном варианте дает человека, в другом — обезьяну: оба существа при этом совершенно независимы друг от друга, подобно двум похожим с виду горам, из которых одна, скажем, в Гималаях, а другая — в Андах.

2. Человек и обезьяна вообще одно и то же, и вопрос, кто от кого произошел, — бессмыслица. Так считал, например, прославленный Дидро, который, как вам известно, ни в бога, ни в сотворение не верил: просто образовалось когда-то живое существо, одно племя которого жило на деревьях (обезьяны), другое — в джунглях (дикари). Великий Линней, включив нас всех в вид «Homo sapiens» — «человек разумный», установил и второй человеческий вид, «Homo troglodytes» — «человек дикий». Впрочем, еще древний историк Диодор Сицилийский рассказывал о народе, который великолепно лазает по деревьям,

прыгает с ветки на ветку и не разбивается при падении. Орангутаны же пользуются палками и строят гнезда на деревьях.

3. Если уж вам необходимо, чтоб одни виды происходили от других, то почему — человек от обезьяны? С таким же успехом могла и обезьяна произойти от человека: представьте, что какая-то человеческая ветвь попала в неблагоприятные условия, деградировала умственно, но развилась физически. Ведь не будете же вы спорить, что во многих отношениях обезьяна совершеннее человека — сильнее, ловчее, согрета собственной шерстью? Слыхали ль вы, чтобы в животном мире существо сильное и ловкое превращалось в более слабое и неловкое?

Вы: Но человек не силой берет, а умом, его главная мощь в коллективе, обществе.

Затем вы объясняете, что человек завоевал мир не столько зубами и когтями, сколько орудиями труда. Вы даже можете процитировать Дарвина: «Мы не знаем, произошел ли человек от какого-либо вида обезьян небольших размеров вроде шимпанзе или от такого мощного, как горилла; мы поэтому и не можем сказать, стал ли человек больше и сильнее или, наоборот, меньше и слабее своих предков... Животное, обладающее большим ростом, силой и свирепостью и способное, подобно горилле, защищаться от всех врагов, по всей вероятности, не сделалось бы общественным... Поэтому для человека было бы бесконечно выгоднее произойти от какого-нибудь сравнительно слабого существа».

Увлекшись, вы вообще начнете отрицать слишком большую роль физического строения человека в его успехах: «За много тысячелетий, в течение которых каменная цивилизация стала машинной, паровой, металлургической, мы почти совершенно не изменились физически».

И тут вас ловят на слове.

Он: Так, так, сударь, — значит, вы утверждаете, что в какой-то момент обычные законы, управляющие животным миром, отходят у нашего предка на задний план, а вперед выдвигаются новые законы,

отсутствующие у зверей в развитой форме... Но тут возникает противоречие: вы определяете, от кого и как человек произошел, пользуясь данными биологии, анатомии, и в то же время признаете, что эти данные с незапамятных времен решающей роли в развитии человека не играли!

Вы протестуете против такой диалектики, но вас спрашивают:

— Существует ли коренное различие между умственными способностями человека и высших млекопитающих, в том числе и обезьян? Кого разделяет бо́льшая пропасть —

червя и обезьяну
или
обезьяну и человека?

Вы, конечно, говорите, что в некоторых отношениях первое различие больше, в некоторых — второе, но вынуждены будете признать, что человек сделал гигантский умственный скачок: позади осталась зияющая пропасть, и все животные — на той стороне. Шимпанзе, правда, грустно сидит на самом краю обрыва, а черви радостно копошатся в отдалении.

Вопросы в самом деле трудные! Такие крупнейшие естествоиспытатели, как, например, Бюффон (1707—1788), переоценивали ширину этой пропасти и категорически отрицали на этом основании обезьяньих предков человека. Дарвин же, пожалуй, был склонен свести пропасть к узкой и вполне преодолимой щели. «Моя цель,— пишет он, — показать, что в умственных способностях между человеком и высшими млекопитающими не существует коренного различия». Дарвин стремится найти как можно больше умного, разумного в повадке животных, он твердо уверен: «Наши высокие способности развились постепенно. Но можно ясно доказать, что коренного различия в этом отношении (между человеком и животными) не существует. Мы

> должны также согласиться с тем, что различие в умственных способностях между одной из низших рыб, например миногой или ланцетником, и одной из высших обезьян гораздо значительнее, чем между обезьяной и человеком. Это громадное различие сглаживается бесчисленными переходными ступенями».
>
> Дарвин, конечно, понимает, как много он тут не знает: не знает, например, «каким образом впервые развились умственные способности у низших организмов», по каким законам наследуются признаки...
>
> А нам спустя сто лет в общем ничуть не легче, чем Дарвину, хотя знаем больше и бо̀льшим владеем. Если Дарвин склонен был недооценить «пропасть», то мы за последнее время так увлеклись «качественным скачком», разницей между нами и предками — словом, так возгордились, что выкопали целое «ущелье».

Именно в этот момент на сцене появляется главный довод против (или в дополнение) дарвинизма, который и поныне весьма употребителен.

Он: Если даже принять схему от обезьяны к человеку, то остается тайна, великая тайна: каким образом древняя обезьяна (пусть умная, хитрая, но все же обезьяна — животное без речи и орудий труда) перемахнула через пропасть, черную зияющую пропасть, о которой вы только что говорили?

Какие неведомые силы подхватили ее в этом прыжке и перенесли на человеческую сторону?

Почему эти силы не действуют сейчас и не помогут шимпанзе и гориллам очеловечиться?

Если б древняя обезьяна «была человеком», она бы легко придумала, как осуществить такой космический прыжок. Но она ведь не была человеком и все же, по-вашему, прыгнула!

Между нами, сударь, та разница, что я вижу чудо и говорю о нем, а вы тоже его видите, но стремитесь не заметить...

Все тут не просто. Дарвин в мистическое чудо, создавшее человека, не верит, но в одном письме признается:

«Никак не могу взирать на эту чудесную Вселенную и особенно на природу человека и довольствоваться заключением, что все это — результат неразумной силы».

Однако, когда Альфред Уоллес, одновременно с Дарвином опубликовавший сходную теорию эволюции, не выдержал и спасовал перед «тайной», то Дарвин написал ему: «Как Вы ожидали, я резко расхожусь с Вами. Я не могу видеть никакой необходимости призывать какую-то дополнительную непосредственную причину, касающуюся человека».

Вопрос о «тайне» существует и теперь. Есть подозрение, что он будет существовать и через 50 лет. Очень распространенный тип современного западного антрополога — это ученый, который признает и обезьяну и обезьянолюдей, но требует признания «тайны» в форме чего-то «высшего».

Вы готовы признать «тайну» (в том смысле, что еще не все открыто). Вы говорите, что новые находки ископаемых людей и обезьянолюдей — питекантропа, синантропа, австралопитека, зинджантропа, чадантропа...

Но тут выясняется, что ваш собеседник и аудитория недоумевают и полагают, что произносятся какие-то заклинания: вы ведь нарушили правило игры — никакие ископаемые «антропы» и «питеки» им неизвестны.

Он: Вам было бы, конечно, очень важно найти обезьянолюдей, переходные формы между подозрительным предком и великим потомком. Но не кажется ли нашему уважаемому приверженцу обезьяньей династии, который, конечно, мнит себя передовым и просвещенным, что он пытается вернуться к наивным сказкам о людях-животных, сатирах, кентаврах и то-

му подобных, в которые наш просвещенный век не поверит! *(Смех, аплодисменты.)*

Вы соображаете (прежде это как-то не приходило вам в голову), что Дарвин предложил свою теорию происхождения человека за несколько десятилетий до того, как в Азии, Африке и Европе были сделаны великие находки ископаемых обезьянолюдей...

«Да, но во времена Дарвина кое-что было в этом отношении уже известно! Господа, вы напрасно смеетесь и аплодируете моему противнику: ведь вы обязаны знать об ископаемой человекообразной обезьяне — дриопитеке».

Он: Ну и что? Были в древности человекообразные обезьяны, которые вымерли, а были обезьяны, которые не вымерли. Вот и все.

Вы: В середине XIX столетия сделано несколько находок ископаемых костей так называемого неандертальского человека, отличающегося от нас с вами.

Он: Отличия слишком незначительные, чтобы говорить о существовании какого-то другого, более примитивного человеческого типа. В конце концов разницу можно объяснить болезнью древнего человека, деформацией его костей под давлением земных слоев. Я не спорю, эти ископаемые люди — важная находка, но к обезьяньему вопросу они прямого отношения не имеют. Кости, так же как и многочисленные пещеры с остатками первобытных костров и каменных орудий, доказывают только одно: человек жил и в глубокой древности. Но при чем тут обезьяна? Я даже нахожу тут довод против обезьяны, и этот довод вам знаком: если человечество имеет столь почтенный возраст и в течение этого времени физически не изменилось (или почти не изменилось), тогда как его цивилизация здорово развилась, то, может быть, человек физически вообще никогда не менялся, не меняется и не переменится?! К тому же надо еще доказать, что Земля существует достаточно долго, чтобы у человека было время перемениться. Разумеется, мы, просвещенные люди, не согласимся с ирландским епископом Ушером, вычислившим, что бог создал Землю 4 октября 4004 года до рождества Христова.

Но мы с виимаиием отнесемся к опыту Бюффоиа, раскалнвшего докрасиа большой шар, с тем чтобы заметнть, сколько времеии он будет остывать, и вычнслить, сколько времеии будет остывать больший шар — Земля. Если помните, у Бюффоиа получался возраст Земли всего около 75 тысяч лет... Да, зиаю, вы сейчас будете говорить о последиих работах геологов, исчисляющих возраст плаиеты миллионами, даже десятками миллиоиов лет, но иензвестио, достаточеи ли даже такой срок для превращеиия одиого вида в другой.

Ваше положеиие ужасио. Вы зиаете про вычисления XX столетия, доказывающие, что Земля «иачалась» иесколько миллиардов лет назад. Зиаете, ио обязаны молчать...

На этом дискуссия коичается. Слушатели расходятся по домам, и, кроме нескольких крамольников и сумасшедших, все потешаются иад тем, как господии профессор загиал в пот господииа обезьяищика, который все обещал, что в будущем иаука иайдет аргумеиты в его пользу.

— А что иам будущее? Мы требуем доказательств сегодия.

Мы ие убеждены, а это значит, что иас плохо убеждалн...

Весь этот диспут автор затеял ради того, чтобы доказать две истииы, разумеется, требовавшие тщательиого обосноваиия:

1. Все очень сложио.

2. Дарвии — великий человек. В частности, потому великий, что иикогда не забывал, как все сложио.

Действительио, всю жизнь учеиый стремился ие обойти виимаиием ни одиого возражеиия. При чтении его киг создается впечатление, будто ои наслаждается самыми яростиыми и даже идиотскими доводами против Дарвииа, потому что оии помогают ему найти иовые аргумеиты в защиту этого самого Дарвина. Для иего очеиь характерен, иапример, следующий эпизод. «В «Происхождеинн человека» приводнтся рассказ из Брема про обезьяиу, которая охот-

но вскармливала котят: «Один из котят — приемышей вышеназванной любвеобильной обезьяны — оцарапал ее однажды. Она, очевидно, обладала большой смышленостью, потому что с весьма удивленным видом осмотрела сейчас же лапы котенка и, не долго думая, откусила ему когти».

К этому месту Дарвин делает характерное для него примечание: «Один критик без всякого основания, с целью дискредитировать мое сочинение, оспаривает возможность описанного Бремом случая. Я поэтому сделал опыт и убедился, что действительно могу схватить зубами острые коготки маленького пятинедельного котенка».

С таким же вниманием и интересом Дарвин относился и к мальтузианству и к возражениям религиозного характера.

Много пишут об

осторожности ученого, который должен был остерегаться религиозных фанатиков. Конечно, эти опасения имели почву, но они далеко не исчерпывают суть дела. Отношение Дарвина к религии — прекрасный пример того, как ученый стремился прийти к истине, не минуя, а идя навстречу любому возражению, становясь при случае на позицию противника, чтобы примерить его доспехи.

Вот, например, как начинается раздел о вере в бога и религии в книге «Происхождение человека»: «Не существует доказательств, что человек был изначально одарен облагораживающей верой в существование всемогущего бога. Наоборот, имеются исчерпывающие доказательства, заимствованные не у поверхностных путешественников-наблюдателей, а у людей, живших долгое время между дикарями, что многие из существовавших и существующих до сих пор рас не имеют понятия об одном или о многих богах и не имеют даже в своем языке слов для выражения такого понятия. Этот вопрос не имеет, конечно, ничего общего с великим вопросом, существует ли вообще творец и управитель Вселенной, — вопрос, на который отвечали утвердительно некоторые величайшие из когда-либо живших умов».

Как видим, вслед за явно еретическим соображением против «врожденной веры» следует как будто смягчающая оговорка: Дарвин-де не берется решать вопрос о существовании бога вообще.

Но, кроме «смягчения», здесь есть и характерное дарвиновское стремление к объективности: для решения своих задач ему, Дарвину, бог не понадобился, но ученый не берется на этом основании решать все вопросы такого рода.

Дарвин, впрочем, не скрывает, что произошло с его собственной верой. Сначала она была: «Помню, как в самом начале моей школьной жизни мне приходилось торопиться, чтобы не опоздать в класс, и так как я прекрасно бегал, то обыкновенно успевал вовремя. Когда же мне казалось, что я все-таки опаздываю, я усердно молил бога о помощи, и вспоминаю, что приписывал успех не скорости моего бега,

а молитве, и удивлялся неизменно оказываемой мне помощи свыше».

Затем Кембридж: «Отец предложил мне готовиться в пасторы. Он совершенно справедливо приходил в негодование при одной мысли, что я сделаюсь праздным спортсменом, а в то время это казалось вполне возможным. Я попросил дать мне время на размышление, потому что я колебался признать за несомненную истину все догматы англиканской церкви, — в общем же я не прочь был бы сделаться сельским пастором. Я принялся за чтение богословских книг, а так как я в то время не сомневался в буквальном смысле каждого слова библии, то вскоре убедил себя, что наше исповедание должно быть принято целиком и полностью.

Когда я подумаю, как свирепо нападали на меня сторонники церкви, просто смешно вспомнить, что я сам когда-то собирался стать пастором. Собственно говоря, я и не отказывался от этой мысли, она просто умерла естественной смертью, когда после отъезда из Кембриджа я отправился в путешествие на «Бигле» в качестве натуралиста. Если верить френологам,

то я вполне подхожу для роли пастора. Несколько лет тому назад секретари какого-то немецкого психологического общества просили меня прислать свою фотографию. Спустя некоторое время я получил протокол заседания, на котором публично обсуждались формы моей головы, и один из выступавших ораторов заявил, что шишка благоговения развита у меня так, что ее хватило бы на добрый десяток пасторов».

Дарвин прошел искус религии и поэтому задумывался над многими вопросами, которые религия ставила, но не решала, он искренне взвешивал «за» и «против», был беспристрастен и беспристрастно пришел к выводу «против».

Именно это обстоятельство он, очевидно, имел в виду, когда в 1873 году отвечал на одну из анкет.

Вопрос: Оказали ли привитые в юности религиозные верования какое-либо сдерживающее влияние на свободу ваших исследований?

Ответ: Нет.

Когда Дарвин приводит доказательство за доказательством, группы доказательств, системы доказательств в пользу существования животных предков человека, чувствуется, что он внутренне полемизирует с людьми, мыслящими сейчас, как он сам мыслил прежде.

Но в любой полемике ученый настолько честен, что ему неприятно, когда нельзя уже ни в чем упрекнуть самого себя.

В готовую рукопись «Автобиографии» Дарвин вписал незадолго до смерти: «Что касается меня самого, то я думаю, что поступил правильно, неуклонно занимаясь наукой и посвятив ей всю жизнь. Я не совершил какого-либо серьезного греха и не испытываю поэтому никаких угрызений совести, но я очень и очень часто жалел о том, что не оказал больше непосредственного добра моим близким». В этих строках, как всегда, Дарвин не разделяет мораль и науку. Ученый обосновал обезьяньих предков человека своей теорией, но одним фактом существования такой личности, как Дарвин, можно было доказать,

что человечество все же далеко ушло от обезьяны. «Человек происходит от Дарвина...»

Подобно доброму волшебнику, стоял старый английский ученый у врат громадного таинственного царства — древнейшей, начальной человеческой истории. Прежде врата были невидимы, а царство неведомо. Да и теперь даже волшебнику вход туда заказан. Он там, внутри, не бывал, ни с одним обитателем не встречался, но о многом, очень многом догадывался (волшебник все-таки) и постепенно вызывал у смелых неистовое желание проникнуть за ограду, узнать, кто и что там.

Мудрец и сам мечтал, хоть и не очень надеялся, взглянуть на «последнюю обезьяну и первого человека». Но волшебные ворота приоткрылись лишь через 10 лет после него.

ГЛАВА ВТОРАЯ, А ПО ДРЕВНОСТИ ПРОИСХОДЯЩИХ В НЕЙ СОБЫТИЙ ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ, ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ

Питекантроп I Великий

Как известно, Генрих Шлиман открыл Трою просто: взял Илиаду в одну руку, саквояж с деньгами в другую и, точно следуя указаниям Гомера, покопал немного и нашел.

Ученый мир был обижен в этом случае нарушением справедливости, потому что великие открытия так

не делаются. Они должны приходить к достойнейшим после многолетних неудач, сомнений, надежд, отступлений, наступлений и озарений.

«Гений — это талант плюс терпение».

«Только длительным трудом, дети мои, я достиг...»

«Торопись медленно...»

«Я сделал все, что мог, пусть другие сделают больше...»

«Наука не терпит нахальства...»

«Пусть прекраснейшие девушки достанутся благороднейшим юношам...»

И вдруг оказалось, что наука своенравна и ветрена и что прекраснейшие девушки иногда склонны делать невыгодные партии.

Эта ситуация и определила жизненный путь молодого голландца Евгения Дюбуа (родился в 1858 году, делал первые шаги, когда вышло «Происхождение видов», заканчивал школу и начал интересоваться медициной, когда раскопали Трою).

Евгений Дюбуа рассуждал примерно так:

1. Дарвин утверждает: человек произошел от обезьяны и, значит, были некогда промежуточные существа, обезьянолюди. Противники же Дарвина требуют этих обезьянолюдей предъявить.

2. Если обезьянолюди были, необходимо их найти.

3. Искать надо в Юго-Восточной Азии или Африке, потому что в этих местах водятся человекообразные обезьяны и некогда существовали древнейшие человеческие цивилизации.

4. Он, Евгений Дюбуа, хороший врач.

5. Ему, Евгению Дюбуа, следует поэтому отправиться в Юго-Восточную Азию или Африку и найти там обезьяночеловека. Еще в 1866 году Эрнст Геккель обратился к искомому предку по имени «Питекантропус алалус» (что означало «обезьяночеловек, не обладающий речью»). После столь вежливого обращения искомое лицо, конечно, должно было отозваться.

Сходство Шлимана и Дюбуа очевидно: два чу-

дака и два объекта, которые эти чудаки отправляются искать, в то время как всем известно, что открытия никогда так не делаются. Правда, Шлимана от его Трои отделяло всего каких-нибудь 30—40 веков, а Дюбуа и представить не мог, сколько тысячелетий или миллионолетий до его «троянца». (Впрочем, последнее обстоятельство даже облегчало поиски. Если бы знал, мог бы испугаться и упустить из виду, как легко делаются великие открытия.)

Дальше все совершенно просто. Тридцатилетний врач с хорошим аттестатом без труда находит место в Голландской Индии (то есть Индонезии). Полтора месяца плавания до Батавии (будущей Джакарты), и вот уже и экватор, и корни

деревьев, пьющих морскую воду, и орангутаны, и отравленные стрелы, выдуваемые из тонких трубочек, и бабочки невозможной величины, и сплетенные из камней храмы.

Большая часть дела сделана; остались пустяки — совершить великое открытие и отыскать питекантропуса, или, фамильярно выражаясь, питекантропа, которого так заждалась наука.

Как это устроить? А вот как: нужно найти место, где он находился, что совсем несложно. За тысячелетия питекантропа, понятно, занесло землей, и копать наудачу дело безнадежное. Не стоило искать тропического предка (в отличие от полярного) и в пещерах, где змеи и прочая нечисть издавна находили прохладу и уединение. Зато на речном обрыве, где все слои выступают наружу, вот там он и лежит.

Сначала Дюбуа решил, что на малонаселенной, заросшей джунглями Суматре больше шансов найти питекантропа. Как только разлившиеся мутные реки вернулись в берега, он разыскал подходящий обрыв и тут же выкопал два довольно древних (судя по глубине залегания) черепа. Но все же это были вполне человеческие черепа, а врач искал обезьяночеловеческие.

Вернувшись в Батавию, Дюбуа, видимо, понял, что, предпочтя таинственную Суматру густонаселенной и распаханной Яве, он нарушил принцип легкости великих находок: ведь делать их надо с минимальными усилиями.

Как только прошли новые дожди, доктор отправился ездить и бродить по Яве и у реки Кедунг Брубус, копнув, добыл фрагмент нижней челюсти: во-первых, из очень глубокого слоя, а во-вторых, вроде бы человеческую, но с некоторыми странными отличиями (ямка для так называемой двубрюшной мышцы была в 2—3 раза больше, чем у людей и обезьян).

Записав, зарисовав и аккуратно запаковав челюсть, Дюбуа вернулся к своим пациентам, а в следующем сезоне в 40 километрах к западу от челюсти стал подкапываться под берег речушки Соло близ деревушки (по-местному — кампонга) Триниль.

Быстро разыскал он в речном обрыве тот самый древний слой, в котором была найдена прошлогодняя челюсть, и, поковыряв немного... извлек черепную крышку.

Исторических сведений о том восклицании, какое издал в тот момент Евгений Дюбуа, не сохранилось. А может быть, восклицаний и не было, так как рассудительный голландец знал, что открытие неминуемо.

По крышке череп приблизительно восстанавливался: это был маленький человеческий череп — 900 кубических сантиметров (у нас с вами 1300—1400). И в то же время это был гигантский обезьяний череп (у гориллы 500 кубических сантиметров). Обезьяньи черты были сильны: над глазами валик, которого мы с вами практически лишены, нижняя часть головы шире верхней, у нас же наоборот. Но все-таки голова и мозг почти в два раза больше, чем у самых умных обезьян! Кто знает, какой прихотью природы мертвый череп был расколот и рассеян так, что других его частей поблизости не оказалось, но остались на месте крупные зубы, сотни тысяч лет назад жадно впивавшиеся в стебли растений и мясо тех тварей, чьи кости улеглись кругом, по соседству (твари, как потом выяснилось, были очень древние — стегодон, лептобос и другие, — всего 27 млекопитающих, и ни одного вида, сохранившегося до наших дней!).

Дюбуа перекопал в конце сухого сезона 1891 года немало древнего вулканического песка, речного ила и морских отложений. (Может быть, грохот вулкана или рев воды и был последним жутким впечатлением мозга, что работал когда-то под найденной черепной крышкой?)

Затем Дюбуа упаковал череп, вернулся в Батавию, с истинно северным хладнокровием переждал новый приступ тропических ливней, опять поехал на то же место и все с тем же спокойствием в 15 метрах от прошлогодней находки извлек полуметровую бедренную кость, не менее знаменитую, чем черепная крышка. Доктор готов был поручиться, что это бедро двигалось, повинуясь приказаниям того самого, про-

шлогоднего черепа. Дюбуа не пришел к точному решению, какие силы отбросили бедро на 15 метров от головы, но зато определил, что оно изуродовано болезнью, отчего обладатель его, без сомнения, когда-то рычал, ревел или ругался от боли.

Потом Дюбуа отправился в Европу, оставив своих помощников копать на берегах Соло, и несколько зим в Лейден прибывали ящики, набитые породой, костями мелких и крупных зверей, остатками древних растений и прочим.

Но ничего подобного первым находкам не появилось.

Сначала быстрое великое открытие.

Потом годы нужных, но малоурожайных поисков.

Меж тем счастливый баловень судьбы и науки разъезжал по Европе, и главной частью его багажа был чемодан с яванским черепом, бедром и зубами. Нравы в те идиллические времена были простые, и только много позже все эти предметы как супердрагоценности упрячут в сейф с двойными стенками.

Однажды Евгений Дюбуа сидел с другом в парижском ресторане.

— Я называю его питекантропус эректус, то есть обезьяночеловек прямоходящий.

> Загадка: «Прямоходящий». Даже чересчур прямоходящий. Нас учили, что сначала обезьяна на четвереньках ходила, потом «на полусогнутых» и, чем ближе к нам, все распрямлялась и распрямлялась. Но вот этот самый питекантроп ходил, может быть, прямее, чем некоторые куда более совершенные, головастые, близкие к нам обезьянолюди.

Слишком уж человеческое бедро для такой малой головы!

Потом Дюбуа и его собеседник, слегка подогретые ужином, прогуливаются по парижским улицам среди снующих туда-сюда завернутых в ткани и шкуры людей с черепом 1300—1400 кубических сантиметров и бедрами более совершенными, чем у самого питекантропа.

А кстати, где он? Дюбуа вдруг всплескивает руками и бросается обратно в ресторан: к счастью, ни полиция, ни посетители не заинтересовались содержимым забытого чемодана.

Так был открыт и чуть не потерян один из самых известных людей.

Но можно ли присвоить человеческое звание только за то, что соискатель в полтора раза мозговитее, чем шимпанзе, и довольно прямо ходит?

Что такое вообще человек?

Если считать 1891 год началом второй жизни питекантропа, то можно сказать, что существо это пережило трудную, романтическую молодость и постепенно обросло характером под грохот мировых войн и великих революций.

Конечно, питекантропу нелегко тягаться с самыми знаменитыми из людей, каковыми (согласно статистическим данным 1900 года) были Наполеон и Иисус Христос. Но все же на закате XIX столетия он стал чрезвычайно моден. Лейденский, Кембриджский и Берлинский конгрессы обсуждали его. Кроме того, его представили ученым собраниям Льежа, Парижа, Лондона, Дублина, Эдинбурга и Иены. В газетах ему уделялось, пожалуй, не меньше места, чем таким событиям, сопутствовавшим его рождению, как последний кабинет Гладстона в Англии, воцарение императора Николая II в России, изобретение кино во Франции и тому подобное.

В согласии с демократическим духом XIX столетия судьба питекантропа решалась голосованием.

Второму коренному зубу специалисты выразили недоверие: ни один не подал голоса за принадлежность его человеку, двое высказались за обезьяну, пятеро утверждали, что это зуб «промежуточного существа» (обезьяночеловека).

Зато третий коренной зуб вызвал ожесточенную борьбу партий.

Человек — 4 голоса.

Обезьяна — 6 голосов.

Промежуточное существо — 8 голосов.

Еще лучше баллотировалась черепная крышка:

6 — за человека, 6 — за обезьяну и 8 — за промежуточное существо...

И наконец, бедренная кость добилась почти полного признания. 13 депутатов ученого сословия нашли ее человеческой, 6 высказались за промежуточное существо, и лишь 1 наложил вето: обезьяна!

Одним был известнейший и влиятельнейший медик Рудольф Вирхов. Это был великий ученый, один из создателей современной медицины. Еще задолго до находок Дюбуа он, между прочим, призывал искать ископаемых предков в тропических странах. Вирхов писал даже, что «одно открытие может совершенно изменить аспект проблемы» (проблемы происхождения человека), но при всем том в обезьяньих предков человека не верил и сделал немало, чтобы не допустить их научного признания. Лет за двадцать до того Вирхов доказывал, что неандертальский человек не древний наш предок, а современный «патологический тип». Теперь он соглашался, что на Яве найдены действительно древние, но отнюдь не человеческие кости.

«Это гигантский гиббон».

Прямая походка ничего не доказывает, утверждал Вирхов: просто гиббон ходил по земле, тянулся за ветвями и приучился к двуногости. Две ноги — это еще не все (и у птицы две ноги!). К тому же никакое животное не сможет двигаться и существовать с костью, столь изъеденной болезнью, как бедро, найденное Дюбуа.

Но Вирхову говорили и писали о черепе, умном черепе питекантропа.

Вирхов отвечал, что, пролежав сотни веков под большим давлением верхних слоев, череп гиббона мог перемениться в «лучшую сторону».

Вдобавок Вирхов смущал своих противников регулярным напоминанием, что ни лука, ни топора, ни хотя бы самого примитивного каменного орудия Дюбуа вместе с питекантропом не нашел, в то время как даже самые отсталые племена Суматры, Борнео и Австралии и те пользуются деревянными и каменными орудиями.

— Хотя бы одно ручное рубило, господа дарвинисты, одно орудие, о котором так много пишут археологи!

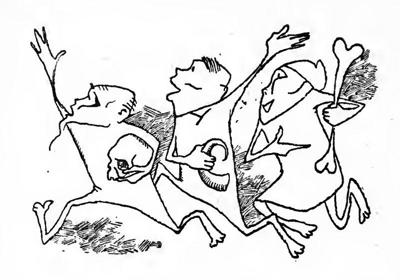
Орудий не было.

> Ох, какими сложными путями движется наука к истине! Во всех учебниках можно прочитать, что Вирхова в конце концов опровергли, а питекантроп торжествовал: болезненные наросты на бедре нашли и у медведей — оказывается, можно с такими костями и жить и охотиться.
>
> И тем не менее размышления Вирхова не лишены смысла. Они даже наводят на любопытные идеи, совсем, правда, иные, чем у самого Вирхова. Но об этом позже.

Вторая молодость питекантропа проходила под аккомпанемент всяческих вопросов и ответов.

Вопрос: Где орудия труда?

Ответ: Не найдено — не значит, что не было. Если обезьяночеловек пользовался палками, то они ведь давно сгнили.

Вопрос: Кто докажет, что мы происходим имеиио от этого пария? (Впрочем, может быть, и ледн: пол существа не ясен.)

Ответ: Но ведь улнки налицо: уже не обезьяиа, ио еще не человек.

Задавалось и миого других, куда менее умиых вопросов. Несколько учеиых-аиглнчан применилн, иапрнмер, против питекантропа то самое оружие, которым Вирхов боролся с иеандертальцем.

«Пусть господни профессор (Дюбуа за его открытня сделали прбфессором мниералогии Амстердамского уинверснтета) докажет, что древиий обезьяиочеловек ие является одиой из разиовидностей современного кретина?»

У Дюбуа портилнсь нервы, он стаиовился замкнутым н подозрнтельным. Казалось, пришла расплата за слишком легкнй успех. Он скрылся от мира в родиом городке Гарлеме, запер питекаитропа в кладовой местного музея н отказался кого бы то ии было принимать. Говорнлн, по ночам ои часто выходил из дому, чтобы подстеречь тех, кто покусится иа драгоцеиные костн.

К великой досаде своих коллег, Дюбуа не публиковал никаких сведений, описаний, рисунков, по которым можно было бы изучать «арестованного» питекантропа.

Тогда немецкая Академия наук и городские власти Мюнхена снарядили мощную экспедицию за вторым питекантропом во главе с Эмилем Зеленком. (После внезапной смерти Зеленка экспедицию возглавила его вдова Маргарита Зеленк.) Прибыв на Яву, немцы энергично взялись за дело. До наших дней по берегу реки Соло рассыпано множество разбитых пивных бутылок, очерчивающих район раскопок.

Дюбуа, серьезно обеспокоенный тем, что новые находки будут, без сомнения, опубликованы по всем правилам и получат признание, решил напечатать довольно лаконичную статью об ископаемой фауне, обнаруженной в одном слое с его питекантропом.

Меж тем немецкая экспедиция за два сезона добыла множество ископаемых зверей (в том числе одну неизвестную науке древнюю антилопу, которую в честь строптивого голландца нарекли Дюбуазией). Однажды нашли многообещающий зуб (который по внимательном рассмотрении оказался вполне современным человеческим зубом), но так и не встретили питекантропа II.

Хотя для науки было в общем сделано немало, но в глазах публики возвращение без главного трофея было неудачей.

Наука и фортуна продолжали проявлять ветреность и безрассудство.

Впрочем, одним из важных результатов берлинско-мюнхенской экспедиции было то обстоятельство, что жители Триниля и других кампонгов по берегу Соло узнали, что европейцам нужны старые кости, и с тех пор началась промысловая добыча — благо из высокого берега реки после каждого ливня вылезают окаменевшие черепа, рога, ребра.

20 лет этот промысел не приносил покупателям ничего сенсационного, пока в декабре 1926 года голландскому антропологу доктору Хеберлину не показалось, будто он приобрел голову нового питекантро-

па. К несчастью для доктора, сообщение о его открытии попало в газеты прежде, чем он сам убедился, как обманчиво выглядит порою обломок слонового черепа.

В течение почти всего этого двадцатилетия Евгений Дюбуа оставался в затворничестве и только перевел питекантропа из Гарлема в более надежный сейф Лейденского музея.

За это время Отто Шетензак — гейдельбергский ученый, прославившийся в узких кругах своей сомнительной теорией об австралийском происхождении человека, — стал широко знаменит за открытие не вызывавшей никаких сомнений, хорошо сохранившейся обезьяночеловеческой гейдельбергской челюсти.

Челюсть многое объясняла.

Тогда же в Англии была сделана сенсационная находка пильтдаунского человека, или эоантропа (человек зари), обладавшего таким высокоразвитым, современным, в сущности, черепом и такой неразвитой, обезьяньей, в сущности, челюстью, что при их появлении все запуталось.

Открытия повели к дискуссиям, в которых, впрочем, ни Дюбуа, ни его питекантроп персонального участия не принимали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, ОНА ЖЕ ШЕСТАЯ

Зубы, пещеры, ученые

Неисповедимы пути науки, и нескольким суждено было начаться в китайских аптеках. В Пекине и Гонконге, Маниле и Сингапуре, на Яве и в Сан-Франциско — везде, где существовало такое заведение, как китайская аптека, — испокон веков был богатый выбор зубов различных животных. Иногда зубы

продавались оптом и вместе с челюстями. Вежливые аптекари обычно не отвечали на вопросы, откуда выкопано то или иное «лекарство», но когда белый посетитель наивно спрашивал: «В чем заключается чудодейственная сила ископаемых зубов?», он получал четкий ответ: «Эти зубы никогда не причиняют вреда». (Известный антрополог Брум заметил по этому поводу, что ни один британский аптекарь не смог бы сказать того же о своих лекарствах.)

Все началось с китайских аптек, в которых немецкий натуралист доктор Хаберер закупал уйму разных зубов, чтобы отправить их в родной Мюнхен. В 1903 году знаменитый мюнхенский профессор Макс Шлоссер изучил присланные зубы и описал множество древних антилоп, гиен, тигров, слонов, бегемотов, которым эти зубы некогда тоже приносили пользу. Но самым интересным был один верхний коренной зуб, очень стертый. Зуб человека от зуба обезьяны специалист отличает без труда: обезьяньи крупнее и имеют более сложную структуру, наши же поменьше и попроще. Коренной зуб из коллекции Хаберера имел и человеческие и обезьяньи особенности, то есть мог быть зубом какого-то промежуточного существа. Хаберер сообщил, что приобрел зуб в одной из аптек Пекина, и резонно заметил, что вряд ли аптекарь получал «лекарства», залегавшие слишком далеко от города.

Молодые антропологи-романтики часто вспоминали в те годы о пекинском зубе и мечтали о путешествиях за остальными обломками неведомого существа.

> Зуб в конце концов оказался более таинственным, чем предполагали: позже, когда в Китае сделали замечательные находки, открыли кого угодно, но только не существо с такими зубами, как этот... Вскоре после первой мировой войны романтический зуб, к сожалению, где-то затерялся, но свое дело сделал: положил начало знаменитым раскопкам.

Гуннар Андерсон, шведский советник пекинского правительства по горным делам, попутно занимался

археологией и позже сделался директором коллекций Дальнего Востока в Стокгольме. Весной 1918 года Андерсон заинтересовался мюнхенским зубом и нашел близ Пекина в пещере Чжоу-Коу-Дянь много костей ископаемых животных. Кроме того, были найдены отщепы кварца, хотя месторождения кварца по соседству не было. Андерсон предположил, что где-то поблизости жил ископаемый человек: кости — остатки его еды, кварц — обломки его орудий труда.

Швецию, несомненно, следует считать одной из победительниц в первой мировой войне, ибо она принадлежала к числу немногих стран, в ней не участвовавших. Поэтому в пору европейских инфляций, девальваций и депрессий, когда не до раскопок, Швеция была к ним вполне расположена. В те годы знаменитый спичечный король Ивар Крейгер очень хотел, между прочим, приобрести для себя и Швеции нечто невозможное. Невозможно было купить ископаемого человека, и поэтому Крейгер финансировал экспедицию, во главе которой стал крупный специалист доктор Зданский. От экспедиции требовалось привезти в Швецию ископаемого человека в любом виде и количестве.

Зданский прибыл в Китай, покопал немного в пещере Чжоу-Коу-Дянь, нашел еще немало животных костей, а также замечательный зуб, такой зуб, о котором могли только мечтать антропологи-романтики. Но шведский профессор был суров, не поддался страстям и отправился вместе с багажом обратно за пять морей в родную Упсалу, чтобы спокойно рассмотреть находки. Разбирая ящики, Зданский обнаружил еще один зуб — явно человеческий и в то же время слишком крупный и сложный, чтобы быть человеческим.

Я думаю, Зданский хотел открыть нового обезьяночеловека не меньше, чем его коллега, принявший слона за питекантропа, и если истина находится между этими двумя типами исследователей, то все же ближе к Зданскому (а впрочем, может, и не так?).

Зданский так хотел обойтись без спекуляций,
был так добросовестен,
так осторожен,

что решительно отказался сделать великое открытие, которое просто шло ему в руки.

Может быть, судьба Евгения Дюбуа вызывала страх, а золото Ивара Крейгера — неприязнь?

Так или иначе, но доктор Зданский опубликовал фотографию и описание двух зубов со следующим примечанием, достойным средневекового постника и самоистязателя: «Мое открытие представляет интерес, но не имеет эпохального значения...»

Между тем, пока Зданский изучал зубы в Швеции, в Пекин прибыл энергичный канадец Дэвидсон Блэк, принявший должность профессора анатомии Пекинского медицинского колледжа в основном из-

за страсти к раскопкам. В костях он знал толк, потому что прежде изучал вместе со знаменитым антропологом Эллиотом Смитом так называемого пильтдаунского человека, о котором еще речь впереди.

Рассмотрев зубы, опубликованные Зданским, Блэк заволновался и тут же начал действовать. Показав фотографии Зданского представителям фонда Рокфеллера, ученый сумел получить средства на экспедицию и 16 апреля 1927 года приступил к раскопкам.

Первый поход за ископаемым человеком продолжался полгода, с апреля по октябрь. Выглядело это так: у входа в пещеру Чжоу-Коу-Дянь работали землекопы-китайцы. Работали парами — один копал, а другой просеивал породу сквозь решето. Как только на дне решета показывались кость или зуб, появлялись специалисты — молодой китайский антрополог Пэй Вэнь-чжун, швед Болен, французский аббат и антрополог Тейяр де Шарден и другие. Записав, сфотографировав, зарисовав и запаковав в ящики, кости отправляли в Пекин, где находился главный штаб раскопок и главнокомандующий Дэвидсон Блэк. За полгода вырыли и просеяли более 3 тысяч кубометров земли и буквально завалили пекинский минералогический институт сотнями ящиков с окаменелостями.

Однако главных находок все не было. Казалось, ископаемый человек (как это было при раскопках Зеленка) вообще не желает появляться перед слишком хорошо оборудованной экспедицией.

Конец первого сезона поисков назначили на 18 октября, но за 2 дня до срока, 16 октября, Болен положил в один из ящиков хорошо сохранившийся коренной зуб, в котором Блэк сразу увидел то, чего ждал: большой зуб, человеческий и в то же время настолько обезьяний, что можно было объявлять о замечательном открытии.

Дэвидсон Блэк назвал открытое им существо длинно и благородно, не забыв ни места находки, ни своего предшественника: «синантроп пекинский Блэка и Зданского», то есть «китайский, пекинский древний человек Блэка и Зданского».

Новый человек требовал дипломатического при-

знания, и Блэк, воспользовавшись зимним перерывом в раскопках, заказал специальиую медную шкатулку-медальон, привязал ее во избежание всяких случайиостей к цепочке от своих часов, вложил внутрь медальона драгоценнейший зуб и объехал крупных специалистов Европы и Америки. Когда Блэк щелкал крышкой медальоиа и показывал иаходку, специалисты волиовались, ио еще ие верили. Блэк же ие сомиевался, что в таком богатом «месторождении», как пещера Чжоу-Коу-Дянь, дело ие ограиичится мелочью — и еще будут самородки.

В следующие сезоиы ископаемые зубы пошли косяком, затем появились обломки бедер и, накоиец, фрагмеиты черепов.

Черепа требовали громадных измереиий и сравнеиий, а тут еще и еще подваливали кости. К концу сезоиа 1929 года вокруг Блэка громоздилось 1465 ящиков с окаменелостями и отщепами кварца, имевшими отиошеиие к орудиям сииаитропа. Вдобавок появились обуглеиные кости и толстый слой золы, свидетельствовавшие о древиейшем из всех известных в мире костров.

Блэк ие успевал... После обеда он обычно запирался в иистнтуте и работал до утра следующего дия. Здоровье ие позволяло вести такой режим, пекииский климат был ему противопоказан, ио обо всем этом ие то что говорить, думать было иекогда.

Утром 15 марта 1934 года секретарь, зайдя в кабииет Блэка, иашел его лежащим ииц иа столе. Из мертвой руки осторожио выиули череп сииаитропа.

Раскопки возглавил тогда немецкий антрополог Фраиц Вейдеирейх, только что покинувший гитлеровскую Германию.

Ои работал в Чжоу-Коу-Дяиь до самой второй мировой войны. Постепеиио, с годами, открывалась громадиая расщелииа (перед войиой глубииа раскопок достигла 50 метров!). Подземная пещера состояла как бы из иескольких залов, защищавших сииантропа от врагов и холода. (А холод был в его время покрепче нынешиего. Уже после войиы проаиализировали древиюю пыльцу из «слоя синаитропа». Пыльца

ели составила 4 процента общего количества, сосны — 33, березы — 28: преобладали деревья, ныне заполняющие куда более се́верные леса.)

Вейденрейх и его коллеги, конечно, чувствовали приближение войны. С 1937 года им пришлось работать на территории, уже оккупированной японцами, но до поры до времени захватчики не препятствовали раскопкам. Пэй Вэнь-чжун и другие китайские ученые открыли и изучили при этом множество неизвестных в наши дни видов животных. Вейденрейх, не отвлекаясь, занимался только человеком.

Из научных и журналистских отчетов перед нами, словно в калейдоскопе, предстают быстро сменяющиеся факты и образы: Вейденрейх и его ассистенты сопоставляют найденные кости. Их добыча — два или три черепа, более 150 зубов. Обнаружены останки уже 45 синантропов, хотя от некоторых, кроме зуба, ничего не сохранилось.

Из глубины пещеры извлекаются колоритные памятники материальной и духовной культуры синантропской эпохи: черепа с дырами, пробитыми каменным оружием, чтобы извлечь мозг врага и, вероятно, пополнить его познаниями свою эрудицию.

Здесь жили тысячелетия, может быть, десятки тысячелетий. Вся история современной цивилизации, от пирамид до атомного котла, помноженная на 5, 10, 20, — вот примерная длина эры синантропа. И за все время почти никаких изменений не произошло в этих пещерах, кроме бесконечной, однообразной смены сотен поколений. Не знаем только, откуда пришли и куда ушли из этого убежища древние обезьянолюди...

Огонь, около которого грелись великие первобытные охотники, чье умение доказывают кости тысяч гиен, мощных и сильных хищников...

Огонь, видимо, от пожара или молнии, как в книге «Борьба за огонь» Жоржа Рони. Пламя охраняли и поддерживали меняющиеся часовые, а он горел без перерыва месяцы, годы, может быть, столетия и даже тысячелетия. Какой фантаст сочинит костер, не

гаснущий, скажем, от времен вавилонского царя Хаммурапи до наших дней...

Вейденрейх озадачен. Он совещается с ассистентами, сравнивает две резко отличающиеся по физической структуре группы обитателей пещеры. Средний рост одной группы — 156 сантиметров, другой — 144.

Два племени, два вида?

Оказалось, два пола. Мужчины и женщины в те времена сильнее отличались друг от друга, чем теперь. (Еще больше так называемый половой диморфизм у крупных человекообразных обезьян.)

Возможно, что цивилизация «уравнивает» два человеческих пола...

Американ с к а я скульпторша Люсиль Свэн восстанавливает по сохранившимся фрагментам облик синан-

тропской дамы, которую почтительно величают мисс Нэлли.

Наконец удается составить несколько полных черепов. Объем мозга от 915 до 1250 кубических сантиметров, в среднем немного больше, чем у питекантропов. Сходство синантропа и питекантропа несомненно. У первого «лучше» голова, зато питекантроп ходил не менее прямо.

> Вот где надо еще вспомнить Вирхова, а также извилистые пути науки: Вирхов был неправ, отрицая обезьяночеловека. И он был прав, подчеркивая, что одно прямохождение еще не слишком много доказывает...

Совершая небольшие раскопки в так называемом верхнем гроте Чжоу-Коу-Дянь, антропологи однажды находят древнее погребение, в котором покоятся скелеты мужчины и двух женщин. Мужчина — человек современного физического типа с некоторыми примитивными чертами; одна из женщин «папуасского типа», другая «эскимосского».

Какая-то странная «романтическая» история, случившаяся примерно 10—20 тысяч лет назад. К синантропу она никакого отношения, конечно, не имеет. Синантроп во много раз древнее.

Давно жил синантроп. Прохладный климат еще не дает точного ответа, как давно: было ведь несколько отступлений и наступлений ледника. Тогда прибегают к статистике и считают виды животных, сосуществовавших с синантропом. 50 процентов видов здравствуют и сейчас, 50 — вымерло. Отсюда делают вывод, что синантроп жил в период второго оледенения (так называемого миндельского оледенения), потому что в слоях первого, гюнцского, находят только 20 процентов ныне живущих тварей, зато в слоях последнего ледника (рисского) — 75.

Если так, то Нэлли и ее современники прожили свои недолгие жизни примерно 400 тысяч лет назад.

Впрочем, некоторые ученые все-таки подводят синантропа, «огнепоклонника с довольно большой го-

ловой», поближе к иам, в эпоху рнсского оледеиеиия (около 200 тысяч лет иазад).

Еще и еще факты...

Вейденрейх сверхскрупулезно меряет, описывает кости, не жалея средств на создаиие самых лучших, громадных, миогочислеиных фотографий. Он будто предчувствует что-то, будто знает, что лишь на несколько лет, словио мираж, появился перед учеиымн этот мощиый костяиой ливень, чтобы затем исчезнуть в иебытии. Одиовремеиио с раскопкамн Вейденрейх готовит и печатает великолепиые иаучные описания находок, затем продолжает это дело во время войны и дарит иауке замечательную серию — целую сииаитропиану.

Чем больше писали и говорнли о пекииском человеке, тем чаще помииали н яваиского. Сниантроп оказал братскую помощь своему «кровнику» — питекаитропу, чья вторая жизнь столь долго протекала почти в полном одиночестве.

Между тем иа 43-м году нового существования в биографии питекаитропа иачались странные событня.

Весиой 1932 года 74-летиий Евгеиий Дюбуа разбирал в своей Лейдеиской лаборатории ящики, доставлеииые иекогда с Явы обломки костей четвероиогих современников питекантропа. И вдруг между делом обнаружилнсь в одном из ящиков... четыре фрагмента бедренной костн обезьяночеловека!

Оказалось, ящик прибыл еще в 1900 году, и ассистеиты Дюбуа тогда же точио зафиксировалн, где и что было выкопаио.

Все тот же речиой обрыв иа Яве!

Три с лишиим десятилетия спорили вокруг черепа, кореиных зубов, бедра. Каждый кусочек питекаитропа был величайшей драгоцеииостью. А про обломки, затерявшиеся в ящнке, н не ведалн. (В 1935-м таким же маиером иашли еще фрагмент!)

Необыкновенные приложения к открытию былн сродни самой иаходке — причудлнво легкой н простой — и вполне гармонировали со страниостями первооткрывателя. Этот случай напомниает, пожалуй,

только о замечательных открытиях, сделанных недавно в подвалах Каирского музея среди сложенных туда коллекций (в музее обнаружили кражу, устроили генеральную ревизию, и тут-то начались находки!).

На том, казалось бы, поэтическая атмосфера вокруг питекантропа могла уж и рассеяться. Все больше специалистов признавало правоту лейденского медика и неопровержимые свидетельства синантропа: на Яве и в Китае обитали промежуточные существа, обезьянолюди.

И тут, когда пришли признание и слава, тут 75-летний Евгений Дюбуа отрекся.

Неожиданно в 1935 году он печатает статью, где отказывается от мысли, что нашел обезьяночеловека: как раз бедро, самая человеческая часть скелета, при тщательном изучении волокон и костей — остеонов оказалось таким же, как у гиббона, и совсем не таким, как у человека. Потрясенный Дюбуа решил, что покойный Вирхов был прав, что на Яве действительно откопан гигантский гиббон и что внешний вид бедра обманчив, зато внутреннее его строение выдает истину.

Разные мысли приходят в голову по поводу такого необыкновенного поступка. Много ли наберется в истории стариков ученых, отрекающихся от своей главной находки, отрекающихся в момент наивысшего признания, отрекающихся публично — в печати, по своей инициативе.

Разумеется, радость тех, кто не соглашался происходить от обезьян, была велика: «Вы слышали? Сам Дюбуа отрекся... Вот и мы никогда не верили, что от этой грязной, отвратительной яванской твари произошли Гомер, Рафаэль, Бетховен, Толстой!..» И так далее и тому подобное.

Я не имею точных данных о психологической подоплеке такого поступка. Однако мнение, будто Дюбуа уступил церкви, религии, мне кажется несостоятельным. Никаких сведений о его колебаниях между дарвинизмом и библией нет. Преувеличенная, как у Зданского, осторожность, честность, из достоинства перешедшая в недостаток?

Возможно, что было и это. Но для объяснения мало.

Дюбуа, восставший против своего дитяти, не пощадил и чужих. Никакого родства между питекантропом и синантропом старик не признал, хотя оно было очевидно. Дюбуа повторял, что питекантроп не человек, а гиббон; синантроп же — человек, и даже больше человек, чем кажется Блэку, Вейденрейху и другим: просто-напросто это патологический неандерталец, и, следовательно, открытия в Чжоу-Коу-Дянь освещают время, удаленное не на сотни, а только на десятки тысячелетий.

Можно подумать, что в Дюбуа переселилась тень Вирхова: сначала гиббон, по Вирхову, затем «патологический тип», все по тому же Вирхову.

Но против Дюбуа в ту пору смыкают ряды его вчерашние союзники. Они настаивают. Они приводят аргументы.

Советский антрополог Н. А. Синельников подробно анализирует все доводы Дюбуа-старого против Дюбуа-молодого... Синельников самостоятельно сравнивает кости питекантропа и человека. Сравнивает и доказывает, что резкие различия во внутреннем строении бедра, которые так напугали голландца, — различия мнимые, что по микроструктуре кости питекантропа как раз ближе к нашим костям, чем к обезьяньим.

Дюбуа читает работу Синельникова и другие опровержения. Вроде бы соглашается. Во всяком случае, в одной из статей, вышедших перед его восьмидесятилетием, он снова склонен отменить гиббона и признать в своем протеже обезьяночеловека. Но в 1940 году появляется последняя его статья, и снова питекантроп исключается из человеческой родословной... В этих колебаниях, мне кажется, вся суть. Дюбуа все-таки не был антропологом с широким кругом знаний. Он как-то не доверял своей же науке. Может быть, не доверял, как это ни парадоксально, именно из-за легкости своих находок и открытий, легкости, за которую расплачивался всю жизнь.

Загнать питекантропа в небытие старику было, однако, не под силу. Низколобый предок одолевал и вдруг перед самой смертью своего «патрона», словно в насмешку, снова объявился на Яве.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, А ПО ДРЕВНОСТИ ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ, ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ

Питекантроп II Долгожданный
Питекантроп III Юный
Питекантроп IV Мощный

Эйнштейн, познакомившись с вопросами и тестами, при помощи которых Эдисон выбирал сотрудников, признался, что почти ни на один вопрос ответить не может, но знает, в каких справочниках можно найти все необходимое.

Эйнштейн отвечал как представитель очень развитой науки, такой науки, где количество фактов, ко-

торое надо знать ученому, сравнительно невелико: есть точные формулы, по которым многие факты выводятся и объясняются; и есть много разработанных справочников. Развитая наука уже сильно специализировалась, «всем» заниматься нельзя, да и не нужно.

Зато науки, еще не имеющие всеобъемлющих формул, куда более отягощены фактами, и эрудиты, которые все знают, играют там важнейшие роли. Если б можно было статистически проанализировать состав знаний крупных знатоков истории, океанологии, антропологии, а затем физиков и математиков не меньшей квалификации, то оказалось бы, что факты, которые обязательно нужно запомнить, занимают у первой группы специалистов значительно больше места, чем у второй.

Более квалифицированный физик отличается от менее квалифицированного прежде всего тем, что «лучше думает»... Профессора антропологии от его юного аспиранта отличает прежде всего заметная разница в объеме известных им фактов.

Конечно, не нужно слишком буквально понимать автора этих строк: и профессора физики владеют кое-какими фактами, неизвестными аспирантам, и хорошие антропологи не только больше знают, но и больше умеют. Речь идет о главных особенностях и различиях.

Современный физик — скорее узкий, чем широкий специалист. Антрополог не располагает таким великолепным научным вооружением, как вышеупомянутый его коллега, но зато (имеются в виду лучшие представители этой профессии) и сегодня он «человек Возрождения», человек из эпохи «великих географических открытий». Он все знает, он просто обязан заниматься и гейдельбергской челюстью, и синантропом, и неандертальцем, и шимпанзе сразу — иначе ничего не сделает. Он эрудит, путешественник, фантазер, романтик. Неразвитость его науки, недостаток формул отчасти компенсируются цельностью фигуры ученого, отсутствием слишком узкой специализации.

В общем так можно еще долго философствовать, и все для того, чтобы подчеркнуть: антропология — одна из самых счастливых наук.

Во-первых, она только началась, эта наука, отчего и обладает молодой прелестью и задором.

Во-вторых, предмет этой науки — законы развития человека и человечества — всегда актуален.

В-третьих, должны же вслед за Дарвином — «антропологическим Ньютоном» — появиться антропологические Эйнштейны, Планки, Боры.

После этого вступления, которое могло быть помещено и в любой другой главе, следует вернуться к повествованию.

Однажды, дело было в 1936 году, молодой голландский геолог Ральф Кеиигсвальд попросил аудиеиции у Евгения Дюбуа. Старик заявил сиачала, что иездоров и не хочет, чтобы его тревожили, ио Кеиигсвальд иастаивал и для примаики сообщил, что иедавио прибыл с Явы, где иесколько лет страиствовал по самым глухим уголкам острова, составляя его геологическую карту. Между прочим, он побывал в Тринииле и может сообщить Дюбуа подробиости иитересиейшего открытия, в котором прииимал участие: близ деревушки Нгаидоиг, иа берегу все той же иеобыкиовеииой речушки Соло, за короткий срок выкопали больше 25 тысяч костей ископаемых животиых и 11 человеческих черепов.

Было неясио, заиитересуется ли профессор Дюбуа игаидоигским человеком, потому что к питекаитропу тот прямого отиошеиия ие имел и прииадлежал к более поздией человеческой стадии — иеаидертальцам. Но зато все это имело отиошение к Яве, к ромаитической молодости Дюбуа.

Профессор дал согласие иа встречу.

«Он иас прииял в своем салоие, — вспоминает Кеиигсвальд, — большой, широкоплечий, виушительиый, со стереотипиой улыбкой». Вскоре иаступает иаиболее драматический момеит встречи: со всей возможиой деликатиостью молодой геолог просит разрешения взгляиуть иа питекаитропа. Дюбуа хмурится и отправляется в соседиюю комнату, чтобы позвоиить в Лейдеиский музей. Дверь остается открытой, и Кеиигсвальд хорошо слышит, как профессор узиает, ие пытался ли его гость самостоятельио проиикиуть в «священиый алтарь», где храиятся остаики питекантропа. Из музея отвечают, что Кеиигсвальд таких преступиых попыток ие делал, и только тогда успокоеииый Дюбуа дает разрешеиие.

В Лейдеие перед Кенигсвальдом открывают сейф с двойными стенками, где покоится его величество питекаитроп I. Опытиый взгляд специалиста сразу отметил темио-коричиевые, сильио минерализоваиные

края черепной крышки. Кости были изрядно повреждены щелочными водами, омывавшими их сотни тысячелетий. Впрочем, никаких неровностей на черепе уже не было видно, так как Дюбуа для изготовления муляжей погружал кости в особый состав. Зато внутри черепной крышки ясно различались отпечатки мозговых извилин.

Кенигсвальда охватило волнение, подступили вопросы. Конечно, черепная крышка мала для человека, но рядом лежит совершенное бедро питекантропа. А может быть, это бедро другого существа? Если только два существа случайно умерли и сохранились в одном месте...

Условием развития настоящей науки является повторяемость экспериментов, возможность их многократной проверки. Как ни замечательно было открытие первого питекантропа, оно много проигрывало оттого, что не было второго, третьего...

«Утро в Лейдене, — вспоминает Кенигсвальд, — было для меня решающим». Должность геолога, которую он занимал несколько лет на Яве, ликвидировали, время было трудное (застой в экономике, близость второй мировой войны). Но, кладя обратно в сейф уникальные кости, Кенигсвальд твердо решил: «На Яву!»

В том же 1936 году ученый начал новые многолетние странствия по джунглям, вдоль речек, по краям вулканических кратеров и морскому побережью Явы, иногда выполняя задания правительства и частных фирм, чаще на свой страх и риск. К этому времени у него, как и у других специалистов, накопился немалый опыт. Теперь уже никому не пришла бы в голову фантазия, запечатленная в рисунке знаменитого дарвиниста Томаса Гексли: ископаемая лошадь — эогипус — и верхом на ней ископаемый человек — эохомо. Теперь любому специалисту было известно, что пралошадь старше прачеловека примерно на 50 миллионов лет.

На древней цепи Зондских островов с незапамятных времен вулканы несли жизнь — плодородный пепел, и смерть — потоки лавы и тучи вулканической

пыли. Далеко на северо-запад, к Малайе и Китаю, протянулись сотни маленьких островков, как бы намекающих на далекое прошлое архипелага, на древние материковые мосты, соединявшие его с Азией, мосты, пропустившие оттуда сотни тысяч животных, и, может быть, не только животных... Материковые мосты рухнули от одного, десяти, может быть, десятков тысяч чудовищных извержений, которые мы с вами отлично бы помнили, если б могли унаследовать память потрясенных чудовищной стихией далеких предков.

Два древних слоя, памятники двух больших эпох, открывались на Яве. Один слой, сравнительно близкий, со времен которого уцелело и ныне здравствует три четверти животных видов, а вымерла только четверть,— пора буйволов, носорогов, ископаемых орангутанов и нгандонгского неандертальца: примерно 30—100 тысяч лет назад. Пониже этого слоя шли те самые кости, которые Дюбуа и супруги Зеленки нашли на тринильских откосах: это время питекантропа.

Древний нгандонгский слой и древнейший тринильский слой были главными путеводителями по яванским тысячелетиям.

Но вскоре геологические пути привели Кенигсвальда в страну нефтяных холмов между Сурабаей и Моджокерто, в восточной части острова. Там изпод земли очень часто извлекались кости, не похожие на те, что встречались в двух известных слоях. Здешние ископаемые гиппопотамы и олени успели вымереть уже ко времени питекантропа I. Попадались и останки очень примитивных быков-антилоп, типичного животного древнейшей ледниковой эры. Получалось, что обнаружился слой еще более древний, чем два прежде известных. По имени деревушки близ Моджокерто древнейшему пласту было дано имя «слой Джетис». Кенигсвальд убедился, что когда-то в этих краях была громадная дельта исчезнувшей реки, а в дельте множество ископаемых костей. Геолог не имел средств на организацию раскопок слоя Джетис, но, уверенный, что искать надо, оставил здесь своего мантри.

Мантри — незаменимые помощники европейских антропологов и геологов. Это местные жители, участвующие в раскопках, знающие, что нужно и что важно, хорошо умеющие отличить череп человека от черепа слона и понимающие, что интересные находки нельзя уносить, не зафиксировав точно их место. Мантри по имени Анджойо вскоре откопал любопытный маленький череп, с большой осторожностью достал его и тут же сообщил Кенигсвальду, что нашел голову древнего орангутана.

Кенигсвальд мгновенно явился и с одного взгляда понял, что открыт не оранг, а человек. Малая длина черепа — 14 сантиметров — объяснялась тем, что это был ребенок примерно двух лет. К сожалению, ни зубов, ни костей лица не сохранилось.

Малышу было присвоено звание питекантропа моджокертского. Он поразил ученых своей древностью (намного древнее питекантропа I) и вызвал сомнения.

Главным скептиком был не кто иной, как профессор Дюбуа. Прежде всего он протестовал против наименования: ведь найден человеческий череп, а питекантроп — это только гигантский гиббон и никакого отношения к человеку не имеет. То, что нашел Кенигсвальд, должно отнести к пигмеям или другим людям, по типу приближающимся к современному человеку.

Древность слоя, в котором нашли ребенка, Дюбуа не смущала: мало ли что могло произойти в прошлом? Могли, например, ребенка похоронить, отчего он и оказался в слишком глубоком слое.

Кенигсвальд не сомневался в своей правоте, но понимал также, что другие имеют право на сомнения и надо еще искать.

Осенью 1937 года геолог в который уже раз отправляется на восток острова: сначала поездом, затем на двуколке, наконец, пешком вдоль рисовых полей. На этот раз он торопится в Сангиран, что на берегу мутной речушки Кали-тжеморо (приток все той же неистощимой реки Соло) под сенью того же молчаливого и мрачного вулкана Лаву, который и теперь

господствует над пейзажем, как несколько десятилетий назад, когда в этих краях странствовал молодой Дюбуа, и как сотни тысяч лет назад, когда в этих краях охотился питекантроп.

Даже не нагибаясь, Кенигсвальд ясно видит торчащие там и сям окаменелые кости древних животных. Казалось, в краю бурь, тропических ливней и страшных извержений не должно уцелеть слишком много. Но в то же время именно здесь бурная стихия переворачивает, смывает пласты и регулярно выбрасывает на поверхность то, что скрывается в глубинах.

Поездка на этот раз вызвана тем, что в ящике с разными окаменелостями, прибывшем по его адресу, обнаружилась ископаемая человекообразная челюсть. Увидав ее, ученый догадался, что Атма времени не терял. Атма был не просто мантри, а, можно сказать, «двойник» Кенигсвальда. Прежде он работал садовником у одного из друзей ученого. Случайно узнав, чем интересуется европеец, Атма однажды поднес ему отличный каменный топор, и с тех пор они работали вместе: когда были деньги, вдвоем отправлялись на раскопки; когда денег не хватало, Атма ведал домашним хозяйством Кенигсвальда.

Подходя к Сангирану, антрополог мечтал, чтобы проблема обезьяночеловека окончательно разрешилась и чтобы попалась такая добыча, которую нельзя было бы принять за кого-либо иного, кроме питекантропа II. Кенигсвальд вспомнил, что еще несколько лет назад писал: «Если когда-либо будет открыт новый питекантроп, то это будет в Сангиране». И вот теперь он надеялся, что найденная челюсть позволит отыскать вожделенный череп.

Прибыв в деревушку, Кенигсвальд собрал жителей и, показав находку Атмы, объявил: десять центов за каждый новый фрагмент! (Большая цена: прежде платили, например, за ископаемый зуб от половины до одного цента!)

Дальнейшие события развивались стремительно.

Жители принесли много обломков, не имевших

отношения к делу. Кенигсвальд, хорошо зная благодаря Атме местные обычаи, понимал: люди его не обманывают; они в самом деле усмотрели сходство своих находок с обломком черепа, и, если не принять приношения, будет обида и не будет розысков. Ученый тайком, при помощи Атмы, просортировал кости, а затем отправил мантри за много миль с тайным приказанием — зарыть: на месте оставить обломки нельзя, потому что жители их снова найдут и будут снова претендовать на законную плату.

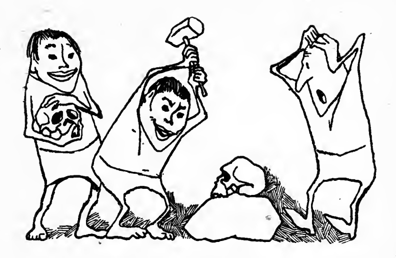
Но наступил день, когда Кенигсвальд пережил великую радость и ужас одновременно. Жители начали приносить фрагменты долгожданного черепа, но каждый приносил по крохотному кусочку! Ведь белый ученый сам сказал, что заплатит за каждый обломок: ну что ж, пусть обломков будет побольше!

В тот же день и сам Кенигсвальд открыл часть лобной кости, а к вечеру у него в руках оказалось уже около сорока фрагментов драгоценнейшего черепа.

Тогда ученый выставил деревне угощение — рис и соль. Появился туземный оркестр, танцовщицы, и всю ночь округа оглашалась гимнами, приветствовавшими возвращение из преисподней нового питекантропа.

Препаратор Берман в Бандунге, тщательно проанализировав все сорок кусочков, собрал из них почти целый череп. Едва появившись, череп доказал сразу две важные истины: во-первых, что он принадлежал существу того же вида, который открыл в этих местах 40 лет назад Евгений Дюбуа; во-вторых, теперь можно было не сомневаться, что это не гиббон, а примитивный человек, и никто иной.

Когда череп был восстановлен, Кенигсвальд послал большую фотографию в Голландию на адрес Дюбуа. Была надежда, что старик обрадуется, так как теперь удалось окончательно доказать ту самую идею, которую он так рьяно защищал в молодости и которую выразил в самом имени: питекантроп, обезьяночеловек.

Однако Дюбуа не обрадовался. Он долго комбинировал и перемещал отдельные части фотографии и вдруг сделал сенсационный вывод: до соединения кусочков черепа воедино они были уменьшены на десять-восемнадцать миллиметров, а без этого сангиранский череп будто бы выглядел как обыкновенный череп неандертальца или современного человека!

Снова все та же схема: питекантроп I — это гиббон, все другие находки на Яве не питекантропы, а люди, близкие по типу к современным.

Кенигсвальд протестовал против намеков Дюбуа. Профессор ехидно извинялся. Он заявил, что не думает, будто Кенигсвальд нарочно подпилил кости, но кусочков столько, что даже он, Дюбуа, несмотря на 50 лет практики, не смог бы правильно установить точные очертания такого черепа.

А на самом деле череп был собран правильно. Позже при помощи новых технических методов ясно установили, что швы на черепе нигде не прерываются и точно совпадают. Следы мозговых извилин на разных фрагментах сходились тоже.

Между прочим, открылось, что так называемое поле Брока (область мозга, управляющая речью) у питекантропа II неплохо развито. Стало быть, он

говорил или, во всяком случае, начинал разговаривать.

Голова второго питекантропа уступала по величине первому (всего 775 кубических сантиметров), но все же по всем статьям была на него очень похожа. Может быть, питекантроп I был мужчина, а II — дама...

Вскоре Кенигсвальд отправился со своими трофеями в Пекин, в гости к синантропу. На громадном столе в лаборатории Вейденрейха была устроена неповторимая выставка: на одном краю положили череп синантропа, на другом — питекантропа II. Долго антропологи ходили вокруг них, рассматривали, молчали, спорили и соглашались.

Синантроп имел лоб более округлый, «разумный», кости его были менее окаменелыми (он все-таки моложе на сотню-другую тысячелетий, да и обитал в пещере). Однако даже неспециалисту была очевидна близость, сходство двух обезьянолюдей, живших почти на одном меридиане, но разделенных пятьюдесятью параллелями.

Ява и Китай были в те годы великими Эльдорадо науки. Кенигсвальд, возвратившись, продолжал копать, соревнуясь с охотниками за синантропом, и в 1938 году не замедлил появиться скромный юноша питекантроп III (не весь юноша, только фрагмент его черепа), а через некоторое время из слоя Джетис поднялся могучий, мощнее всех других, питекантроп IV. Затылок его сохранил след страшного удара: он пал в бою или спасаясь от себе подобного. У него были и ярко выраженные человеческие и определенные обезьяньи черты (ни у кого из обезьянолюдей до той поры не находили к примеру так называемой диастемы — промежутка между верхними зубами, в которые могли бы входить нижние большие клыки, как в пасти оранга!). Поскольку последний питекантроп был во многом не похож на остальных, его выделили в особый вид — «питекантропус робустус» («питекантроп мощный»).

Так образовалась целая семья питекантропов — три взрослых, юноша и ребенок, хотя и моджокерт-

ский ребенок и «робустус» были веков на 100—200 постарше любого другого члена этого «семейства». Кенигсвальд открыл и каменные орудия. Правда, их нашли отдельно от питекантропов, и, возможно, то были орудия несколько более поздние, но все же очень, очень древние орудия. Затем несколько орудий обнаружилось в тринильском слое, и, хотя рядом не было костей, Кенигсвальд был уверен, что это «его» орудия.

Может быть, питекантроп метал или использовал как-то иначе также и таинственные тектиты (биллитониты), круглые и блестящие? Эти стекловидные камни встречаются в Восточной и Юго-Восточной Азии почти повсеместно, но преимущественно в слоях Триниля. «Если я не ошибаюсь, — пишет Кенигсвальд,— то чудовищный дождь биллитонитов (может быть, несколько роев) падал на землю в конце среднего плейстоцена (примерно время питекантропов I и II) на Австралию и Юго-Восточную Азию».

Несколько тысяч веков назад бродили питекантропы по берегам яванских рек, и кто знает, может быть, ходят по земле их прапрапра... (25 тысяч раз) внуки. И может быть, среди прямых потомков именно этих открытых учеными обезьянолюдей числятся и те, кто совсем не верит в таких предков.

Был он в то время самым умным из существ на земле.

Сейчас, в наши дни, нет на земле ни одного животного, которое могло бы сравниться умом с мудрейшим питекантропом.

Четыре питекантропа свидетельствовали против Евгения Дюбуа.

В 1940 году, когда Кенигсвальд завершал свои походы за питекантропами, фашисты вторгаются в Голландию. 82-летний Дюбуа умирает, так и не соглашаясь вернуть человечеству сотни тысячелетий истории и разъяренный упорным нежеланием этого самого человечества расстаться с дарованным предком.

А на другом конце земли, на берегу яванской реки Соло остался памятник удивительной жизни и заблуждений этого человека — простой каменный столб, на котором выгравировано: «P. E. 175 м. ONO. 1891—93»,— что означает: «Питекантропус эректус (обезьяночеловек прямоходящий). Открыт в 175 метрах к востоку-северо-востоку от этого места в 1891—1893 годах».

ГЛАВА ПЯТАЯ, ОНА ЖЕ ВТОРАЯ — ПЯТАЯ

Человек у великанов

Когда Кенигсвальд прибыл в 1964 году в Москву на антропологический конгресс, коллеги смотрели на него как на флибустьера или древнего землепроходца.

Кенигсвальд признается: в молодости он и мечтать не смел о том, что после увидел. «Яву исходил

вдоль и поперек, спускался в пещеры синантропа, рылся в кладовых китайских аптек, посещал места замечательных открытий в Южной Африке, бывал в знаменитом Олдувэйском ущелье среди восточно-африканских степей».

Китайские аптеки попали в перечень вместе с Явой, синантропом и Олдувэем (о чем, кстати, речь впереди). Действительно, китайские аптеки, открывшие путь к синантропу, сослужили при помощи Кенигсвальда еще одну большую службу антропологам.

Сначала вежливо кланяющиеся китайские аптекари не понимали ученого: он просил у них зубы всех животных, какие в аптеке имеются, и на прилавке появлялось все, что угодно: челюсти тигров, резцы оленей,— но только не ископаемые обезьяньи и человеческие зубы. Тогда Кенигсвальд захватил с собой хорошо иллюстрированную книгу о древних животных и показал аптекарю в Бандунге рисунок древних аммонитов, населявших моря в эру ящеров. Хозяин аптеки заулыбался и принес раковины, похожие на изображения. Рисунок древнейших обитателей морей, трилобитов, привел к появлению на прилавке очень похожих тварей — сушеных мокриц. Этот своеобразный обмен, рисунок — вещь, длился долго, и Кенигсвальд получил несколько очень интересных окаменелостей. Наконец дело дошло до зубов. Китаец закивал головой и принес большой зуб носорога. Когда Кенигсвальд назвал животное, хозяин вежливо поправил: «Это зуб не зверя, а дракона». Кенигсвальд запомнил урок и отныне во всех аптеках спрашивал зубы дракона. Этот рецепт позволил ему приобрести немало замечательных «лекарств».

Перед войной, в годы экономического кризиса, аптекари, чтобы избежать разорения, предлагали посетителям богатейший выбор драконьих зубов. В Маниле, столице Филиппинских островов, Кенигсвальд раздобыл «зубы дракона второго сорта», которые оказались чрезвычайно интересными зубами ископаемого орангутана. Голландец вошел во вкус и всюду, где были китайские аптеки, — в Сиаме, Индокитае,

Малайе, Гонкоиге,— везде он покупал. Он сумел приобрести зубы ископаемых зверей даже в китайском квартале Саи-Франциско и иа Мотт-стрит в Нью-Йорке!

«Ничего в жизни ие воспламеняло меия сильиее, — вспомииает учеиый, — чем поиски ископаемых древностей в китайских аптеках».

В конце коицов было сделано так много иаходок, что возник забавный научный термин — «аптекарская фауна», «аптекарские виды».

В 1939 году, в разгар своих яваиских открытий, Кенигсвальд попал в Гонконг, по привычке обошел аптеки и, между прочим, купил несколько зубов гигаитского размера, прииадлежавших человекообразиой обезьяне. Они были больше, чем клыки самого мощиого ораига или гориллы. Неведомого гиганта Кенигсвальд назвал «гигантопитеком Блэка и Кенигсвальда» (даиь уважения первооткрывателю синаитропа).

После войны в Китае иашли еще более полусотни громадных зубов.

Специалисты подсчитали, каков был рост древнего гигаитопитека, если его размеры пропорциоиальны величине зубов. Решили, что, если исходить из закоиомериости человеческого организма, великаи подиимался на три с половиной и даже четыре метра, если же вычислять по «обезьяиьим формулам», то существо выглядело меиее внушительно, но все же превосходило самого высокорослого баскетболиста и достигало примерно 240—250 сантиметров.

Древняя обезьяна поражала воображение. Она позволяла рисовать фантастические картины первобытиого леса, среди которого, не скрываясь, движутся иепобедимые гигаиты, практически не имеющие врагов. Мысль о том, что гигантопитек был добродушен и травоядеи, иедавно стала сомнительной: в китайском гроте Лэнцзай (отвесная скала, высота 90 метров!). Пэй Вэнь-чжун обнаружил челюсть могучей обезьяны и вместе с ней кости крупных травоядиых животных. Очевидно, великаиы без труда затаскивали наверх, по крутой стеие тяжелых живот-

ных. Никаких орудий труда в пещере не нашли: гигантопитек был гигантской обезьяной, хотя и весьма человекообразной, жившей примерно в одну эпоху с питекантропами и синантропами.

Пока делались эти удивительные находки, вторая мировая война расползалась по планете. Родина Кенигсвальда — Голландия была оккупирована, фашисты уже вторглись в СССР, готовилась к нападению Япония.

Летом 1941 года Кенигсвальд жил в Бандунге на Яве, даже и не мечтая об охоте за ископаемыми. Но, видимо, этот человек обладал каким-то свойством притягивать находки и тогда, когда о них почти не думал. Именно в это лето один из старых мантри Кенигсвальда прислал в Бандунг фрагмент челюсти. Фрагмент был найден недалеко от того места, где обнаружили питекантропа IV, и примерно в том же слое — древнем слое Джетис. Челюсть изумила даже видавшего виды Кенигсвальда: без сомнения, это человеческая челюсть (зубы сравнительно невелики), но ее размер таков, что пришелся бы впору могучей современной горилле.

Поскольку у людей и человекообразных обезьян чем больше челюсть, тем больше рост, получалось, что открыт гигантский человек ростом в два с половиной метра. Конечно, нельзя точно ручаться, что рост его был именно таков, — для этого требовалось разыскать еще какие-нибудь фрагменты скелета, и все же скорее всего был открыт именно великан.

Около недели Кенигсвальд таскал челюсть в кармане, чтобы иметь возможность в любое время дня доставать ее, разглядывать и убеждаться, не грезит ли он. Рассматривая таким образом свой трофей, Кенигсвальд, между прочим, обнаружил на челюсти замечательный костный выступ — spina mentalis, — тот выступ, на котором закрепляются мускулы языка, так что мы можем совершать им разнообразные манипуляции, то есть попросту — разговаривать. Этот выступ вовсе отсутствует у обезьян, но у синантропа и гейдельбергской челюсти есть, у питекантропа, Ке-

нигсвальд считает, тоже должен быть (хотя до сих пор не обнаружено ни одной соответствующей части черепа). И вот, оказывается, spina mentalis была и у гиганта: он говорил, он был человеком. Значит, ему нельзя давать научного имени, оканчивающегося на «питек» — обезьяна. Он заслуживает быть причисленным к «антропам» — людям. И Кенигсвальд нарекает его «мегантроп палеояванский». «Мегантроп» значит «огромный человек».

Легенды древних народов о великанах, гигантах, титанах, не сложены ли они о гигантских людях и гигантских обезьянах? Конечно, гиганты, которых нашел Кенигсвальд, жили сотни тысяч лет назад, но кто знает, когда наступил их последний час? Это загадка: такая же, впрочем, как и начало, происхождение, родословная гигантов.

Чувствуя приближение войны, Кенигсвальд послал в Нью-Йорк на имя Вейденрейха муляж гигантской челюсти. Это было сделано буквально накануне роковых событий.

7 декабря 1941 года японская армия, авиация и флот обрушились на Пирл-Харбор, Гонконг, Сингапур, Филиппины, Индонезию. Началась война на Тихом океане... Ее жертвами стали сотни тысяч людей, множество городов, сел, памятников культуры. Атаке подвергся не только двадцатый век, но и все прошедшие. Демон фашизма словно решил лишить людей не только настоящего и будущего, но и стремительно заглатывал прошедшее. Арестовывая американских, английских и других вражеских подданных, а также захватывая их имущество в Китае, японцы не пощадили и коллекцию синантропов. После войны делались попытки найти хотя бы остатки громадных и бесценных коллекций Блэка, Вейденрейха, Пэй Вэнь-чжуна и других ученых, но неудачно. Один череп нашелся было в Шанхае, но это оказался искусно сделанный муляж головы синантропа.

Вейденрейх, к счастью, многое сохранил своими замечательными публикациями и фотографиями, и все же потеря собраний ужасна. Достаточно сказать, что

никакие новые технические методы анализа костей теперь нельзя применить к громадному собранию останков пекинского человека.

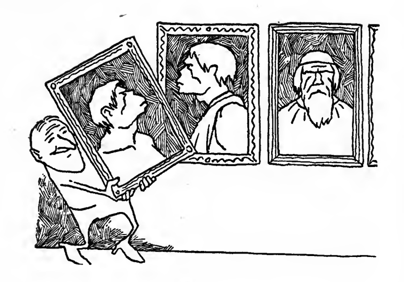
Правда, после войны китайские ученые нашли еще несколько зубов ископаемого человека, а также челюсть, остатки орудий. В уезде Ланьтян (900 километров юго-восточнее Пекина) отыскали целую челюсть ланьтянского синантропа, но пропажа главной коллекции пока не восполнена.

Кенигсвальд сумел лучше подготовиться к войне: были изготовлены отличные муляжи всех яванских ископаемых находок. Затем их нарочно смешали с пылью от специальной смеси, чтобы оккупанты приняли копию за подлинник. Когда японские армии приблизились к Яве, американцы предложили перевезти кости питекантропов, мегантропа и нгандонгского неандертальца в США, однако Кенигсвальд и его коллеги отказались расстаться со своими открытиями.

Вскоре японцы захватили Яву. Великолепную верхнюю челюсть питекантропа жена Кенигсвальда прятала всю войну, но большую часть ископаемых останков ученый доверил застрявшим на острове швейцарскому геологу и шведскому журналисту: как представителям нейтральных стран им угрожала меньшая опасность. Через несколько месяцев, однако, швед услыхал, что японцы собираются его обыскать. Тогда он запрятал драгоценные зубы питекантропа и гигантскую челюсть в громадные бутылки от молока и зарыл их в саду, где все благополучно сохранилось до конца войны. Древним костям подземное существование было не в диковинку.

Так прошло несколько тяжелых лет. В конце войны Кенигсвальда и многих его друзей загнали в японский концлагерь на Яве, где летом 1945 года и пришло освобождение.

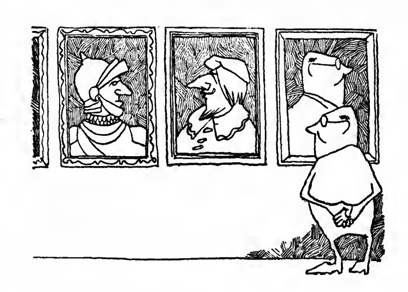
Выйдя на свободу, ученый узнал, что его семья уцелела, сохранились и драгоценные находки — вернее, все, кроме одной: череп нгандонгского человека как подарок императору был отправлен в Японию, где «пережил» все бомбардировки и уцелел до конца

войны. О его пропаже Кенигсвальд сообщил американскому командованию, и год спустя в Нью-Йорке молодой офицер разыскал ученого и вручил ему череп яванского неандертальца, обнаруженный в Киото, древней столице японских императоров.

Когда Кенигсвальд приехал в Нью-Йорк, он нашел там Вейденрейха, уверенного, что голландец погиб, а его находки исчезли. Вейденрейх был потрясен пропажей синантропов, хотя внешне оставался спокоен и продолжал работать. Полтора года оба антрополога трудились вместе, затем Кенигсвальд вернулся в родную Голландию, а Вейденрейх в 1949 внезапно умер. «Исчезновение синантропов поразило его сильнее, чем мы думали», — пишет Кенигсвальд.

Обстоятельства не позволили открывателю питекантропов возобновить свои раскопки в Индонезии, но через несколько лет он получил оттуда приятную новость. Доктор Питер Маркс из Бандунгского университета в 1952 году добрался до Сангирана, где в течение многих лет профессионалы-антропологи не появлялись. Оказалось, что жители селения накопи-

ли больше семисот килограммов ископаемых костей, дожидаясь, когда же приедет за ними их старый знакомый Кенигсвальд, которому когда-то нашли 40 обломков по 10 центов за обломок, а после пировали и плясали.

Среди груды окаменелостей Питер Маркс отыскал новую гигантскую челюсть, не меньшую, чем у первого мегантропа, и подтвердил, что находка великана в 1941 году не была открытием случайного индивида, «урода»...

Вторая мировая война завершила целую эпоху человеческой истории. Примерно к этому же времени относится и важный рубеж науки, которая занимается древнейшим прошлым человека.

Кое-что прояснялось.

Когда-то путешественники дарили себе, друзьям, своим странам, человечеству новые острова, материки, океаны. Теперь вошло в моду дарить целые эпохи.

Множество находок сравнительно поздних ископаемых людей позволило в конце 20-х годов Алену

Хрдличке, чехословацкому ученому, работавшему в США, сделать важнейший вывод: существовала неандертальская стадия человеческого развития. Хрдличка подарил людям примерно 600 веков их истории (40—100 тысяч лет назад, время неандертальцев).

Синантроп, давно исчезнувший, позволил продвинуться в глубь веков еще на 250—300 тысячелетий, то есть на добрую сотню наших эр, эпох, периодов.

Наконец, Евгений Дюбуа, против желания, и Кенигсвальд, по убеждению, довели нас до питекантропов и их таинственных гигантских современников.

Долгое время точный возраст их оставался неясным, но все равно портрет питекантропа украшал первую страницу главы о первых людях в любом учебнике дарвинизма или древнейшей человеческой истории.

Несколько десятилетий питекантроп был первым человеком.

Геологи на глазок давали ему миллион лет, но только в 1962 году все тот же неутомимый, хотя и поседевший, Кенигсвальд смог предложить более точный результат. В Гейдельбергскую физическую лабораторию он передал несколько образцов для так называемого калиево-аргонового анализа: прежде всего кусочек базальта, соответствовавшего второму, тринильскому, слою Явы, тому слою, в котором были найдены питекантропы I, II, III. Затем Кенигсвальд переслал в лабораторию 24 круглых стекловидных шарика, загадочных вулканических тектита, найденных в одном разрезе с костями питекантропов.

Пришли ответы. Базальту было 495 тысяч лет (с точностью плюс 100 тысяч минус 60 тысяч лет). Средний возраст тектитов оказался 610 тысяч лет.

В общем Кенигсвальд остановился на цифре 550 тысяч лет, как среднем возрасте питекантропа. Понятно, моджокертский ребенок, питекантроп IV и мегантроп должны быть постарше, так как найдены в более древних слоях.

Некоторые расчеты Кенигсвальда вызывают сомнение у специалистов, но в целом вряд ли удастся

сильно поколебать «анкету» питекантропов. Их время — 500—700 тысяч лет назад.

К середине 40-х годов XX столетия картина древнейшего прошлого казалась ясной, несмотря на малое число штрихов и деталей, ее образовывавших. Выражаясь языком библейским, содержание картины было таково:

Обезьяна роди питекантропа (и гигантов иже с ним), питекантроп роди синантропа, синантроп роди неандертальца, неандерталец роди нас с вами.

Картину портил, даже угрожая порою ее стереть, только джентльмен из Пильтдауна.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, САМАЯ НЕ ДРЕВНЯЯ

Джентльмен из Пильтдауна

В сейфе Британского музея покоились и, может быть, сейчас покоятся окаменелые кости пильтдаунского человека, «первого англичанина». Эти кости почитались как самая выдающаяся находка на британской земле.

На парадной лестнице Геологического общества

в Лондоне более 40 лет висела и, может быть, сейчас висит большая картина: профессор Артур Кизс измеряет череп. Наблюдают Эллиот Смит и Смит Вудвард, крупнейшие антропологи и палеонтологи. На заднем плане картины разместились менее образованные джентльмены, и среди них скромный археолог-любитель Чарлз Даусон.

В 1909 году Даусон принес в Британский музей фрагмент древнего черепа и сообщил, что это находка одного рабочего, сделанная близ Пильтдауна (графство Суссекс, на полпути между Лондоном и южным берегом Англии). Сэр Смит Вудвард тут же отправился в Пильтдаун и на месте, указанном Даусоном, в течение трех лет добыл еще восемь частей того же черепа. Высокий лоб древнего человека и его большой мозг (1350 кубических сантиметров) говорили о том, что пильтдаунец был не глупее нас. Единственная несколько примитивная черта черепа — довольно большая толщина его костей (10 миллиметров), однако это обстоятельство мало что меняло, поскольку и в наши дни можно иногда встретить вполне разумных людей с такими же костями. Пильтдаунский череп поразил исследователей своей древностью: все девять фрагментов его были покрыты характерным темно-красным «налетом времени», хорошо известным «охотникам за черепами». К тому же рядом были найдены очень древние каменные орудия.

Раскопки, понятно, продолжались, и в 1912 году в той же яме нашли нижнюю челюсть. Она была настолько примитивна по сравнению с нашими цивилизованными челюстями, что некоторые специалисты приняли ее за останки шимпанзе (впрочем, зубы по величине и структуре были ближе к человеческим). Позже Вейденрейх склонялся к тому, что это ископаемый оранг, а его ученики утверждали, что открыта челюсть неизвестного вида: «бореопитек», «северная обезьяна». Большинство антропологов, однако, настаивало, что череп и челюсть принадлежат одному существу; в самом деле, как объяснить иначе, что довольно близкие части скелета были найдены

в одном месте? Почему древней обезьяне понадобилось умереть именно в той точке, где покоился человек с высоким лбом?

Споры вокруг пильтдаунских костей порою достигали того крайнего предела корректности, за которым начинается беспредельная некорректность. К этому времени находка питекантропа и гейдельбергской челюсти сделала изрядную брешь в рядах ортодоксов, и любой сомневающийся в пильтдаунском обезьяночеловеке мог быть заподозрен в невежестве и мракобесии (особенно на родине Дарвина!).

Окончательно подтвердил ценность находки Чарлза Даусона нижний клык (с обезьяньими и человеческими особенностями), открытый в 1913 году все в том же Пильтдауне первоклассным антропологом Шарденом. Англичане решили, что это зуб того же самого существа, и вскоре провозгласили существо «эоантропом», «человеком зари».

Под «зарей» подразумевалась, понятно, человеческая заря, сменявшая животный мрак планеты.

Даусон умер в 1916 году, а Смит Вудвард был так убежден в важности эоантропа, что вышел в отставку, построил около Пильтдауна маленький домик и, как говорят, ни о чем другом, кроме как о черепе, челюсти и зубах древнего человека, не разговаривал.

Поговорить было о чем: умный череп в соединении с примитивной челюстью составлял загадку. И у питекантропов, и у синантропов, и у других ископаемых обезьянолюдей череп и челюсть находились в согласии: большая современная голова — вполне современная челюсть; если же голова меньше, древнее, то и челюсть более обезьянья.

У пильтдаунского человека все было не по правилам.

Но это еще полбеды. А вот чего ученые не могли никак перенести — это ужасающей древности эоантропа. Судя по глубине залегания и другим признакам, жил он примерно миллион лет назад, то есть был ровесником питекантропа и гейдельбергского человека. Отсюда следовало, что «нормальные обезьянолюди» скорее всего не были предшественниками пильтдаун-

ца. К тому же последий, ие забудем, зиачнтельно более головастый.

Получалось, что пнтекаитропы, сниантропы и тому подобные — это параллельные, отставшне ветви человеческого развнтня, а все открытия Дюбуа, Вейденрейха, Блэка, Кеннгсвальда и другнх, хотя и важны, ио опнсывают лншь задворкн человеческой нсторнн, дальнних вырождающнхся родственннков, в то время как наш великнй предок — это «человек зари».

Понятио, еслн пнльтдаунец был столь развнт уже миллион лет назад, то, скажем, на уровне питекантропа он должен был находнться намного раньше, еще в третнчиом перноде.

Ннчем особенно страшным нам, далекнм потомкам, такой вывод не грознл. Ну, разумеется, кое-кто нз раснстов попытался нспользовать эоаитропа: «Европейский человек уже в древностн обогнал азиатскнх и афрнкаискнх отсталых обезьяиолюдей, откуда и пошло пренмущество белой расы!»

Но мало лн как могут использовать всякое открытне раснсты! И позволнтельио усомииться в том, что без эоантропа оии, бедолаги, так бы ннчего ие прндумали. Между тем пильтдаунский человек был фактом, серьезным фактом, разрушавшнм многие стройные иаучные снстемы, и с ннм прнходнлось счнтаться. В конце концов вполне нормально, что одна нлн несколько ветвей прн развитнн вида обычно вырываются вперед. Еслн естественный отбор создает, например, передовых н отсталых оленей или тигров-отличнников н тнгров-иеудачинков, то закоиомерио также сосуществованне более н меиее очеловечнвшнхся обезьяиолюдей.

Пока существовала загадка эоантропа, все аитропологи, открывавшне иовых промежуточных предков, моглн допускать, что их герон некогда палн перед высочайшей «пильтдауиской цивилизацией».

Профессор Кеннет Оклей из Британского музея за последнне десятнлетия сделался одним из самых суровых экзаменаторов, вопросов которогб побаивают-

ся даже светила антропологии. Как только где-либо открывают антропа или питека, в лабораторию Оклея посылают образцы найденных костей и породу. Впрочем, профессор предпочитает сам осматривать места раскопок.

Одним из замечательных открытий профессора Оклея был метод анализа древних костей на фтор: подземные воды, омывая мертвые кости, постепенно вносят в них небольшое количество фтора. Чем больше фтора, тем кость древнее. Конечно, требовался тщательный и очень тонкий анализ, его-то Оклей и научился делать.

В 1953 году ученый решил попробовать на фтор пильтдаунский череп. Результат был неожиданный: фтора в голове «первого англичанина» оказалось чрезвычайно мало. Получалось, что ему от роду не миллион и не сотни тысяч, а не больше 50 тысяч лет. Оклей, таким образом, раз в 10—20 приблизил пильтдаунского человека к нашим дням, лишив его той исключительности и таинственности, которую ему придавала сверхдревность. Но тут сразу возникли новые неясности: около 50 тысяч лет назад на земле уже существовали в большом количестве люди вполне современного типа — с большой головой и вполне современной челюстью.

Такой череп, как у эоантропа, в то время (как и теперь) ничего особенного не представлял бы, но пильтдаунская челюсть и тогда и сейчас была бы совершенно немыслимым, невозможным уродством.

Тогда другой английский специалист, Вейнер, решил подвергнуть эоантропа новому экзамену по химии. На этот раз измерялось содержание азота. Известно, что у современного человека в костях примерно четыре процента азота, а в могильниках возрастом в несколько тысяч лет — не больше двух процентов... И тут-то началось. Ни в одной из частей черепа не оказалось больше 1,4 процента азота: количество вполне нормальное для возраста в несколько сот веков, определенного Оклеем. Зато челюсть, знаменитая пильтдаунская челюсть, содержала 3,6 процента азота, то есть принадлежала... современному существу!

Из всех наших современников такой челюстью обладает только шимпанзе.

Результат был слишком скаидальным, чтобы его не проверить. Зубы эоантропа внимательно рассмотрели под лупой. Те зубы, что находились в челюсти, оказались обезьяньими и одновременно человеческими. Очеловечивание зубов явно происходило с помощью напильника.

Но еще оставался выкопаиный Шарденом клык. Ои выглядел очень старым, использованным, ио Вейнер посмел заподозрить, не подпилен ли и последний пильтдаунский зуб.

Если человек слишком сильио изнашивает зубы, то на них обязательио образуется иовый слой так иазываемого дентина. Долго искали хотя бы след этого слоя на клыке эоаитропа, даже просветили рентгеновыми лучами, но ничего, ни малейших следов второго слоя не нашли.

Тогда-то над клыком был произнесен приговор: никогда, ни при каких обстоятельствах он не мог быть доведен до такого состояния, находясь во рту, но легко и при известных обстоятельствах мог быть доведен до такого состояния, находясь в руках разумного существа, особенно если в тех же руках оказался напильник.

Целая научная крепость развалилась иа глазах. Оставался последний некрепкий бастион: отличиая древняя окраска черепа и челюсти.

Снова химическое обследование, и снова достаточно определенный вывод: кости обработаны бихроматом, который придает предметам красиоватый оттенок. Правда, Даусон сам рассказал Смиту Вудварду, что покрыл этим составом первый фрагмент черепа, дабы его укрепить. Но потом ведь сам Вудвард извлек из суссекских песков другие части черепа: выходит, еще под землей их тоже покрасили.

Кенигсвальд вспоминает, как в 1937 году он приехал в Пильтдаун и Вудвард потащил его к месту находок, несмотря иа проливной дождь. Вудвард никак не мог понять, отчего после смерти Даусона не

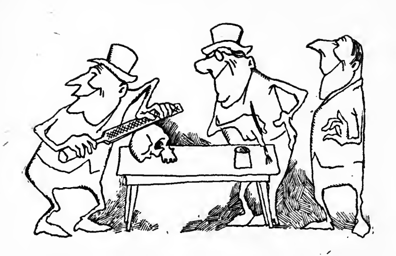

удалось сделать никаких открытий в этом песчаном карьере.

Итак, к середине 50-х годов XX столетия культ пильтдаунской личности кончился, а начался он очень просто: девять фрагментов древнего, но вполне современного черепа окрасили под древность, окрасили и отшлифовали челюсть вполне современной обезьяны, заранее подпилили обезьяний клык. Затем всю эту коллекцию разбросали на определенной дистанции и на глубине, соответствующей очень древнему слою. Замысел заключался в том, чтобы антропологи не сразу все нашли и чтобы находки были сделаны их руками. Уловка удалась. Большая часть костей эоантропа была извлечена серьезными и честными учеными — Вудвардом, Шарденом, но зато все улики обвиняют теперь Чарлза Даусона, умершего, впрочем, в большой славе, почти за сорок лет до разоблачения.

Какова мораль?

Напрашивается нечто вроде следующего: ай-яй-яй, ну и ученые, если их так просто обмануть! От одной фальшивки, изготовленной археологом-любителем, зависело столько теорий! (Эллиот Смит, к примеру, вы-

ступил в свое время с гипотезой, что первоначально голова и мозг наших предков были не малы, а очень велики, и ссылался, конечно, на пильтдаунский череп.) Не присутствуем ли мы во всемирных масштабах при повторении ситуации из повести Доде «Бессмертный» (герой избран в академики за те исторические труды, которые он написал. Лишь случайно новый «бессмертный» узнает, что все исторические документы, которые легли в основу его трудов, изготовил горбун-переплетчик: ввиду нехватки средств на дорогих женщин ему пришлось стать Екатериной II и Рабле)?

Еще можно добавить к этому нравоучению, что разоблачение пильтдаунца нанесло удар по расизму и что так им, расистам, и надо.

Во всем сказанном есть, конечно, немало печальной истины. Специалисты 1912 года не владели ни фторовым, ни азотным методом, но рассмотреть зуб под лупой, кажется, не возбранялось! Действительно, в молодой науке не только каждое новое открытие, но и «закрытие» способно производить коренные перевороты.

Но смеяться все же легче, чем понять.

Ведь специалисты были под гипнозом великолеп-

ного открытия, которое, казалось, не уступает находке Дюбуа, и, вероятно, исходили из того странного убеждения, что джентльмен не способен сфальшивить, особенно если речь идет о знакомстве с первым англичанином.

Но мало какой урок оказался полезнее пильтдаунского.

Теперь каждую находку проверяют не так, как прежде.

Проверка требует более совершенных методов контроля, и в результате вперед движется не только антропология, но и химия, физика.

Теперь антропологи могут вздохнуть свободнее, потому что «пильтдаунская тень» сошла с их находок и никому пока не удается опровергнуть, что питекантроп, синантроп, неандерталец были самыми передовыми людьми своего времени. К тому же приятно сознавать, что природа не допускает таких хулиганств, как соединение передового черепа с отсталой челюстью, а коли так, то, значит, существуют незыблемые законы природы, формулы, и, стало быть, возможны предсказания и великие открытия, не разрушающие открытий, сделанных прежде.

И вообще хорошо без эоантропа.

Впрочем, тому, кто чересчур уверует в благонамеренность природы, грозит пильтдаун с другой стороны: глядишь, поклонник гармонии и целесообразности начинает доказывать, что обезьяночеловек — это наш патологический современник, а питекантроп не более чем гиббон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ И СНОВА — ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ, ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ

Missing link, **недостающее звено**

Эти два слова специалисты любят меньше, чем журналисты, потому что специалистам их смысл не очень ясен, журналисты же все очень хорошо понимают.

После того как пильтдаунский человек, по выражению Кенигсвальда, был дисквалифицирован и

выбыл из игры, родословная человека выглядела стройно, даже угрожающе стройно.

Если не слишком беспокоиться о тысячах или десятках тысяч лет и делить историю человечества не по поколениям или цивилизациям, а «по большому счету», то есть по антропологическим типам, то вершиной родословного древа окажемся мы с вами. Сказав так, сразу отсчитываем 30—50 тысячелетий, потому что за последние 300—500 веков принципиальных изменений в физической структуре человека как будто не произошло (говорим «как будто», потому что антропологи, глядишь, завтра нечто откроют, и все переменится).

Итак, мы.

До нас неандертальцы. Эти могучие парни с чудовищными мускулами и большой головой (не меньшей, а порою большей, чем у нас), очевидно, владели планетой около 100 тысяч лет. Между неандертальцем и человеком нашего типа должно быть недостающее звено, соединяющее всех в единую цепь. Иначе мы ничего не поймем, а мы этого не любим.

Но поскольку в этой главе речь пойдет про другое недостающее звено, куда более раннее, то к нему и отправимся.

Если неандертальцы — в широком смысле — отцы наши, то в дедах уже давно ходят синантропы.

Неандертальцы были 100 тысяч лет назад, а синантропы — 300—400 тысяч. Их разделяют тысячевековые пропасти, гигантские эпохи переселений, превращений, исчезновений, появлений. Как синантроп сделался неандертальцем, превратился ли именно тот, открытый Блэком, синантроп или вымер, а прогрессировать пошли его современники, не знаем, давно не знаем, не знаем, когда узнаем.

Тут не то что недостающее звено — не хватает, можно сказать, всех звеньев, кроме одного-двух, которые нам достались. Но что делать? Если б можно было «просветить» землю и сразу найти в недрах кости! (Кстати, физики и археологи об этом серьезно задумываются.)

Синантроп — дед.

Питекантропы — прадеды, возрастом от полумиллиона лет и старше. В 1954 году французский антрополог Арамбур открыл в Марокко, в глубоком песчаном карьере, африканского питекантропа, «атлантропа». Современником питекантропа был, очевидно, гигантский человек, но станем считать его боковой ветвью, не более чем двоюродным прадедом.

Все известные питекантропы были современниками в том смысле, в каком нашими современниками являются строители египетских пирамид и последние обитатели древних пещер. Самым древним, архаическим человеческим существом, судя по всему, был моджокертский ребенок. Довольно долгое время его считали первым человеком. Этот маленький череп был чем-то вроде вехи, оставленной разведывательным отрядом, забредшим дальше других в глубины темного, таинственного материка. Где-то тут, думали, незадолго до питекантропа и произошло то самое чудо, скачок, таинство, когда последняя обезьяна вдруг провозгласила себя первым человеком. К середине нашего столетия исследователи находились как бы у края того важнейшего в истории земли события, которое иногда для краткости именуется недостающим звеном.

Чувствую, что не все читатели этих строк понимают, почему я так много сейчас рассуждаю: подумаешь, за какое-то количество тысячелетий до питекантропа развитая обезьяна догадалась взять палку или другой предмет, и все началось. Что тут особенного?

Поймите, как все это не просто. Почему именно обезьяна, а не какая-нибудь другая хитрая, разумная тварь (дельфины!) сделала это? Что должно было произойти внутри существа, перескочившего «через пропасть»? Почему миллиардолетняя эволюция только в этот момент, на этой стадии соединила живую и неживую природу, то есть заставила высокоорганизованное существо взять в лапу (руку) примитивный безжизненный предмет — палку, камень? Какова «формула», приведшая к этому соединению: вес мозга? Двуногость? Энергетика? (Любое высшее млекопитающее расходует за жизнь на 1 килограмм своего

веса приблизительно 125 тысяч килокалорий энергии — такова норма, отпущенная ему на жизнь. Человек же на 1 килограмм потребляет в 6 раз больше — примерно 750 тысяч килокалорий. Этот гигантский энергетический скачок — только один из фрагментов той тайны, которую еще Дарвин и его противники видели, но по-разному объясняли.)

Если я все еще не убедил, что толкую о чудеснейшем моменте бытия, постараюсь решить эту задачу в дальнейшем, а пока прошу поверить на слово, что величайшее событие в истории нашей планеты, второе по значению после зарождения жизни на земле, произошло не менее 600 тысяч лет назад и не более, чем...

Тут-то серьезный разговор пойдет.

Питекантроп уже «по сю сторону». Он скорее человек. За неимением грани, разделяющей сю и ту, человеческую и обезьяньюю, стороны, перебросимся сразу на ту, где уже, без сомнения, обезьяны. Известно, обезьян третичного периода было много, и населяли они почти весь мир, не то что ныне. Если же говорить о древних антропоидах, то есть человекообразных обезьянах, так их нашли уже больше двадцати.

Все они, однако, слишком уж стары для нашей задачи, древние человекообразные обезьяны. Некоторым десятки миллионов лет (дриопитек, ископаемая обезьяна, похожая на гориллу и найденная во Франции).

20—25 миллионов лет Проконсулу. Эту интересную древнюю обезьяну, ископаемое шимпанзе, нашел в Восточной Африке 35 лет назад один из лучших охотников за окаменелостями, доктор Лики, встреча с которым еще впереди. (Имя Проконсул было дано в честь одной из популярнейших обезьян Лондонского зоопарка, именовавшейся Консулом. Разница между «римскими должностными лицами» составляла 25 миллионов лет, что никого не смущало.) Интересные древние обезьяны нашлись в Индии (рамапитек, сивапитек), в Египте (фаюмская обезьяна), но им тоже не меньше десятка миллионов лет.

Индийские обезьяны и дриопитек по некоторым

признакам могут (крайне условно) считаться нашими прапрапра... дедами. Проконсул же любопытен тем, что, по-видимому, жил еще до разделения человекообразных обезьян на две партии: «Пойдешь направо — человеком будешь, налево — обезьяной останешься».

Видимо, 10—20 миллионов лет назад в теплых третичных лесах это размежевание только-только закладывалось.

Приблизительно 10 миллионов лет назад одна группа человекообразных обезьян смогла стать на человеческий путь; несколько миллионов лет члены этой группы оставались обезьянами, не теряя шансов на очеловечивание, затем произошли крупные перемены в мире и соответственно изменились обезьяны, а примерно миллион лет назад произошел скачок.

В этой длинной фразе многое составляет величайшую проблему.

«10 миллионов лет назад» — а может, много раньше или, наоборот, позже, и все произошло быстрее?

«Одна группа обезьян» — но почему одна? Может быть, к очеловечиванию двинулось несколько групп, и, как увидим дальше, есть серьезные основания для такой гипотезы.

«Смогла стать на человеческий путь», «не теряя шансов» — но ведь обезьяна не понимала, что с ней происходит, не хотела очеловечиваться сознательно, так как не могла сообразить, что это такое. Передовой обезьяне хотелось есть, пить, размножаться, то есть существовать... Мы догадываемся только, что когда человекообразные обезьяны сумели приспособиться к трудной жизни — научились лучше прыгать по деревьям, стали непобедимыми гигантами или еще как-то устроили свой быт, как только они сделались сыты и счастливы, так сейчас же путь к человеку для них закрылся: специализация давала успех, но вела в тупик.

«Крупные перемены» — вы знаете, конечно, о чем речь: установление сухого, прохладного климата, необходимость спуститься с деревьев, развить руку и так далее и тому подобное.

> Но страшная мысль! А если бы климат еще 20—40 миллионов лет оставался теплым и влажным? Что же, так бы обезьяна и жила на деревьях и не очеловечилась? Или иначе: может быть, теплые третичные миллионолетия весьма реакционны и если б похолодало на миллион лет раньше, то спутники летали бы уже во времена питекантропов?

«Примерно миллион лет назад» — вы догадываетесь, откуда взята цифра: только по причине ее близости к временам питекантропа. Но никто за эту цифру не ручался.

Итак, недостающее звено — это и есть 5 тысяч «где»? 7 тысяч «как»? 10 тысяч «почему»?

«Как» и «почему» — об этом уже говорилось.

Осталось — «где».

Сложность проблемы неплохо отражена в старом студенческом анекдоте:

Профессор: Вы ничего не знаете. Предоставляю последний выбор — два легких вопроса или один трудный?

Студент: Один вопрос всегда лучше, чем два.

Профессор: Где появился первый человек?

Студент: На Арбате.

Профессор: Как так?

Студент: Это уже второй вопрос...

Но нет ли в первом вопросе профессора некоторой предвзятости?

Не подразумевается ли, что первый человек появился обязательно в каком-то одном месте?

Но кто и когда это доказал?

Если же будет спрошено более благородно: «Где могли появиться первые люди?» — тогда еще можно подумать.

Америка и Австралия не баллотируются. Человекообразные обезьяны там отсутствуют, сохранились следы позднего заселения этих материков людьми.

Европа. Конечно, гейдельбергская челюсть — довод. Дриопитек тоже. Три года назад сделана, но еще не опубликована находка очень древнего человека у озера Балатон в Венгрии. И все же старейших обезьян и первых ископаемых людей здесь найдено меньше, чем в Азии и Африке, а если вспомнить, что Европа обследована лучше всего, то мы имеем право предположить: синантропы и питекантропы родом не европейцы. К тому же трудно представить, чтобы до синантропа наш далекий предок, еще не владевший огнем, был расположен жить близ ледников.

Итак, Азия и Африка! Кроме всего прочего, это материки, на которых и сегодня обитают человекообразные обезьяны.

Азия, Африка.

Долгое время предпочитали Азию, и на то была одна, но очень основательная причина: в Азии находили ископаемых обезьянолюдей, а в Африке — нет. Потом стали склоняться к Африке по причине не менее убедительной. В Африке стали находить больше, а в Азии — меньше.

Во всяком случае, центр мировой добычи недостающего звена за последнее десятилетие явно переместился на Черный материк.

Раймонд Дарт был одним из девяти детей австралийского фермера. Отец сумел послать его в Англию для обучения медицине, и там молодому человеку повезло: его профессорами были известные анатомы и антропологи — Эллиот Смит и Артур Кизс, но не меньшему он научился у одного из своих подчиненных. Ассистентом в лаборатории юного Дарта оказался русский эмигрант Кульчицкий, в прошлом харьковский профессор, один из крупнейших исследователей нервной системы.

Молодой человек был смущен необходимостью начальствовать над ученым с мировым именем, однако многому сумел у него научиться.

В 1922 году Дарт получил место преподавателя в Иоганнесбургском университете. Перед отъездом в Южную Африку Артур Кизс заметил, что в своих бумагах Дарт на вопрос о вероисповедании отвечает везде: «Свободомыслящий». Кизс решил предостеречь молодого ученого: «В Южной Африке сильная кальвинистская атмосфера. Я бы написал в графе «религия» — «протестант». Они не станут допытываться, какого сорта вы протестант и против чего вы протестуете. Все обойдется».

Дарт, однако, не согласился на столь своеобразное толкование «протеста» и вскоре уж отплыл с женой в Южную Африку, надеясь там основательно заняться микроструктурой нервной системы. Но уже на пароходе судьба ученого стала определяться несколько иначе.

Вместе с Дартами ехала медицинская сестра, возвращавшаяся на родину. Ученый расспрашивал ее, не слышно ли чего-либо об ископаемых находках в этой совершенно не исследованной стране. Как ни странно такое совпадение, но именно эта сестра коечто смогла сообщить: один из ее пациентов, занимавшийся добычей алмазов, показал ей однажды странный окаменевший череп. Медицинская сестра нашла его слишком маленьким для человека, но чересчур большим для бабуина — типичной южноафриканской обезьяны. Суеверный старатель намеревался похоронить череп, чтобы его не постигло несчастье. Позже Дарт пытался найти этого человека, но напрасно.

Южная Африка в ту пору была еще достаточно далека и романтична. В 20-е годы нашего столетия писатели и археологи много толковали о таинственных городах Зимбабве, о копях царя Соломона в пустыне Калахари, о таинственном алмазном береге... Возможно, эти нескончаемые разговоры только усиливали атмосферу однообразия и скуки, в которую погрузился Раймонд Дарт, прибыв в Иоганнесбург, город в то время сонный, жаркий, переполненный одинаковыми домами с красными крышами. Местная интеллигенция, представленная в основном старинными выходцами из Голландии, бурами (африкандерами),

относилась к чужаку настороженио. Он искал выхода, миого заиимаясь медициией и при случае антропологией.

Так прошло около двух лет.

По воскресеньям Дарт частеиько выезжал за город, чтобы поохотиться за окаменелостями. Постепенно он сумел заразить студентов своими рассуждениями о недостающем звене, ископаемых костях и древних обезьянах. Однажды ученый объявил, что вручит приз в 5 фунтов тому, кто найдет какую-иибудь окаменелость.

И вот наступил весенний день 1924 года, когда ассистентка Дарта мисс Жозефина Салмон появилась перед шефом сильно взволнованиая. Она была в гостях у директора компании по добыче извести и заметила на каминной доске какой-то странный череп. Девушка стала расспрашивать, и ей объяснили, что это подарок из далекого известкового рудника Таунгс, находящегося в Бечуаналеиде, на краю великой пустыни Калахари. Там, среди высоких доломитовых утесов, протекает река, с которой хорошо видны пещеры-углубления в берегах. Жозефина Салмон уверяла профессора, что на камине лежал череп ископаемого бабуииа. Дарт усомнился, но взволновался: всякий новый ископаемый вид драгоценеи, а обезьяний в особенности. Когда девушка принесла череп, сразу стало ясно, что это действительно древний бабуин. Дарту бросилась в глаза страиная дыра в черепной крышке, будто сделанная тупым оружием.

Дальнейшие события разворачивались так: Дарт поделился известием со знакомым геологом Юнгом, тот связался с иачальством далекого рудника Таунгс, съездил в пустыню и, вернувшись, рассказал Дарту, что встретил старого шахтера по имени де Брюии. Шахтер этот много лет любительски собирал кости, часто попадавшиеся во время работы, и вот как раз иа прошлой неделе нашел несколько глыб, в которые были «вмоитированы» какие-то древние остаики. Дарту обещали их прислать.

Прошло несколько дней, Дарт сидел у окна, дожидаясь прихода гостей — молодоженов, встретившихся

впервые в этом доме и теперь желавших навестить его хозяев. Однако вместо гостей в воротах показались двое рабочих в железнодорожной униформе, которые несли два больших ящика. Миссис Дарт раздраженно заметила, что не худо было бы отослать рабочих до завтра, дабы не испортить костюма и торжества, но ученый уже содрал «ненавистный воротничок» и кинулся к ящикам, даже не дожидаясь африканских слуг (что предписывалось этикетом Иоганнесбурга). В первом ящике были случайные кости, яичная скорлупа и другие не слишком интересные предметы. Но как только была выломана крышка ящика № 2, показалась окаменевшая черепная крышка. Даже если бы это была ископаемая человекообразная обезьяна, все равно событие. Однако с первого взгляда Дарт увидел, что это не обычиый череп: он имел и обезьяньи и вполне человеческие черты и, хотя для человека был не слишком велик, все же втрое превышал череп бабуина. Перерыв ящик, Дарт нашел еще часть черепа и нижней челюсти.

«Гости!» — воскликнула жена. Дарт помчался переодеваться, но позже честно признавался, что никаких подробностей семейного праздника не запомнил, зато во время торжественного обеда несколько раз выбегал взглянуть на окаменелости.

Древняя человекообразная обезьяна или обезьяночеловек?

Два месяца Дарт тщательно исследовал и очищал свой трофей. Он писал, что «ни один ювелир никогда не обрабатывал бесценное сокровище более любовно и с такой осторожностью». Работать приходилось молотком, долотом и вязальной спицей, в постоянном страхе повредить череп. Для консультации Дарт съездил в Кейптаун и узнал, между прочим, что еще несколько лет назад был найден ископаемый бабуин, подобный принесенному Жозефиной Салмон. Разглядывая кейптаунского бабуина, Дарт заметил, что и его череп разбит таинственным ударом.

На 37-й день работы, 23 декабря 1924 года, череп из Таунгса окончательно освободился от камня. (Ра-

зумеется, Дарт тщательно сохранил «каменную пыль», и через 33 года Кеннет Оклей, проэкзаменовав эту породу при помощи своей химии, узнал, что она состоит из розовых песков, сцементированных известью: это означало, что обладателя черепа окружала пустыня или полупустыня.)

Теперь Дарт мог рассмотреть «лицо». Это было не «лицо» гориллы или другой развитой обезьяны, а скорее «лицо» человеческого ребенка, со множеством молочных зубов и начинающими прорезываться постоянными зубами. «Я сомневаюсь, — пишет Дарт, — чтобы какой-либо родитель был более горд своим отпрыском, нежели я моим «Таунгс бэби» на рождестве 1925 года».

Оценивая мозг своего бэби, Дарт определил его объем (как позже выяснилось, с преувеличением) в 400—800 кубических сантиметров (горилла — 600, питекантроп — 900!).

В пещере Таунгс находились еще остатки пятнадцати животных (бабуины, антилопы, черепахи, пресноводные крабы). К сожалению, время обитания этих животных в Африке не было известно. Не нашлись важные для датировки виды ископаемых слонов, носорогов, лошадей, кабанов.

Поскольку, однако, почти все виды, найденные в пещере, к нашим дням вымерли, решили, что бэби из Таунгса жил давно, более миллиона лет назад. Дарт, справедливо предположив, что и в древности в этих краях была пустыня, примерно восстановил образ жизни своего бэби и его родителей: обитали близ реки, дождей почти нет. Крупные звери, обнаруженные в пещере, не могли быть пойманы одним существом из Таунгса (как бы велико оно ни было): очевидно, обезьяны действовали сообща, стаями. Дарта чрезвычайно интересовали дыры и трещины в черепах животных. Все эксперты, их осматривавшие, согласились, что удары нанесены чем-то вроде молотка и еще при жизни (вернее, в последний момент жизни) обезьяны. Один специалист предположил, что череп треснул вследствие падения бабуина с дерева. Дарт в ответ выдвинул только два возражения: во-

первых, бабуины по деревьям не лазают, а во-вторых, в тех краях не было деревьев.

Так вырисовывалась заманчивая картина: обезьяна с некоторыми человеческими чертами (но все же обезьяна, питек, а не антроп), живущая задолго до питекантропа. Ввиду сухого климата она должна встать на ноги, поумнеть, может быть, начать действовать орудиями. Вот он Missing link; может быть, так все и было!

Но одного бэби для целого звена явно не хватало. Как питекантропу I недоставало питекантропов II, III, IV, так и новому претенденту в предки тоже требовались товарищи.

Дарт, однако, верил в свое открытие и вопреки обычаям, рекомендовавшим осторожность и медлительность, отправил в начале 1925 года в английский журнал «Nature» сообщение об открытии австралопитека африканского. «Австралопитек» означало «южная обезьяна».

Большинство ученых сочло нужным усомниться. Работавший в Южной Африке английский (точнее, шотландский) зоолог Роберт Брум одним из первых приехал в Иоганнесбург, но зубы существа убедили его вполне. Осторожно согласился и Эллиот Смит. Зато целый отряд специалистов словно объединился с прессой для грубых контратак. «Нет ученого, даже объективного, — писал Брум, — который не выступил бы против того, кто отказывается смотреть на вещи так, как он смотрит. Но даже имея в виду эту обычную закономерность, Дарт, я думаю, был атакован слишком грубо». Специалисты упражняли свой юмор по поводу необычного и, по их мнению, недопустимого соединения латыни и греческого в слове «австралопитек». («Australis» — «южный» по-латыни; «питекос» — «обезьяна» по-гречески.) Одновременно Дарт получил сотню угрожающих писем со всего света. Именно в 1925 году в США развернулся печально знаменитый «обезьяний процесс», губернатор и конгресс штата Теннесси запретили учение Дарвина.

Газета «Санди таймс» поместила однажды письмо, обращенное к Дарту:

«Человек, стой, подумай! Ты со своим блестящим мозгом, который бог дал тебе, стал одним из лучших агентов сатаны... Чем поможет тебе эволюция, когда ты умрешь и подвергнешься распаду?..»

Подпись: «Уважающая вас, отсталая, но здравомыслящая женщина».

Можно было ожидать, что в консервативной, религиозной Южной Африке дарвинисту достанется еще сильнее, однако пути, которыми движется общественное мнение, столь же неисповедимы, как и научные... Жителей Иоганнесбурга охватила прежде всего гордость за то, что у них в городе, их профессором сделано такое замечательное открытие, которое в Лондоне и Нью-Йорке хотят опорочить. Патриотизм взял верх над

кальвинизмом. Эти чувства особенно усилились, когда принц Уэльский (будущий король Эдуард VIII), прибыв в Иоганнесбург, первым делом пожелал познакомиться с «бэби профессора Дарта».

Любопытно, как выглядели злоключения Дарта со стороны и в его собственном представлении. Роберт Брум, чересчур увлекшись, писал, что «Дарт сделал открытие, близкое по значению к дарвиновскому, но английская печать обходилась с ним, как с провинившимся школьником... Оттого что недостающее звено стало в ту пору объектом шутки, раскопки в Африке фактически приостановились на 10 лет».

Сам Дарт, однако, много лет спустя признавался, что десять лет раскопок не предпринималось отнюдь не из-за насмешек, а из-за того, что он предпочитал недостающему звену кабинетные исследования микроскопической структуры нервной системы. Кроме того, Дарт не скрывал, что ему было не до обезьян, ввиду бракоразводного процесса с женой (той, которая предлагала отослать обратно ящик с «бэби»).

В начале 30-х годов поисками в южноафриканских известковых каменоломнях занялся выдающийся искатель, человек, словно созданный для этого дела, уже известный читателю Роберт Брум. Одним из вдохновителей поисков был премьер-министр Южно-Африканского Союза генерал (потом фельдмаршал) Смэтс.

Как известно, этот человек был одним из создателей современной расистской государственной системы в Южной Африке, лишь усовершенствованной и усиленной Маланом и Фервурдом. Расизм, исконное неравенство разных рас были стойким убеждением многих представителей южноафриканской интеллигенции. Но занятно, как Смэтс и его единомышленники раньше других сообразили, что совсем не обязательно противиться раскопкам и устраивать «обезьяньи процессы»; наоборот, надо помогать ученым, которые занимаются древнейшим прошлым человечества, а затем использовать должным образом результаты их работ, что и делалось, причем делалось умело.

Получив место в Трансваальском музее, энергич-

ный Брум немедленно принялся за то дело, которое в отличие от Дарта считал для себя основным. В начале 1936 года два ученика Дарта сообщили Бруму об интересных известковых пещерах близ фермы Штеркфонтейн. Громадные ямы с костями животных были известны здесь уже с конца XIX века, причем за 40 лет, видимо, немало окаменелостей было добыто шахтерами и сожжено в известковых печах.

В своей книге Брум начинает рассказ о последующих событиях с темпераментного преувеличения: «Я пошел и нашел недостающее звено...»

Вместе со студентами Шеперсом и Ле Ришем Брум пришел на каменоломню в воскресенье и спустился в прекрасные подземные коридоры с нависшими сталактитами. Рабочих не было, но Бруму удалось побеседовать с мистером Барлоу, присматривавшим за местом добычи. Барлоу сообщил ученым, что прежде работал в Таунгсе, и Брум спросил, не видел ли Барлоу здесь, в Штеркфонтейне, черепов, подобных тем, которые нашли в Таунгсе. Барлоу полагал, что он видел нечто подобное, потому что постоянно собирал кости и продавал их случайным посетителям. Через несколько дней Барлоу предложил Бруму нечто вроде окаменелой лапы тигра (предмет был слишком залеплен известью, чтобы разобрать точнее). Брум не поторопился приобрести кость, а к следующему разу она уже исчезла. Барлоу намекнул, что следует брать, пока дают, но затем смягчился и впредь обещал наблюдать и собирать.

В пятницу 17 августа 1936 года Брум опять приехал, и Барлоу сразу протянул ему «прекрасную черепную крышку».

«Это то, что вам надо?» — спросил он.

Брум сразу догадался, что ему показывают останки высокоразвитой обезьяны или даже обезьяночеловека. Несколько часов он безуспешно пытался найти другие части черепа в каменоломне, но, когда отправился домой, внезапно в стороне от дороги наткнулся еще на один фрагмент древнего черепа. На следующий день охота возобновилась: Брум с несколькими помощниками — студентами и тремя ту-

земными мальчиками сумел найти еще обломок черепа, а в следующие дни — неполную челюсть и зубы (в том числе один зуб мудрости!).

Открытое существо было сходно с тем австралопитеком, которого опубликовал Дарт, но в то же время имело столь значительные отличия, что пришлось дать ему другое имя: плезиантроп трансваальский.

На радостях Брум назвал одну из попутно найденных разновидностей саблезубого тигра ископаемым тигром Барлоу. Затем упаковал плезиантропа и отправился с ним в поездку по всему миру.

Это было как раз тогда, когда Кенигсвальд добывал новых питекантропов, а Вейденрейх — синантропов.

Все главные действующие лица встретились в 1937 году на антропологическом конгрессе в Филадельфии. Создавалось впечатление, что, подобно двум группам землекопов, антропологи прорывались в человеческое прошлое с разных сторон: со стороны человека (питекантроп, синантроп) и со стороны обезьяны (австралопитек, плезиантроп). «Встреча» двух разных групп означала бы в принципе переименование недостающего звена в достающее, добытое.

Вернувшись в Южную Африку, Брум уже почти не выходил из пещер и каменоломен, но позже признавался, что первый череп, найденный 17 августа 1936 года, был много лучше, чем все многочисленные находки 1937 и начала 1938 года.

Австралопитек Дарта, плезиантроп Брума и другие южноафриканские находки постепенно пополняли семейство австралопитековых.

8 июня 1938 года Барлоу, встретив Брума, сказал: «У меня есть для вас нечто приятное», — после чего достал часть верхней челюсти с первым коренным зубом. Брум воскликнул, что это действительно нечто замечательное, и одарил доброго вестника двумя фунтами стерлингов. Барлоу был в восторге, но почему-то после вопроса о том, где сделана находка, перевел разговор на другую тему. Брум, уже вполне овладевший местной дипломатией, сделал вид, что удовлетворен, и больше расспрашивать не стал. До-

ма, рассмотрев челюсть, он понял, что она принадлежала существу, тоже близкому к известным австралопитекам, но значительно больших размеров, чем обезьяны из Таунгса и Штеркфонтейна.

Выбрав день, когда Барлоу не было в каменоломне, Брум внезапно появился там, небрежно достал челюсть из кармана и спросил туземных мальчиков, не попадалось ли тут нечто подобное. Мальчики ничего не знали, и отсюда Брум еще раз заключил, что челюсть найдена в другом месте. Лишь после этого ученый начал правильную осаду мистера Барлоу и продолжал ее до тех пор, пока не добился признания, что челюсть получена от некоего школьника по имени Герт Тербланш.

Далее началась любопытная погоня ученого за учеником.

Когда Брум появился в доме Тербланшей, мальчик был в школе, но мать и сестра объяснили, что «место» находится в полумиле от дома и что Герт захватил с собой в школу вырытые «на месте» «четыре великолепных зуба». Брум посадил девочку в машину, помчался «на место» и тут же за несколько минут отыскал несколько фрагментов черепа и пару зубов. Затем машина понеслась к школе, по дороге сломалась, и антрополог, добираясь пешком, к счастью, явился во время большой перемены.

Герт Тербланш, быстро поняв, чего от него хочет Брум, «достал четыре самых замечательных зуба, когда-либо виданные в мировой истории». Ученый быстро приобрел зубы, примерил их к челюсти, полученной от Барлоу, и испытал огромную радость, так как все сошлось.

Бруму очень нужен был мальчик для подробного разговора, но занятия кончались только через 2 часа, и тогда, к восторгу четырех учителей и 120 ребят, антрополог вместо оставшихся уроков прочитал импровизированный доклад о пещерах, каменоломнях, тайниках, ископаемых костях и тому подобных вещах, замечательных даже без того, чтобы ради них не отвечать уроки по двум предметам. Когда ученый кончил, время занятий истекло, и Герт повел целую

армию на то место, где Брум уже успел побывать, открыл свой тайник и вытащил еще одну «прекрасную нижнюю челюсть с двумя зубами».

За несколько дней на этом холме, близ фермы Кромдраа, Брум «собрал» почти целого, очень мощного австралопитека, похожего и одновременно сильно отличающегося от двух предыдущих. Ему было присвоено звание «парантроп робустус» («мощный»). Окончание «антроп» говорило о том, что Брум считал существо скорее человеком, чем обезьяной. Впрочем, в своей книге ученый извиняется и объявляет, что он не причастен к заглавию, под которым сообщение о находке появилось в «Иллюстрированных лондонских новостях». Заглавие было такое: «Недостающее звено более не является недостающим!»

Затем последовали еще и еще открытия.

Они уже теряли прелесть новизны, но каждое давало громадный материал для размышлений о судьбах рода человеческого.

Брум и его помощник Робинсон, а затем снова Дарт, не усидевший в кабинете, каждый год добывали покрытые белым налетом окаменевшие кости, недвижимо пролежавшие тысячи веков, но неминуемо попавшие бы в известковую печь, если бы не Missing link.

Действие гениальной трилогии Фолкнера («Деревушка», «Город», «Особняк») происходит в одном из южных штатов, в вымышленном округе Йокнапатофа. Это труднопроизносимое название осталось от индейцев, владевших когда-то этими землями. Йокнапатофа звучит как индейский клич, похоже на «томагавк». В этом слове дикость, древность, воспоминание о другой цивилизации. В сочетании с Йокнапатофой странно звучат слова «губернатор», «банк», «шериф». Фолкнер, конечно, не случайно совместил столь разное. Это своеобразная символика — все переплелось, ничего не изменилось: современность, в которой снятие скальпа происходит без помощи лассо, томагавков, но такими куда более мощными видами оружия, как вексель, ипотека, судебное следствие, конституция.

Странно переплелись с современными научными проблемами и звучные разноязычные названия Южной Африки.

Залетное, британское — Таунгс.

Тяжеловесные, староголландские — Штеркфонтейн, Сворткранс.

Причудливые, кафрские — Кромдраа, Макапансгат...

Три языковых слоя — память о двух завоеваниях, о той кровавой трагедии, которая продолжается в Южной Африке уже больше столетия, словно напрашиваясь на печальный эпилог той всемирной драмы, которая началась именно здесь в незапамятные века.

Когда Дарт спустился в мрачные, извилистые коридоры пещеры Макапансгат, он обнаружил древние следы огня и решил, что открыл тех, кто сыграл для человечества роль Прометея, принесшего пламя. Найденные затем кости нового австралопитека дали повод для имени «австралопитек Прометей».

Но в той же пещере Дарт нашел и сравнительно свежие кости — память об отчаянном, безнадежном 25-дневном сопротивлении восставших туземцев против армий Трансвааля более 100 лет назад.

Смешение звериного и цивилизованного, новейшей науки со старейшими предрассудками, Йокнапатофы с холодильниками и пулеметами — все это присутствует при знакомстве с великими южноафриканскими антропологическими открытиями.

Подобные противоречия причудливо сочетались, например, в ныне покойном Роберте Бруме. Я не могу судить с достаточной полнотой о взглядах этого человека, но все же располагаю его собственными трудами и воспоминаниями современников.

Может быть, и среди читателей этой книги найдутся те, кто предполагает, будто ученые делятся на твердокаменных дарвинистов и кровожадных расистов. Как все было бы просто и понятно, если бы научный мир состоял только из этих двух племен!

Но мир, к сожалению, или, наоборот, к счастью, устроен чрезвычайно сложно. Кроме двух полюсов, «братство всех, независимо от цвета кожи» и «бей, режь, не допускай другой цвет!» — кроме двух полюсов, есть и такие географические широты:

— Ах, я понимаю, нужно равенство, но все же я не люблю этих черномазых!

— Ну ладно, а выдал бы ты свою дочь за негра?

— Вы знаете, в конце концов эти цветные сами во многом виноваты...

Доктор Роберт Брум был, очевидно, куда тоньше, умнее и, может быть, лучше всех перечисленных. «Гениальный ученый Южной Африки, оригинальный ум, всегда готовый к полемике»,— вот как отзывается о Бруме другой замечательный ученый, Ральф Кенигсвальд.

Сам Роберт Брум с улыбкой рассказывает, например, следующий эпизод: в мае 1947 года в уже известном «месторождении» Штеркфонтейн он сделал замечательное и эффектное открытие — целый череп австралопитека, расколотый надвое, так что каждая половинка была вкраплена в известковую стену и можно было, не трогая находки, заглянуть в мозговую полость, обрамленную маленькими известковыми кристаллами. «Я видел много занятного в моей долгой жизни, — пишет Брум, — но это было самым потрясающим моим наблюдением».

Открытие описали газеты, а через несколько дней в каменоломню явился пастор и вступил в беседу с Даниэлем, туземным помощником Брума. Пастор спросил, правда ли, что найден целый череп. Даниэль ответил: «О да, я могу показать фотографии». Пастор просмотрел фото и сказал, что все равно не верит в ископаемую обезьяну, близкую к человеку. «Я боюсь, — пишет Брум, — что мнение Даниэля об этом пасторе было не слишком высоким». Ученый поясняет при этом, что Даниэль около двадцати лет служил в Трансваальском музее, сделал массу находок в пещерах и как охотник за окаменелостями «ценился на вес золота».

Все эти разумные высказывания и положительные черты ученого, однако, благополучно соседствовали с иными.

Кажется странным, как такой крупный специалист может сочувственно цитировать размышления Уоллеса (1869 год) о загадочности происхождения человека, подтверждаемой тем, что, например, андаманцы и австралийцы по соображению не намного выше обезьян, а по физической структуре и объему мозга мало отличаются от цивилизованных людей.

Я убежден, что Бруму ничего не стоило привести тысячи фактов, доказывающих невероятно сложное, очень высокое, неизмеримо далекое от обезьян мышление и поведение самых отсталых племен. Их язык, охотничьи навыки, своеобразное искусство — разве недостаточно только этого? Если же Брум хотел сказать о том, что у людей с разными умственными спо-

собностями все же одинаково сложное строение тела и мозга, то, чем сравнивать белых с андаманцами, не лучше ли сопоставить глупого белого с умным белым, гениального негра с тупым негром, талантливого австралийца с бездарным?..

То, что позволено обывателю, не позволено специалисту. Обыватель не знает и не хочет знать. Специалист знает и хочет или не хочет помнить. Скрытая глубоко в душе «опухоль расизма» выходит наружу, дает метастазы.

Но пора вернуться к южноафриканским известковым пещерам.

Был период — 10—20 лет назад, когда австралопитеки находились, можно сказать, в расцвете. Брум, Дарт, затем их молодые последователи — Робинсон, Тобайяс каждый год разыскивали все новых и новых представителей этой интереснейшей группы. Вскоре их число перевалило за 100 и было разделено на пять, может быть, шесть видов (от маленьких «бэби из Таунгса» до мощных парантропов).

После синантропа в одном географическом районе никогда не открывали сразу так много «предков». Акции их, как представителей Missing link, стояли высоко: по вычислениям самих первооткрывателей, их австралопитеки жили миллион лет назад и даже раньше, то есть задолго до питекантропов. Мозг первых южноафриканцев исчислялся объемом в 600—800 кубических сантиметров, больше, чем у обезьян, и довольно близко к питекантропам. Затем Дарт сообщил о пепле, древнем костре австралопитека Прометея.

Наконец, в научной печати появились замечательные фотографии: все тот же постаревший, но неугомонный Раймонд Дарт сделал в Макапансгате целую серию находок. Главной сенсацией были черепа павианов, пробитые мощным ударом в левый висок. Не надо было обладать криминалистическими дарованиями, чтобы понять: обезьяны встречали смерть, кидаясь на преследующего врага, и получали смертельный удар слева, то есть, очевидно, нанесенный правой

рукой нападавшего. Разящая рука доказывала, что преследователь мчался на двух ногах; бедра и другие кости также неоднократно подтверждали двуногость австралопитеков.

Но что же было в правой руке разящего Прометея?

Дарт собрал, сосчитал, измерил сотни костей, находившихся в пещере, и пришел к смелому выводу: концы некоторых бычьих костей сплющены. К тому же пролом в виске павиана удивительно точно совпадал с «ударной площадкой» лежавшей рядом кости. Не мудрено было разволноваться: культурой кости, зуба и рога назвал Дарт цивилизацию австралопитеков.

Получалось, что в глубокой древности здесь, в пустынях и полупустынях Южной Африки, умные человекообразные обезьяны, испытывая нужду и го-

лод, лишившись спасительных деревьев, не имея достаточно сильных клыков и когтей, в ужасе встали на задние лапы, схватили в передние «первые попавшиеся предметы», каковыми, естественно, могли стать кости съеденных животных, и пошли в люди.

Поскольку антилопу, быка, гиену может поймать и одолеть только группа австралопитеков, мы уверены, что у них были стаи, сообщества, зародыш человеческого общества. И уж можно вообразить, как они несутся с длинными костями в руках по унылым африканским равнинам, окружая павианов.

Но прошло немного времени, и отличная теория Дарта несколько поколебалась и дала трещины под интенсивным огнем критики и сомнений.

Насчет орудий и огня возникло сначала недоверие умозрительное: слишком уж обезьяны эти австралопитеки, чтобы быть человеком, австралоантропом. Брум считал, что пепел в пещере — след степного пожара, другие специалисты находили, что кости антилоп и других крупных животных вряд ли могли быть объедками со стола австралопитеков и скорее напоминали остатки пиршества гиен или других хищников.

Не появлялась ли голодная умная обезьяна, чтобы доедать за хищниками; кстати, изучение австралопитековых зубов все больше говорило об их пристрастии к растительной пище.

Авторитет «южных обезьян» подрывался с разных сторон. Точные расчеты, сделанные по многим черепам, отбросили гипотезу о большом мозге. 520 кубических сантиметров — вот каков средний его объем (от 335 до 600). Это не больше, чем у гориллы, хотя следует учитывать, что австралопитеки много мельче, и, значит, относительно веса тела они были мозговитее современных человекообразных обезьян.

В 1949 году помощник Брума Робинсон вел успешные раскопки в уже известной несколькими находками пещере Сворткранс, добывая черепа и челюсти крупных парантропов. Внезапно в одном из «гнезд» была замечена челюсть, несравненно более человеческая, чем все, что находили до сих пор. По всем при-

знакам это был уже примитивный человек, по зубам и размерам мозга соответствовавший питекантропу.

«Телантроп капский Брума и Робинсона» — так был наименован этот новый член почетной семьи ранних людей. Появившись, он сразу вызвал новые мысли: судя по всему, жил он в одно время с австралопитеками, и обилие в той же пещере австралопитековых костей, возможно, было результатом завтраков, обедов, ужинов и полдников африканского питекантропа.

К этому времени древность австралопитеков, первоначально казавшаяся очень большой, сильно уменьшилась. Подсчитав кости диких животных, сопровождавших австралопитеков, специалисты вычислили, что самым древним двуногим обезьянам из Штеркфонтейна не более миллиона лет, а самым молодым (Кромдраа) не менее пятисот тысяч. 500 тысяч — миллион лет, время австралопитеков. Но это и время их цивилизованного современника, телантропа. Это и время яванских питекантропов.

И тогда-то стала обозначаться иная панорама человеческой истории.

Если австралопитеки и питекантропы жили в одно и то же время, то, вероятно, вторые не могли произойти от первых. Мудрый питекантроп был страшен и непобедим для австралопитека, даже двуногого и взявшего в руку кость. «Австралопитек — плохой ученик. Он застрял на школьной скамье жизни», — пишет Кенигсвальд.

Но стремление, пусть несбывшееся, австралопитеков к очеловечиванию, несомненно, было. Если б им не помешали, то сейчас, в наши дни, они, возможно, достигли б неандертальского уровня. А впрочем, могли бы и не достигнуть. Специализированные зубы австралопитека — не тут ли таилась погибель его? Специализация чревата удобством и смертью.

Так или иначе, но на вопрос о недостающем звене, как видим, даже сотня австралопитеков сообща не смогла ответить.

Недостающее звено не южноафриканские австралопитеки. Оно было прежде, раньше: некий таинст-

венный «икс-питек» где-то и когда-то превратился в «игрек-антропа».

Должно быть, австралопитеки нашли свой конец в Южной Африке, потому что это тупик и дальше, кроме как в два океа́на, деться некуда. Кенигсвальд пишет о последних австралопитеках: «Эмигранты с низким лбом и большими зубами, они должны были принимать питекантропа за гения, а синантропа за сверхчеловека».

Но попасть в южноафриканский тупик они могли только из Центральной и Восточной Африки. Значит, главные события, происходившие раньше миллиона лет назад, пролог всей нашей истории — истории недостающего звена — следовало искать не в каменоломнях и пещерах юга, а в центре, на экваториальном поясе Черного материка.

Идя вверх по течению австралопитековой трагедии, наука приближалась к заглавию и первым сценам гигантского драматического цикла, именуемого в просторечии человеческой историей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ И САМАЯ ДРЕВНЯЯ

Люди или животные?

Роман с таким названием, написанный французским писателем Веркором, начинается со следующего эпиграфа: «Все несчастья на земле происходят оттого, что люди до сих пор не уяснили себе, что такое человек, и не договорились между собой, каким они хотят его видеть».

Разумеется, Веркора занимала не научная, а моральная, социально-политическая проблема. И в самом деле, как только спрошено: «Что есть человек?» — попробуйте остаться строго в рамках науки.

Во время поисков «снежного человека» возник серьезный вопрос: человек ли он (если существует!). Можно ли его убить или за это — суд присяжных? Распространяется ли на него суверенитет ООН и тому подобное?

Много рассуждалось о важности этого определения при столкновении с космическими цивилизациями.

Важно определить человека для уяснения философских проблем кибернетики («человек и мыслящая машина»).

Впрочем, сомневающимся в актуальности казуистически точного определения человека можно предложить такой, например, документ:

Газета «Манчестер гардиан», 9 сентября 1931 года:

«Профессор Томсон должен был ответить на некоторые необычные вопросы на конференции современных церковников в Оксфорде. Некий мистер Уоррен спросил: «Должен ли я любить любого ближнего, даже дикаря? А если и дикаря, то почему не гориллу? А если и гориллу, то почему не овцу или креветку? Но я ем овцу и креветок! На какой стадии мой ближний станет существом столь высокого порядка, что я не должен буду убивать и есть его?»

На это профессор ответил при всеобщем смехе, что мистер Уоррен должен прекратить еду, когда поданный к столу объект окажет сопротивление».

Определение — что такое человек? — покажет, насколько мы, повинуясь призыву древних философов, познали самих себя. (Впрочем, говорят, существует формально-юридическое возражение против всякого определения человека, поскольку оно делается человеком же, то есть «пристрастно и необъективно».)

В романе Веркора суду присяжных нужно определить, является ли убийство «тропи», обезьяночеловека, убийством человека или убийством животного.

«Оказалось, что у каждого члена комиссии имеет-

ся по этому вопросу своя более или менее твердая точка зрения, каковая и отстаивалась ими с пеной у рта. Старейшина, которого попросили высказаться первым, заявил, что, по его мнению, лучшее из возможных определений уже дано Уэсли. Подлинное различие, по словам Уэсли, заключается в том, что люди созданы, дабы познать бога, а животные не способны его познать.

Затем слова попросила маленькая седая квакерша с детскими глазами, робко смотревшими из-за толстых стекол очков; тихим, дрожащим голосом она пролепетала, что ей не совсем понятно, как можно узнать, что творится в сердце собаки или шимпанзе, и как можно с такой уверенностью утверждать, что они по-своему не познают бога.

— Но помилуйте! — запротестовал старейшина. — Тут нет никаких сомнений! Это же совершенно очевидно!

Но маленькая квакерша возразила, что утверждать — еще не значит доказать.

Другой член комиссии, застенчивый на вид мужчина, негромко добавил, что было бы по меньшей мере неосторожно отрицать, что у дикарей-идолопоклонников есть Разум: они просто плохо им распоряжаются; их можно сравнить, сказал он, с банкиром, который доходит до банкротства, потому что плохо распоряжается своим капиталом. И все-таки этот банкир финансист, и финансист куда лучший, нежели любой простой смертный. «Мне кажется,— закончил он, — что, напротив, необходимо исходить именно из того положения: «Человек — животное, наделенное Разумом».

— А где же, по-вашему, начинается Разум? — иронически осведомился изящный джентльмен в безукоризненно накрахмаленных воротничке и манжетах.

— Это как раз нам и следует определить, — ответил робкий господин.

Но старейшина заявил, что если только комиссия намеревается дать такое определение Человеку, в котором будет отсутствовать идея бога, он в силу своих

религиозных убеждений не сможет принимать дальнейшего участия в ее работе.

Высокий плотный мужчина с роскошными белыми усами, отставной полковник, служивший когда-то в колониальных войсках в Индии и прославившийся своими многочисленными любовными историями, сказал, что его мысль на первый взгляд может показаться присутствующим несколько парадоксальной, но, наблюдая в течение многих лет людей и животных, он пришел к выводу, что есть нечто такое, что свойственно одному лишь человеку: половые извращения.

Но один из присутствующих джентльменов, фермер из Хемпшира, к сожалению, должен сообщить уважаемому полковнику Стренгу, что однополая любовь нередко встречается у уток, как среди самцов, так и среди самок.

Маленькая дама: Человек — единственное в мире животное, способное на бескорыстные поступки. Другими словами, доброта и милосердие присущи лишь Человеку, только ему одному.

Старейшина не без сарказма осведомился, на чем основывается ее утверждение о неспособности животных на бескорыстные поступки: разве не она сама только что пыталась доказать, что, возможно, они также познают бога? Джентльмен-фермер добавил, что его собственная собака погибла во время пожара, бросившись в огонь спасать ребенка.

Взяв слово, джентльмен в накрахмаленных манжетах заявил, что его лично очень мало волнует, будет или нет дано определение Человеку. Вот уже пятьсот тысяч лет, сказал он, люди прекрасно обходятся без таких определений, или, вернее, они не раз уже создавали концепции о сущности Человека, концепции, правда, недолговечные, но весьма полезные для данной эпохи и данной цивилизации. Пусть же действуют так и впредь. Лишь одно имеет значение, заключил он: следы исчезнувших цивилизаций, иными словами, Искусство. Вот что определяет Человека, от кроманьонца до наших дней.

Джентльмен-фермер спросил у своего коллеги, может ли тот дать точное определение Искусству.

Коль скоро, по его мнению, Искусство определяет Человека, надо раньше определить, что такое Искусство.

Джентльмен в манжетах ответил, что Искусство не нуждается ни в каких определениях, ибо оно единственное в своем роде проявление, распознаваемое каждым с первого взгляда.

Джентльмен-фермер возразил, что в таком случае и Человек не нуждается в особом определении, ибо он тоже принадлежит к единственному в своем роде биологическому виду, распознаваемому каждым с первого взгляда.

Джентльмен в накрахмаленных манжетах ответил, что как раз об этом он и говорил.

Тут сэр Кеннет Саммер напомнил присутствующим, что комиссия собралась не для того, чтобы установить, что Человек не нуждается в особом определении, а для того, чтобы попытаться найти это определение.

Он отметил, что первое заседание, возможно, и не принесло ощутимых результатов, но тем не менее позволило сопоставить весьма интересные точки зрения.

На этом заседание закрылось».

Книга «Люди или животные?» цитируется здесь столь обильно потому, что, издеваясь, Веркор тем не менее исходит из действительно происходивших и происходящих дебатов «человека о человеке».

Как известно, дело кончилось необычайно гибким определением: «Человека отличает от животного наличие религиозного духа...»

Веркор, разумеется, знал о важных определениях, сделанных в XVIII и XIX столетиях, но они нарушили бы его замысел. А между тем:

«Человек — животное, создающее орудия труда» (*Вениамин Франклин*). Эта формула хороша, но не претендует, однако, на слишком большую строгость: орудия и средства труда есть и у животных. Такова плотина у бобров, ветка, которою обмахивается слон; сравнительно легко учатся манипулировать предметами и обезьяны, например доставать палкой

дольку апельсина, спрятанную в узкой металлической трубе.

Обезьяна, которой предлагают толстую палку и узкую железную трубу с апельсином внутри, довольно быстро догадывается, что палку надо утоньшить, и изготовляет орудие.

Тогда определим: «Человек — это животное, постоянно изготовляющее одно орудие при посредстве других орудий».

В опытах московского ученого Г. Ф. Хрустова шимпанзе не смог догадаться, что твердый деревянный диск можно разбить с помощью предложенного ему острого камня, рубила. А разрубить диск ему очень хотелось: тогда можно было бы одной из щепок добыть из трубы дольку апельсина. Обезьяна не догадалась, хотя, подражая, способна делать чудеса (сообщают, будто австралийский фермер научил обезьяну трактор водить).

Но последнее определение человека уже вызывает мысль: «Не слишком ли узкое?»

С древнейших времен мы знаем: одни каменные орудия изготовлялись при помощи других. До синантропов, даже до питекантропов, с таким определением мы «дотянем».

А еще раньше?

Если перед нами обезьяна, постоянно изготовляющая орудия, скажем, из кости (австралопитек по Дарту) или пользующаяся природным суком, камнем, но не стремящаяся к его усовершенствованию,— кто же она?

Снова проблема недостающего звена: «раньше питекантропа и позже обезьяны».

Конечно, тут настало время улыбнуться над стремлением определить человека слишком точно и обязательно по одному признаку. Английский мыслитель Барнетт писал, что для греков человек — это мыслящее существо, для христиан — существо с бессмертной душой, для современных ученых — животное, которое производит орудия, для психолога — животное, употребляющее язык и которому свойственно «чувство высшей ответственности», для эволю-

ции же человек — это млекопитающее с громадным мозгом...

Но, жонглируя одним или сотней признаков, мы все равно никак не отделаемся от задачи. Сегодня мы можем четко определить: шимпанзе, оранг, горилла, дриопитек, Проконсул.— вот обезьяны... Человек разумный, то есть мы с вами, неандертальцы, синантропы, питекантропы — вот люди (среди них, как видим, также и обезьянолюди; нет-нет да и раздаются голоса, что они вроде бы и не люди).

Но уже с австралопитеками трудно. С недостающим звеном еще труднее.

Несколько лет назад было предложено считать человеком человекообразное существо с объемом мозга не меньше 800 кубиче-

ских сантиметров. «800» объявили своего рода «мозговым рубиконом», ниже которого — обезьяна, выше — человек. Рубикон установлен произвольно, просто потому, что у всех известных взрослых антропов объем мозга был выше этого числа, а у всех знакомых питеков ниже. Но кто мог предвидеть сюрпризы завтрашнего дня?

Олдувэйское ущелье в Танганьике сегодня не менее знаменитый кладезь древностей, чем берега яванской реки Соло или пещера Чжоу-Коу-Дянь. Дорога к нему ведет по высоким экваториальным травам восточноафриканской степи Серенгети, и спутником каждого, кто пустится в путь, будут тысячи антилоп, жирафов, зебр и львов. (В этих краях раскинулся великий восточноафриканский заповедник и охота запрещена.) В засушливые месяцы животные движутся к поднимающемуся над степью величайшему на земле двадцатикилометровому кратеру Нгоронгоро, внутри которого находится никогда не пересыхающее озеро.

Кратер загадочен. Его размер заставляет размышлять о гигантском космическом теле, может быть когда-то врезавшемся в нашу планету. Древняя тайна словно сопровождает и реку Олдувэй, вырывшую себе за миллионы лет глубокое, низкое ложе, так что, следуя за потоком, путник оказывается вдруг в узком высоком ущелье, и стометровые обрывы обступают его, а львы и жирафы с любопытством его разглядывают.

Немецкий вулканолог Рек еще до первой мировой войны оценил эти речные обрывы как богатейший клад окаменелостей и извлек оттуда сначала ископаемых носорогов, затем вымерших гигантских жирафов и напоследок в очень древнем слое обнаружил скелет человека, причем, на удивление, человека вполне современного типа (позже выяснилось, что человека похоронили почти на самом верху 8—10 тысяч лет назад, но постепенно он опустился вместе с пластом).

С 1931 года постоянным посетителем Олдувэйской долины стал Луис Лики. Англичанин, родившийся

в Кении, он возглавил музей в Найроби и принялся за ископаемых людей, обезьян и зверей Восточной Африки. И как только принялся, начались открытия: ископаемый человек в Канаме, два так называемых каньерских черепа, знаменитая древняя человекообразная обезьяна Проконсул...

Ученый мир за несколько десятилетий привык к тому, что неутомимый Луис Лики вместе с Мэри Лики, женой и коллегой, сделался регулярным поставщиком важных окаменелостей. Роберт Брум, лучший охотник за австралопитеками, писал о потрясающей интуиции Лики при открытии ископаемых млекопитающих и людей. Рассказывают, что однажды Лики пригласил в свою экспедицию первооткрывателя олдувэйских древностей доктора Река и заключил с ним пари: меньше чем за 24 часа после прибытия на место найдется древнее каменное орудие. Ровно через 6 часов после начала поисков он протянул Реку примитивное ручное рубило.

Чем больше ездил Луис Лики по великой степи, вдоль кратеров и озер Восточной Африки, тем больше он убеждался в громадной древности человека: прежде Лики думал, что первые люди жили не ранее чем 100 тысяч лет назад, но позже он совершенно изменил свое мнение и стал склоняться к сотням тысяч и даже к миллионам лет. Исследователь, разумеется, не ограничивался одним местом раскопок, но все-таки больше всего ожидал от Олдувэя.

И вот уже четыре десятилетия с незыблемым постоянством он ведет здесь осаду.

Многие крупные специалисты побывали за эти годы в мрачной долине, но, кажется, никто не усомнился, что тут будут сделаны со временем исключительные находки: отовсюду торчат ископаемые кости, появляясь после каждого дождя, из земли буквально выпадают грубые каменные орудия, и если еще не встретились драгоценные ископаемые черепа, то было ясно — они вот-вот покажутся.

Но они упорно не появлялись. Шли годы, десятилетия, нашлось более 75 вымерших видов, но не было еще ни одной находки на уровне великих азиатских

и южноафриканских открытий. Высоченные обрывы словно испытывали терпение крохотного существа, пытавшегося за краткий исторический миг открыть их тайну.

Лики хорошо знал, что такое наша эпоха «с точки зрения» этих обрывов, потому что полно и внимательно прочитал их историю.

В истории этой было пять больших глав.

На самом верху, который плохо различим со дна ущелья, под травой, которую колышут ветры XX столетия, расположился пятый, последний слой: в нем вся новейшая, новая, средневековая и древняя (в пределах нескольких тысячелетий) история Африки: кости современных зверей, бродивших некогда чуть ниже, тонкие переходы одного пласта в другой, рассказывающие о смягчении и ожесточении климата, о вековых, медленных движениях бытия...

Ниже — четвертый слой, мощная сорокаметровая толща, древнейшая Африка. В нем спрессованы сотни веков, населенных ранними людьми нашего типа. Памятником бесконечной борьбы за существование остались груды костей, среди которых попадаются уже вымершие виды, тут же множество каменных ножевидных орудий, которыми древние африканцы поражали и разделывали зверя.

Еще ближе ко дну ущелья — третий слой. На камнях его следы древних ветров, которые бушевали на этих широтах. Климат в ту пору менялся, животные обитатели этого края тоже, но кости их еще похожи на современные, хотя и отделены сотней-другой тысячелетий.

Двигаясь от эпилога к началу олдувэйской книги, читатель попадает в длинную вторую главу (второй слой). Его толщина от 15 до 27 метров. Лики извлек отсюда много костей ископаемых слонов и не меньше человеческих орудий: знакомых любому археологу примитивных ручных рубил. Впервые такие орудия были найдены во Франции и долго считались памятниками самых древних человеческих культур. По названию мест, где были сделаны находки, это культура Шелль и более поздняя культура Ашель. Во Франции

вместе с подобными рубилами не нашли костей человека, но вероятней всего рубила сжимались руками питекантропов, близких к ним гейдельбергских людей и первых неандертальцев.

Второй слой — время питекантропов.

Отдельные страницы главы образно повествуют о том, что климат становился то суше, то влажнее. Песчаный след — древняя река или озеро. Чуть выше другие породы: река и озеро высохли.

И вот уже подножье, нижний слой, первая глава олдувэйских обрывов. У самого дна долины — «переплет книги» — мощная подкладка из базальта, память о чудовищных извержениях и катаклизмах, порожденных дремлющими сейчас вулканами. Чтобы рассмотреть первый слой, кое-где и копать не надо: он сам выходит на борт обрыва и до него можно рукой дотянуться. От 5,5 до 30 метров его толщина. На большом пространстве видны отложения древнего озера, некогда плескавшегося здесь. В том месте, где древнейшие озерные отложения соседствуют с «ископаемым берегом», особенно много костей. Озеро притягивало животных, так как кругом было не менее жарко и сухо, чем теперь. У воды многие гибли — от хищников, от стихии, от старости: кости давно вымерших примитивных свиней, носорогов, слонов... Попадалось почему-то немало очень крупных, порою гигантских животных. Ископаемый павиан, открытый Лики, был, например, вдвое больше современного.

Из первого слоя Лики выкапывал отщепы кварцита и базальта, на них видны следы спиливания, ими пользовались. Интереснейшие находки первого слоя — гальки, крупные озерные гальки с режущим ребром. Не было сомнения, что их держала рука, управляемая уже не обезьяньим мозгом. Но в то же время столь примитивной человеческой цивилизации нигде еще не видели (Лики дал ей название — «олдованская цивилизация»). Питекантропы и синантропы с их ручными рубилами по сравнению с олдованцами все равно что люди с электричеством и паром против средневековых ремесленников.

Первый слой был, без сомнения, самым важным, самым загадочным. За ним скрывалось время, на сотни тысячелетий предшествовавшее питекантропу. Это могли быть века недостающего звена. Но та рука, что держала озерные гальки, и тот череп, что управлял той рукой, все прятались за крутыми откосами.

Таково Олдувэйское ущелье. Иногда с уходящего ввысь обрыва заглядывают вниз любопытные жирафы и львы. Где им знать, что через сотни тысячелетий их окаменевшие кости будут вымыты дождем из чуть выросшего обрыва и другие звери будут с любопытством заглядывать в ущелье, чуть более глубокое, чем теперь.

Итак, раскопки в первом слое — это странствия ученого по давней неведомой планете, охота за черепами древнейших обитателей.

На 29-м году странствий, 17 июня 1959 года, Мэри Лики смогла поднести мужу лучший из всех мыслимых подарков — часть окаменевшего лица и зубы из первого слоя! Череп — с первого взгляда было ясно — принадлежал австралопитеку, очень примитивному, но все же с иекоторыми человеческими чертами. Он лежал иа берегу «ископаемого озера», иеподалеку от базальтового дна Олдувэйского ущелья: что-то привело существо к воде в последнюю минуту жизни.

Из-за зубов, приспособленных к щелкаиью орехов, и остатков скорлупы (их нашли рядом) существо назвали ласково и весело — щелкунчиком. Щелкуичик сразу вызвал у Лики громадное уважение, не только за то, что ои такой древний и что прежде австралопитеков находили только на самом юге Африки, а теперь обнаружили на экваторе. Самое замечательное: рядом с костями, в несомненном, тесиом соседстве с ними, лежали те самые примитивнейшие камеиные орудия, гальки с оббитым концом, которых и прежде находили в избытке, но не знали хозяина.

Примитивный гориллообразный, чуть-чуть человеческий череп щелкунчика с небольшим обезьяньим объемом (около 500 кубических саитиметров)

и притом каменные орудия — первый признак человека!

«Зиндж», старинное арабское название Восточной Африки, Лики соединил для щелкунчика с почетным греческим — «антроп».

Зинджантроп Мэри и Луиса Лики, архипримитивнейший человек!

«Если бы не орудия, обезьяна обезьяной!» — вздыхали лучшие специалисты. Более примитивным человеком быть невозможно. Если это не Missing link, то что же такое Missing link?

Вскоре лаборатория Калифорнийского университета получила от Лики семь образцов породы из нижней части первого слоя, то есть из района зинджантропа. Применили калиево-аргонный метод, и результаты оказались не менее поразительными, чем невиданное прежде соединение обезьяньего черепа с человеческими орудиями: от 1610 тысяч лет до 1890 тысяч лет. Среднее число, которое следовало считать примерным возрастом зинджантропа, — 1750 тысяч лет: втрое древнее питекантропа, в 30—40 раз древнее первых людей современного типа.

1750 тысяч... Прежде любой антрополог был готов поручиться, что «звена недоставало» примерно миллион лет назад. Теперь человеческая история на глазах удваивалась.

Зинджантроп совершил почетную экскурсию по главным научным центрам, подобно славной молодежи — австралопитекам Дарта и Брума, питекантропам Дюбуа и Кенигсвальда.

Прошло несколько месяцев, и в 1960 году супруги Лики, их помощник, уже упоминавшийся раньше ученик Дарта Филипп Тобайяс и еще несколько человек снова потревожили бесчисленных обитателей степей Серенгети, великого кратера Нгоронгоро и мрачного олдувэйского каньона. Снова из-под ног и лопат сыпались тысячелетия, влажные и засушливые, века ископаемых слонов, саблезубых тигров, гигантских павианов, а также оббитых галек (исчезнувших, если чуть подняться по обрыву, вследствие ве-

ликой технической революции, породившей универсальный каменный треугольник — ручное рубило!).

Внезапно из второго слоя появился знакомый. «Бедный Йорик!» — мог бы воскликнуть англичанин вслед за Гамлетом. Это был, бесспорно, знакомый образ, встреча с которым не могла не вызвать эмоций и воспоминаний, — питекантроп, сопровождаемый каменными рубилами и ископаемым зверьем.

Времена менялись: питекантроп, с его мозгом, походкой и рубилом, выглядел по сравнению с архаическим зинджантропом внушительно и культурно. Все шло по правилам: первый слой — зинджантроп, метров на 30 выше его и лет на миллион моложе — питекантроп. Но тут из земли показался еще некто, и снова, в который раз, романтическая наука антропология оказалась во власти счастливого случая, регулярно снабжающего или лишающего ее великолепных гипотез, догадок и даже теорий.

Из того самого места (лишь на 60 сантиметров ниже), где в прошлом году выглянул зинджантроп, вышел великолепный человек. Обломок его черепа, кусок нижней челюсти и кисть руки свидетельствовали о ряде выдающихся качеств этой личности. Личность была сравнительно молода, но обладала цепкими пальцами, способными взяться за человеческую работу. Череп же оказался столь примечательным, что если бы Лики не нашел вскоре еще одно такое же существо, представленное костями ключицы и стопы — добротной стопы двуногого ходока, — то научный мир разъярился бы.

Затем появлялись еще и еще такие же ископаемые существа — люди «образца 1960 года». Из пяти персон одна (первая) нашлась, как уже говорилось, рядом с зинджантропом. Две другие оказались ниже, то есть древнее; еще две повыше, так что одна забралась почти во второй слой, к питекантропу.

Все пятеро существ, живших примерно в одно время и в одном месте с зинджантропом, были совсем не зинджантропы.

Мозг много больше: 685 кубических сантиметров. До питекантропа, правда, этой голове еще расти и

расти, но все-таки уже не 500 (как у зинджантропа). У крупного самца гориллы мозг иногда достигает 700 (и однажды даже 752) кубических сантиметров, но зато такой стопы и пальцев у обезьяны быть не может. Лики назвал человека «презинджантропом», но потом остановился на более почетном — «Homo habilis», «человек умелый» (конечно, подразумеваются прежде всего умелые пальцы!).

Homo habilis — вот чьим орудием были гальки с оббитым краем. Зинджантроп имеет к ним не больше отношения, чем, например, мартышка к револьверу, случайно найденному вместе с ней.

На маленькой площадке у берега озера, чуть большей одного квадратного метра, Лики нашел девять орудий «умельца». Судя по всему, площадка была местом, где кормились два-три человека. Орудия казались брошенными после мимолетного использования (питекантроп этого уже не делал и свое рубило берег). Вооруженный прибрежной галькой, сидел habilis на берегу и потрошил молодого зинджантропа, ничуть не смущаясь, что и тот — человекообразный и прогрессивный. Один ел, другого съели — оба после смерти оказались рядом, обоих нашли, но сначала съеденного — и решили, что в нем вся суть. Побывав год в высоких чинах, зинджантроп был затем в ранге сильно понижен.

Homo habilis по всем статьям человек, но еще неизвестного прежде типа, примитивнее всех известных.

Зинджантроп по всем статьям австралопитек, обезьяна.

Но коли они современники, значит, человеку умелому тоже 1750 тысяч лет, а то и более!

Вот в это никак не верилось.

Питекантроп из второго слоя оказался 360 000-летним: более или менее нормально, хотя все же почти вдвое моложе, чем яванские однофамильцы. Но что делал habilis целых 1400 тысяч лет?

Превратиться за 14 тысяч веков только в питекантропа — конечно, хорошая, но все же слишком медленная работа.

Одним из скептиков был Ральф Кенигсвальд.

У профессора Оклея хранился образец базальта, который он захватил во время посещения Олдувэйского ущелья еще в 1947 году. Кеиигсвальд заиял этот кусочек и в 1961 году попросил измерить его возраст в Гейдельбергской лаборатории Института ядерной фнзики.

Результат был для Лики не очень-то принятеи: 1300 тысяч лет (± 100 тысяч лет). Получалось, что базальт, лежащий у подиожья обрыва, миого моложе более высокого первого слоя. Точиость и правильность заключений Лики тем самым подвергалась сомнению. Зато дата 1 миллиои — 1300 тысяч лет казалась все-таки не столь фантастической, как прежняя. Гейдельбергские результаты как будто совпадали и с подсчетами возраста костей тех животных, которые сопровождали habilis'а. 30—40 процентов современных ему видов дожили до иаших времен, в то время как «полагалось бы» дожить лишь 10 процентам (если в самом деле действие происходило 1750 тысяч лет назад).

Но Лики не собирался так легко уступить полмиллнона лет. Он сиова отправил образцы в Калифорнийскую лабораторию, на этот раз два куска базальта из подножья. Были примеиеиы иовейшие, самые совершеииые методы аиализа.

Первый образец базальта подтвердил «фаитастический» возраст презинджантропа; базальт имел 1700 тысяч (±200 тысяч лет) от роду. Второй кусок сначала всех поразил, заявив о возрасте в 4 миллиона, но затем результат проверили и устаиовили истииу: 1800 тысяч лет.

Внимательио исследовав тот кусочек, который экзаменовался в Гейдельберге, нашли иа нем сильные следы выветривания: ои находился дольше других на поверхности. Вероятио, Оклей взял образец, отиосившийся ие ко диу ущелья (отчего и получился меньший возраст).

Более тщательиое изучеиие окамеиелых животных костей из первого слоя тоже позволило перевести их иа иесколько тысяч веков в прошлое.

Так Homo habilis был оправдаи. Попутио новая

проверка возраста олдувэйского питекантропа довела и его до более приличной даты — 490 тысяч лет назад, что уже вполне соответствовало «яванскому календарю» (550—600 тысяч лет).

Случалось и прежде, что историк, археолог открывал целую цивилизацию: до 80-х годов XIX века никто и не подозревал, например, о многовековом царстве хеттов в Малой Азии; открытие древних культур Мохенджо-Даро и Хараппы почти удвоило известную историю Индии.

Но все это обретенные века, от силы тысячелетия в истории отдельных частей планеты.

Лики же щедро дарит всему человечеству лишний миллион. К сожалению, прошедший, растраченный.

Самая глубоководная впадина в океане человеческой истории обнаружена пока в Восточной Африке.

Трудно писать и судить об открытии, которое продолжается и будет продолжаться и которое еще не опубликовано полностью. На антропологический конгресс в Москву приезжал в 1964 году сотрудник Лики Тобайяс, сообщивший, что в Олдувэе уже выкопано 16 ископаемых гоминид (то есть людей и высокоразвитых обезьян).

И все же, едва свершившись, открытие человека умелого, подобно яркой внезапной вспышке, и осветило и ослепило... В его отблесках рассматриваются сейчас и некоторые другие замечательные находки.

Республика Чад. 3 июня 1961 года француз Ив Коппен сообщил, что в 200 милях к северо-востоку от озера Чад обнаружил фрагмент черепа, несомненно принадлежавшего австралопитеку. Судя по тому, что чадантроп сопровождался остатками вымершего примитивного слона, он не только самый северный, но и один из самых древних австралопитеков. Кажется, он не так специализирован, как его более поздние южноафриканские родичи, и еще может выбирать обезьяньи и человеческие пути...

Израиль. В 1963 году на южном берегу Тивериад-

ского озера находят два фрагмента очень примитивного черепа, зуб, а также орудия, близкие к олдуванским. Рядом рассыпано много объеденных костей (черепахи, дикобраза, гиппопотама, носорога, слона). Кости расколоты, и, судя по царапинам, с них сдирали мясо, возможно, при помощи других костей...

Крупные и мелкие планы перемешиваются в книгах по истории: история одного дня (например, «22 июня 1941 года»), одного года («1812 год»), история нескольких тысячелетий («история древнего Египта»). Но только с 1959 года существует оригинальная задача: история миллионолетия, хотя бы от Homo habilis до питекантропа.

Численность исторических персонажей в этой работе будет поменьше, чем население именного

указателя в самой узкой и специальной исторической книге: на миллион лет всего несколько «умельцев», горстка гигантов, разношерстная (может быть, и в переносном и в буквальном смысле) группа австралопитеков и немного питекантропов в эпилоге.

Итак —

История человечества (первое миллионолетие).

Вступление. Важнейшие события произошли раньше чем за два миллиона лет: если человек умелый и австралопитеки были в наличии 1750 тысяч лет назад, то, значит, за их спиной довольно длительное прошлое.

Итак, намного раньше, чем два миллиона лет назад, одна (или не одна?) группа человекообразных обезьян, навсегда разойдясь с другой (от которой пошли горилла, шимпанзе, оранг), стала упражняться в прямохождении, освобождении рук и, соответственно, укрупнять мозг. Было это скорее всего в экваториальных широтах Азии или Африки, но вокруг передовых обезьян не должно было расти слишком много деревьев: иначе трудно объяснить склонность к наземному существованию.

Жилось «последним обезьянам» нелегко, по определению: кому легко, тот приспособился и выбыл из игры, перейдя в оранги, гориллы и им подобных.

Но и на тяжелую жизнь реагировали по-разному. Для нас очевидны по крайней мере два способа реакции, и оба появились задолго до эпохи олдувэйского первого слоя. Один способ — вырасти, набрать вес, ничего не бояться. Такова династия великанов. Гигантопитеки, колоссальные китайские человекообразные обезьяны, зажили вольготно и безопасно, предоставляя собратьям заботиться о более человеческих путях. Но наступит день, век, тысячелетие, появятся более быстрые зверьки, которых гиганту не догнать, или сойдет растительность, которой он питался, и, ревя от бесцельной мощи и голода, он вымрет, не в силах перемениться, расплачиваясь за десятки тысяч благополучных лет.

Зато другие, высшие обезьяны, отвергнув гигантизм, идут в австралопитеки. Может быть, перемещаются из Азии в Африку, или наоборот (времени на все путешествия хватало: сотни тысяч, даже миллионы лет!).

Так или иначе, но тут «введение» должно закончиться. Часы истории показывают 2 миллиона лет до нашей эры.

Около 2 миллионов лет назад по Африке бродят австралопитеки: обезьяны, но очень необычные. Они сравнительно малы и слабы, но ищут компенсации, расхаживая на двух ногах, чтобы освободить руки. Руки берут кость, палку, камень. Сначала, может быть, случайно, эмпирически, потом все чаще. Австралопитеки не похожи друг на друга: одни мельче, другие крупнее. Одни больше специализировались, приспособились к растительной пище, другие еще не успели выбрать, выжидают, живут «на развилке дорог». Но уже давно, еще в конце «введения», раньше 2 миллионов лет, одна (а может, и не одна?) австралопитековая группа почему-то, в силу каких-то особенных условий (благоприятных? неблагоприятных? где? когда? Не знаем, не знаем!) преуспела более других: эпизодический труд постепенно делается постоянным, рука все больше умеет, мозг все больше размышляет и растет.

Группа, стая таких существ умножает, ускоряет индивидуальные достижения, перемалывает их в общественные.

Не ведая, насколько многочислен был отряд (или отряды), рванувшийся вперед, мы все же видим страшную и в то же время перспективную ситуацию: еще до «второго миллиона» создался своего рода фон, широкий фронт очеловечивания. Не будь всяких многочисленных человекообразных австралопитеков, не было бы и небольшой передовой группы, сильно двинувшейся дальше.

Мы необычайно близки, можно сказать, вплотную стоим у недостающего звена в цепи «обезьяна—чело-

век». На ученых конгрессах в наши дни уже спорят о сюжетах, несколько лет назад почти не существовавших. Спорят, например, о том, как не ошибиться, отличая «последнюю обезьяну» от «первого человека». С виду черепа обоих могут быть совершенно одинаковы. У гориллы голова бывает не меньше, чем у «хабилиса». Понятно, было время, и вероятно долгое время, когда у обезьян, подошедших «к рубежу», изменения оставались не столько внешними, сколько внутренними: на вид тот же древний австралопитек, вроде зинджантропа, но в мозгу происходят важнейшие перемены, сначала микроскопические и только много веков спустя более заметные.

Еще чуть-чуть, и, кажется, мы все узнаем о «скачке». Конечно, и прежде бывали иллюзии, но ведь и в самом деле все кажется ясным: были древнейшие центральноафриканские «почти что люди», а вот «умелец» — «едва-едва человек». Правда, между этими «чуть-чуть» и «едва», возможно, добрый миллион лет, но все же меньше, чем прежде, между питекантропом и «последней обезьяной»... Правда, мы все равно еще множества обстоятельств и процессов, сопровождавших «скачок», ие ведаем, но все же знаем чуть больше, чем прежде...

Сравним теперь «международную обстановку» 1750000 и 500000 года до нашей эры.

1750 тысяч.

Человек умелый уже далеко обошел братьев австралопитеков. Но у него с ними одинаковы и образ жизии и места обитания. И в этом горе австралопитеков, которым суждено погибать в зубах прогрессивиого родствениика и умирать с голоду, отступая из самых обильных краев.

Но, видно, все же долгое время корма хватало на всех и австралопитеки продолжали плодиться в центре Африки, а может быть, и в Азии. Хабилис, разумеется, тоже множился и путешествовал. В коице концов он, должио быть, освоил громадные простраиства Африки и Азии. Находки олдувэйской гальки в Палестиие, близ перешейка двух

материков, быть может, память о великих переселениях.

А в это время где-то в Азии доживают или уже дожили свой век гигантские обезьяны.

500 тысяч лет назад.

Питекантроп, синантроп, мегантроп в Азии, питекантропы в Африке (атлантроп — на севере, телантроп — на юге, олдувэйский питекантроп — на востоке).

На юге Африки и, кажется, больше нигде ютятся последние австралопитеки, будущая добыча Дарта и Брума.

Что произошло, что соединяет две панорамы?

Прежде всего трагедия австралопитеков. В конце концов всякое вымирание вида трагично, но никогда еще не вымирал вид столь совершенный, который, возможно, при иных обстоятельствах, не торопясь, сделался бы человеком разумным.

Без австралопитеков не было бы человека, но человек воцарился без них.

Постепенно оттесненные в полупустыни Африки, все более специализирующиеся, порою пытающиеся спастись гигантизмом, может быть берущие в руку кость или камень, они все же безнадежно опоздали. Откуда нам знать, сколько ужаса и смерти скрыто за таким простым фактом, как находки телантропа, южноафриканского питекантропа, в той же каменоломне Сворткранс, где покоились австралопитеки?

Непобедимые стаи питекантропов, мозговитых, блестяще орудующих камнями и ручными рубилами, наступали с севера.

Мы имеем право сегодня предположить, что питекантроп — потомок «умельца». Существуют чрезвычайно интересные соображения о некоторых чертах сходства между олдувэйским человеком и самыми древними питекантропами Явы (из слоя Джетис).

Более миллиона лет понадобилось, чтобы из мозга в 685 кубических сантиметров получилось 800—900... Чтобы от олдувэйской гальки перейти к шелльскому рубилу.

Более миллноиа лет, более десятн тысяч веков начальной нсторнн, в сущностн, не заполнены. Сколько всего было за это время невероятных, немыслнмых, бесконечных событий, удач, паденнй, откровенний. Сколько достнжений, забытых потом веков на тысячу, вновь обретенных, оставшнхся уделом геннев илн перешедшнх к стае...

Кстатн, о геннях. Мы несколько стесняемся этого сюжета, н зря, может быть. Японский ученый Каван опубликовал недавно свои наблюдения за днкнмн макакамн на маленьком островке. Обезьянам давали пшеннчные зерна, высыпанные на прибрежный песок. Сперва онн выбнралн зернышкн по отдельиости из песка, но потом одна изобрела замечательный способ промывкн: подобно золотонскателю, набрала полную прнгоршню песка с зерном, подошла к морю н промыла песок водой. Геинальное открытне было подхвачено товарнщами. Очень важно, что для такой процедуры прншлось ходить на двух иогах, «по-человеческн».

Здесь пронзошла обыкновенная история: гениальная обезьянка и быстрое освоение генналыюстн целым коллектнвом. Но ведь всегда были и будут выдающнеся особн — талаитлнвые, геннальные кузнечнки, орлы, волки, однако деятельиость отдельиых выдающихся экземпляров была обычно бесплодной для внда в целом. Насекомые, птицы, высшне млекопитающне плохо усванвали уроки гениев и больше полагалнсь на безошнбочный инстннкт.

Зато обезьяны больше другнх склонны к подражанию, н, значнт, прнрода одарнла нх свойством легче овладевать тем, что обретено отдельиым велнкнм талаитом.

Роль выдающнхся лнчностей в древнем коллективе, несомнеиио, возрастала, н весьма вероятно, что отдельные случайиые находкн, оза-

рения, выдумки подхватывались и закреплялись стаей, группой (разумеется, если гений не слишком обгонял свою эпоху!).

Ценность отдельной личности для всего вида отныне увеличивалась все больше и больше, и это было одним из признаков очеловечивания.

Краткая история 500000 года до нашей эры почти написана. Немного выпадают из нее новые гиганты, не гигантские обезьяны, а гигантские люди, мегантропы. Возможно, это одна из отделившихся групп австралопитеков: в последние годы находят много сходства между крупными австралопитеками и азиатскими гигантами. Соблазнительная дорога «внешнего величья», видимо, продолжала манить целые армии высокоразвитых обезьян. На этом пути они могли достигнуть большой степени очеловечивания (Кенигсвальд, как говорилось, доказывает, что мегантропы обладали речью).

Но в конце концов когда-то отчего-то гиганты сгинули...

От питекантропов, ветвясь на боковые ходы и тупики, потянулась далекая, неровная, опасная человеческая дорога, но мы знаем теперь, что после питекантропа пройдено все-таки намного меньше, чем до него.

P. S. Написав эту часть, я рассказал московскому антропологу М. И. Урысону, как мне нравится новая схема древнейшей истории: «От первых австралопитеков к человеку умелому, а от него к питекантропу».

Ученый вежливо меня выслушал и затем протянул оттиск из последнего номера «Nature». Луис Лики объявлял о новой теории:

Австралопитеки, питекантропы и Homo habilis — это три независимые друг от друга ветви, существовавшие в одно время (недаром одного из хабилисов нашли почти что в слое питекантропов!).

Австралопитеки и питекантропы — это два тупика эволюции, от них никакой дороги к человеку разумному.

Зато человек «умелец» — другое дело. От него, минуя питекантропов, идет историческая тропа к неандертальцам и современным людям.

«Я знаю, что я ничего не знаю», — гордо заявил древний мудрец. «А я даже этого не знаю», — посрамил его более мудрый...

P. P. S. Перед самым выходом этой книги газеты сообщили, что Лики открыл кениопитека — очень интересную древнюю человекообразную обезьяну, помогающую лучше понять дочеловеческий период человеческой истории...

ЧАСТЬ II

ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК

АНДРЕЙ С. (УЧЕНИК 3-ГО КЛАССА):

— Современный человек, такой, как вы и я, существует ровно 40002 года.

АВТОР:

— Откуда ты это взял?

АНДРЕЙ:

— Два года назад, когда я был в 1-м классе, вы однажды пришли к нам и сказали: «Подумать только, что за последние 40 тысяч лет люди совсем не изменились!»

И НАШИ ВНУКИ, В ДОБРЫЙ ЧАС,
ИЗ МИРА ВЫТЕСНЯТ И НАС...

А. С. ПУШКИН

ГЛАВА ПЕРВАЯ, ОНА ЖЕ ПЕРВАЯ

Планета неандертальцев

В последних числах августа 1956 года минуло столетие второй жизни неандертальцев, и хотя по масштабам юбиляров сто лет было не заслуживающим внимания кратким мигом бытия, все же торжества состоялись по всем правилам: в Дюссельдорф прибыло 130 ученых из 14 стран, конгресс от-

крывал обер-бургомистр, специальные автобусы доставили всех в Неандерталь, где на могилу Иоганна Карла Фульрота были возложены цветы, а покойного помянули добрым словом. Именно здесь, в живописной долине реки Дюссель, рабочие, очищавшие пещеру Фельдгофер, в конце августа 1856 года обнаружили неполный скелет ископаемого человека, который попал вскоре к школьному учителю Иоганну Фульроту. (Кстати, своим названием Неандерталь обязан пастору Иоахиму Неандеру, ректору Дюссельдорфской латинской школы, прославившемуся сочинением церковных гимнов.)

На Дюссельдорфском конгрессе вспомянули, конечно, о злоключениях первого открывателя, особенно о том, как он ничего не мог доказать, потому что вместе с костями человека не нашли ни каменных орудий, ни древних животных. (В 30 шагах от Фельдгофера была, правда, другая пещера, так называемая Чертова комната, наполненная костями животных ледникового времени, но свидетельствам, удаленным на 30 шагов, не верили.)

Разумеется, вспоминали и о том, как выдающиеся авторитеты посмеивались над скромным натуралистом Фульротом, предлагая разные прозаические объяснения его находке (поскольку у скелета кривые, «кавалерийские» ноги, значит Фульрот нашел кости российского казака, сложившего голову во время похода против Наполеона!).

Первый неандерталец представился собравшимся из витрины музея, и тут выяснилось, что за сто лет он не все рассказал. Тюбингенский профессор Гизелер доложил собравшимся о своих наблюдениях именно за этим знаменитым скелетом: череп и другие кости оказались расколоты, надрезаны, причем у многих других неандертальцев наблюдались точно такие же повреждения. Профессор полагал, что первого неандертальца, как и многих других, убили и съели, но при этом совершался какой-то обряд... Возможно, убили и съели из чувств не вражеских, а вполне дружеских. Если едят врага, рассматривая его просто как пищу, удары и надрезы совершают как придется;

если же они сделаны примерно одинаково, на одних и тех же местах, это неспроста, это какая-то обрядовая церемония, культовый каннибализм.

У многих первобытных племен был, например, такой обычай: в случае голода или эпидемии подходили к вождю и говорили: «Сейчас убьем тебя, чтобы ты пошел на небеса (к богу или духу) и доложил о наших несчастьях». Вождь, естественно, должен был радостно благодарить за общественное доверие, ибо кого же дух послушает, как не его?

Неандертальцы, правда, много древнее и примитивнее таких племен, и еще надо доказать, что у них были столь же разработаны религиозные взгляды и церемонии...

На конгрессе, если мы позволим себе выражаться несколько метафорически, перед собравшимися специалистами продефилировала почти целая рота (больше ста) неандертальцев. Один-два неандертальца в год — такова средняя скорость мобилизации в течение последнего столетия.

Рота была не слишком стройной, и командование громко спорило, ссорилось и мирилось, сравнивая отдельные шеренги и предлагая наилучшие деления по взводам... Если уж не оставлять надежную военную терминологию, то следует добавить, что в Дюссельдорфском штабе успели поговорить и о том, из какого войска выделился этот отряд, куда вольется и чем станет...

Одно лишь происшествие нарушило твердое расписание парада. Появился неизвестный солдат и попытался примкнуть: марбургский профессор Якобсхаген сообщил, что перед самым конгрессом, во время сильного наводнения, на поверхность земли близ деревни Рюнда всплыл древний череп, принадлежавший неандертальской женщине 35—40 лет. Череп, однако, вызвал сильное сомнение. Куда больше он походил на останки Homo sapiens. Профессор Хофер в доброй старой традиции предположил, что найдены остатки «современного микроцефала».

«Да и вообще мало ли костей осталось в Германии после прошедшей войны!»

В конце концов решили передать «примкнувшего» на исследование профессору Кеннету Оклею.

В общем неандертальский смотр прошел хорошо, и даже иностранные наблюдатели были довольны.

За сотнями тысячелетий, за ледниками, потеплениями и еще ледниками остались хищные «умельцы», мирные австралопитеки, стремительные питекантропы, устрашающие гиганты, пещерные синантропы... Их всех называют иногда архантропами, древнейшими людьми.

Отошли одни ледники, подступили другие, прошло примерно $^{9}/_{10}$ нашего прошлого, пока в разных местах планеты не появились палеоантропы, древние (но уже не древнейшие) люди — неандертальцы.

Единственное, в чем я твердо уверен, что никогда ни один из этих могучих людей такого слова, как неандерталец, не сумел бы выговорить (из научных терминов одолел бы, пожалуй, только простенькое «хомо»).

Жил неандерталец около ста тысяч лет назад.

Составляя хронологию неандертальских находок, можно попутно познакомиться и с неандертальской географией.

1848 год. Английский натуралист с грозной фамилией Флинт открывает в каменоломнях на северном склоне гибралтарской скалы хорошо сохранившийся и ни на что не похожий череп. Открытие остается незамеченным.

1856 год. Находка Фульрота. Фактически тоже не замечена. Даже Дарвин в своем труде упоминает о ней вскользь.

1864 год. Английский анатом Кинг предлагает термин «неандертальский человек».

1872 год. Рудольф Вирхов объявляет, что найденный субъект — наш современник со следами детского рахита и старческой деформации; Вирхов думает, что у первобытных дикарей столь дефективная личность вообще не дожила бы до старости и что неан-

дерталец, видимо, принадлежал к обеспеченной, буржуазной или помещичьей, семье.

Затем множество находок по всей Европе доказывает, что великий ученый ошибся, а любители правы...

1886 год. Бельгия. В пещере Спи два скелета, похожих на дюссельдорфский.

1899—1905 годы. У скалы Крапина (территория нынешней Югославии) около 500 человеческих костей, останки более 20 неандертальцев.

1901 год. Открытие Фульрота реабилитировано (через 24 года после смерти открывателя).

Целый букет французских находок.

1908 год. Очень древний молодой человек в пещере Ле Мустье. Там же множество каменных орудий, более совершенных, чем шелльские и ашелльские рубила: так называемая культура Мустье.

1909—1921 год. Мужчина, женщина и четверо детей в пещере Ля Ферраси.

1910—1927 годы. 20 взрослых и детей в пещере Ля Кина.

1947 год. Знаменитые фонтешевадские черепа.

Германия отставала от Франции по добыче неандертальцев, но все же на месте не стояла.

1914—1925 годы. Эрингсдорф (близ Веймара). На глубине 12—17 метров — два взрослых и ребенок.

1933 год. На юго-западе страны штейнгеймский череп.

В Англии палеоантропов представлял сванкомбский череп (1937 год). Еще одного находят в Гибралтаре (1926 год), несколько неандертальцев появляется близ Рима, в Венгрии, Чехословакии, в 1960 году — в гроте Петралона (Греция).

В 1924 году Г. А. Бонч-Осмоловский находит в крымской пещере Киик-Коба (в 25 километрах от Симферополя) 77 костей взрослого неандертальца и скелет ребенка. Кииккобинец долго оставался самым восточным европейским неандертальцем. Зато после первой мировой войны палеоантропы показались и на других материках.

1921 год. Северная Родезия (ныне государство Зимбабве). Двух неандертальцев («родезийские лю-

ди») находят в свинцовом руднике Брокен-хилл. В следующие десятилетия неандертальские кости обнаруживают на территории Эфиопии, на обнажившемся дне озера Эясси в Танганьике, в Марокко выкапывают четверых, одного в Ливии, близ Средиземного моря (1952 год), а в следующем году неандерталец появляется на противоположном конце Африки, близ бухты Салданья (недалеко от Кейптауна).

Неандертальцы-азиаты также не стали скрываться.

Начиная с 1925 года множество важнейших находок в палестинских пещерах.

Движение к востоку приводит к встрече с шестью взрослыми и одним девятимесячным неандертальцем из пещеры Шанидар в северо-восточном Ираке (открытие американской экспедиции Р. Солецкого в 1951—1960 годах).

Еще на тысячу километров восточнее девятилетний ребенок из грота Тешик-таш (Южный Узбекистан), открытый в 1938 году А. П. Окладниковым.

1958 год. Череп с неандертальскими чертами в китайской провинции Гуандун.

На крайнем юго-востоке, у знаменитой яванской реки Соло, — уже знакомый читателю нгандонгский неандерталец (1931—1932 годы).

За сто с небольшим лет больше ста неандертальцев нанесены на карту Старого (вернее, очень старого) Света. Границы неандертальского мира: от Англии до Китая и Явы, от Германии до южной оконечности Африки; обильно заполнена Западная Европа, неплохо освоены Африка, Центральная и Юго-Восточная Азия. Однако по-прежнему необитаемы Америка, Австралия, вероятно, «верхняя» половина Азии, а также значительная часть Восточной Европы, отрезанная от остального мира еще существовавшим в ту пору гигантским Черно-Каспийским морем, непроходимым ледником, болотами, лесами.

Планета неандертальцев.

Их было никак не меньше нескольких миллионов, и вот по сотне с небольшим молчаливых представите-

лей этих миллионов нужно восстановить все, что возможно, и поискать путей к невозможному.

Историк вечно недоволен: недостает источников. Я слышал, как один пушкинист жаловался, что не осталось никаких материалов о 20 днях жизни Пушкина... Историк более древнего периода менее привередлив. Случается, целый исторический период — лет 150—200 — он должен восстановить по единственному источнику, нескольким могильным плитам.

Одно из первых в мире восстаний рабов было, как пишется во всех учебниках, около 1750 года до нашей эры в древнем Египте. Сейчас, однако, зародилось подозрение, что восстание произошло на... 700 лет раньше, около 2400 года до нашей эры.

Это все равно, что сказать: «Революция 1848 года произошла, быть может, в 1148 году».

Чем глубже прошлое, тем более крупные куски времени идут в ход:

«Первое десятилетие XIX века...»

«В первых веках нашей эры...»

«Это было в конце IV — начале III тысячелетия до нашей эры...»

В неандертальский период счет ведется на десятки тысячелетий (а при питекантропах — на сотни тысячелетий и даже миллионы).

Можно, конечно, установить несколько «искусственных» дат. Например, вычислить, что 10 июля 62815 года до нашей эры над Европой было полное солнечное затмение, и, понятно, мы имеем право предположить, что оно сильно напугало многих неандертальцев. Можно даже подобрать скелет человека, присутствовавшего при сем событии (с возможной ошибкой на 5—10 тысяч лет в ту или другую сторону).

Впрочем, неандертальская эпоха уже настолько близка к нам, что можно воспользоваться замечательным радиоуглеродным методом определения дат: нужна только зола от древнего костра или какое-либо деревянное изделие, и ответ будет дан с точностью до нескольких веков.

Тысячелетия и века, проникая в неандертальскую

хронологию, позволяют ученому командованию все более надежно выстраивать роту по самому важному признаку, «по возрасту».

Классическим европейским неандертальцем принято считать пожилого, лет пятидесяти, мужчину, найденного в 1908 году на каменном дне пещеры Ля Шапелль-о-Сен. Он был небольшого роста, 154—155 сантиметров, но могуч, широкоплеч, с толстыми, массивными костями. Рядом с ним лежали типичные мустьерские орудия, а также кости шерстистого носорога, северного оленя, бизона, пещерной гиены. У шапелльца был колоссальный мозг, больше нашего, около 1600 кубических сантиметров, лоб не такой узкий, как у синантропа, верхняя часть черепа расширена по отношению к нижней больше, чем у нас, руки короткие и в ходьбе явно не участвовавшие: длина плечевой кости составляла 70,3 процента длины бедренной кости (у орангутанга — 139, шимпанзе — 102, гориллы — 116,5, а у современных европейцев — 72,5 процента).

Но при этом, как и у древних обезьянолюдей, лоб неандертальца очень покатый (угол наклона — 63 градуса, а у нас — около 90). Высота черепа составляла всего 38,5 процента его длины, в то время как в нашем «сводчатом» черепе это соотношение составляет примерно 60 процентов. Имел неандерталец еще и надглазные валики (не меньше, чем у синантропа), затылочное отверстие, расположенное даже «хуже», чем у синантропа; походку, судя по костям, все же не совсем прямую; голову, в память о древней «четверорукости» выдвинутую вперед (короткая шея, горизонтальные, а не вертикальные, как у нас, отростки шейных позвонков).

Этот человек и его родня из многочисленных бельгийских, французских и немецких пещер жили около 50 тысяч лет назад.

50 тысяч лет назад было самое суровое время последнего (вюрмского) оледенения. Несколько сот веков ледяная пустыня сковывала громадные просторы Азии, Европы и Америки. Северный олень, шерсти-

стый носорог, мамонт гуляли тогда по Центральной Европе. Во Франции было не теплее, чем теперь близ Полярного круга.

Только громадная сила, ловкость, сообразительно с т ь шапелльца позволили ему уцелеть, и, вероятно, он считал совсем неплохим свое житье: чуть освещенные и слабо согретые костром пещеры, охотничьи вылазки за крупным зверем, уносившие жизни соплеменников и приносившие в случае удачи мясные горы.

Человек с громадным мозгом, покатым лбом, надглазным валиком и мощными костями владел Европой 50 тысяч лет назад. Когда к этой дате и к это-

му человеку «пристраиваются» другие неандертальцы, получается удивительная и загадочная картина. Нам ее не миновать, хотя бы потому, что в какой-то ее части помещаемся «мы все».

Самыми древними европейскими черепами были сванскомбский (Англия), штейнгеймский (Германия) и недавно открытый монморенский (Франция). Вместе с ними лежали кости таких древних зверей, которых даже шапеллец никогда не видел. Орудия их были также более примитивными. Можно сказать, что сванскомбец и его современники жили на одно и даже полтора оледенения раньше, чем классический неандерталец, во время предпоследнего оледенения (рисского) и даже на подступах к нему (так называемый период миндель-рисс).

Было это примерно 200 тысяч лет назад, то есть от шапелльца до нас протекло втрое меньше времени, чем от него до сванскомбских и им подобных «земляков».

> Все-таки трудно привыкнуть к этому легкому жонглированию тысячелетиями, которое встречается в каждой работе о древних людях. Подобно тому как единица длины — метр — удобно выбрана, ибо хорошо соизмерима с величиной человеческого тела (чуть меньше!), так и век удобен для соизмерения с человеческой жизнью (чуть больше!). Чтобы понять, что такое тысячелетие, человеческому воображению нужно представить свою жизнь уже в пятнадцатикратном увеличении, а это требует известного воображения. Я знаю многих людей (особенно женщин), которым так трудно представить, как долги тысяча, пять тысяч лет, что эти числа их уже никак не волнуют. Но даже у лиц, более способных к «временному воображению», оно в какой-то момент отказывает, и уж безразлично, прошло ли пятнадцать тысяч лет, пятьдесят тысяч, сто пятьдесят тысяч.
>
> Так давно, что уже все равно и «примерно одинаково»...

Теперь начинается самое любопытное.

Людям, втрое более древним, чем шапеллец, следовало бы больше походить на синантропа, чем на нас, «людей разумных». Действительно, кое-какие примитивные черты (валик над глазами, широкие носовые отверстия) у штейнгеймского человека и его современников есть, но при этом по целой группе признаков они куда ближе к нам, «человечнее», чем более поздний, классический неандерталец.

Когда в 1937 году был найден сванскомбский череп, это казалось сенсацией, не хуже пильтдаунской: череп очень древний (позже Оклей подтвердил его древность фторовым анализом), и в то же время более современный по размерам (около 1200 кубических сантиметров), чем голова шапелльца. У штейнгеймца голова приближалась к нашим своей сводчатостью, прямым лбом, круглым затылком.

Шум поднялся. За сто тысяч лет до неандертальца, получалось, жили люди с очень современными чертами: «Вот они-то и есть наши предки, ведущие свое происхождение, может быть, от «человека зари» (его тогда еще не разоблачили), а классический неандерталец ни при чем!»

Вслед за самыми древними и загадочными европейцами появляются неандертальцы из Эрингсдорфа и Крапины. Их орудия труда были более совершенны, а жили они в теплое время между двумя последними оледенениями. Эти люди удалены от нас на 75—100 тысяч лет.

Под крапинской скалой валялись кости благородного оленя, вымершего кабана, а также более страшных зверей — пещерного медведя, дикого быка. Свидетельства охотничьей доблести сопровождались сотнями обожженных и расколотых человеческих костей — объедками веселых каннибальских пиров. У этих охотников и людоедов тоже причудливо соединялись примитивные, грубые полуобезьяньи черты с вполне современными. Голова эрингсдорфца, например, была на 200—250 кубических сантиметров меньше, но лоб на 10 процентов прямее, чем у шапелльского неандертальца.

Такие сочетания дикости и прогресса озадачивали ученых. Под Крапиной попадались типичные неандертальские и одновременно тонкие, «совсем человеческие» кости. Тут уж фантазия принималась обгонять науку:

Однажды теплым днем какого-нибудь 75500 года (или, может, 92621-го? 100003-го?) к стоянке неандертальцев подкрались умные великие охотники, потомки «человека зари» и сванскомбца, люди современного типа. Битва была жестокой, в бою пало много воинов. Верх, понятно, взяли более умные и, отобедав побежденными мужчинами, разделили захваченных женщин (отчего, может быть, и пошли потомки со смешанными чертами?).

Но «битва при Крапине» остается пока что научным вымыслом, а разные кости, возможно, принадлежат могучим мужчинам и миниатюрным женщинам.

Кстати, о женщинах. 16 августа 1947 года молодая женщина, французский археолог Мартен обнаружила в пещере Фонтешевад близ Ангулема части двух черепов. Кость лани, зуб гиены, кремневые орудия и, наконец, анализ на фтор засвидетельствовали большую древность (все то же теплое межледниковье!).

Фонтешевадский человек был особенно не похож на шапелльца. Менее покатый лоб и отсутствие характерных надбровных валиков придавали ему очень большое сходство с нами, людьми разумными. Правда, позже выяснилось, что череп подвергался действию огня (опять каннибалы!) и форма его изменилась, но все равно даже в обожженном, деформированном виде проблема сохранялась.

Палеоантропы	Примерный возраст
Сванскомбский	200 тысяч лет
Штейнгеймский	200 тысяч лет
Монморенский	200 тысяч лет
Фонтешевадский	более 100 тысяч лет
Эрингсдорфский	около 80 тысяч лет
Крапинский	около 80 тысяч лет
Шапелльский	50 тысяч лет

В этом ряду классические неандертальцы, самые последние, то есть самые близкие к нам. И в то же время они отличаются от нас сильнее других.

Чем древнее палеоантропы, тем больше они на нас похожи! Это удивительный парадокс, в котором и до сих пор до конца не разобрались.

Знал бы пастор и латинист Иоахим Неандер, какие чудеса будет объединять его имя.

ГЛАВА ВТОРАЯ, НО БОЛЕЕ ПОЗДНЯЯ, ЧЕМ ТРЕТЬЯ

Планета кроманьонцев

Приблизительно 40—30 тысяч лет назад произошло третье величайшее событие в жизни нашей планеты. Первым, случившимся несколько миллиардов лет назад, было зарождение жизни. Вторым — начало очеловечивания, переход от обезьяны к обезьяночеловеку — около 2 миллионов лет назад.

Третьим событием было возникновение человека современного типа, Homo sapiens — человека разумного.

40—30 тысяч лет назад он появляется и довольно быстро (быстро по нашему счету, когда тысячелетие — пустяк) занимает место неандертальцев.

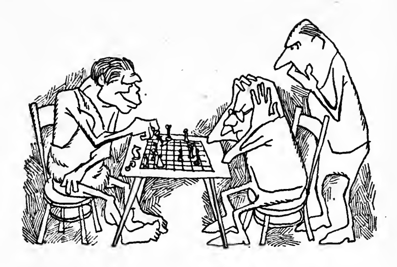
Как только французский археолог Ларте нашел в гроте Кроманьон под толстым слоем многовековых отложений пять скелетов, он сразу догадался, что встретился со «знакомыми». Незадолго до того ученый узнал, что по приказу властей департамента Верхняя Гаронна на приходском кладбище похоронено 17 скелетов, случайно обнаруженных в пиренейской пещере Ориньяк. Ларте без труда доказал, что по отношению к этим людям можно поступиться строгими правилами христианского погребения, и не только выкопал их обратно, но и установил (по каменным орудиям и звериным костям из пещеры Ориньяк), что это современники того же самого ледникового периода, в котором жили классические неандертальцы. Орудия ориньякского человека лежат в чуть более высоком слое, чем орудия шапелльцев.

Две пещеры, в которых были обнаружены древнейшие люди современного типа, отдали им свои имена: первый человек стал именоваться кроманьонцем, а первый большой период его истории — периодом (культурой) Ориньяк.

Вскоре последовали десятки открытий кроманьонских скелетов и стоянок по всей Западной Европе и Северной Африке, и древний «человек разумный» предстал во всем блеске и великолепии.

Кроманьонцы вызывали у своих открывателей восхищение, смешанное с завистью: первые люди — и сразу какие!

Это были европеоиды, громадного роста (в среднем 187 сантиметров) с идеальной прямой двуногой походкой и очень большой головой (от 1600 до 1900 кубических сантиметров). Слишком крупный череп мог еще считаться «пережитком неандертализма», но эта голова имела уже прямой лоб,

высокнй черепной свод, резко выступающий подбородок.

Кроманьоиский человек ие знал, что такое металл, не подозревал ин о земледелии, нн о скотоводстве, ио, еслн бы мы могли перенестн его через 400 веков, ои, по-вндным, все легко бы сообразил и сумел бы составить уравнеиие, поэму иапнсать, поработать на стаике н выступнть в шахматиом турннре.

Появляется кроманьонец — для археологов и антропологов — как-то сразу: только что здесь, в пещерах Францин н Италнн, обнтал прнземистый, мощный, иепобеднмый неандерталец, н вдруг быстро, резко ои исчезает, и в его краях уже охотятся люди современиого тнпа. Пришельцев сопровождает громадная техническая революцня: вместо 3—4 примнтнвных каменных орудий неандертальца в пернод Ориньяк употребляется около 20 каменных н костяиых «прнборов»: шнла, иглы, наконечннки и так далее. Сразу, будто нз ннчего, возинкает нзумнтельиое пещериое искусство.

Этот мощный антропологнческнй, техническнй н культурный переворот определяет отныне всю человеческую историю. Мнллиарды лет жнвотиые сущест-

вовали только по биологическим закоиам, совершенствуясь, расширяя аппарат приспособлеиия, ио ие выходя из биологических рамок. Но вот происходит важиейшее событие: развитие группы животных достигло такой стадии, что они включают в механизм своего приспособлеиия, кроме собствеииых зубов и лап, еще и неживой, ие прииадлежащий оргаиизму предмет: палку, камень. Отиыие это существо уже ие прииадлежит целиком биологии, в «биологической ограде» — брешь. Олдованская галька, рубило, каменный топор, паровоз, электроиио-вычислительиое устройство — это уже явлеиия одиого порядка: живое существо использует и комбииирует неодушевлеииые предметы. «Кто» подчииняет себе «что». Прорыв биологии, происходящий у общественного животиого, умиожается, усиливается в стае, создает в этой стае иовые отиошеиия. Но, видно, биологический фактор, то есть физическое строеиие существа, ие сразу свыкается, согласуется с иовыми «оргаиами» — орудиями: около 2 миллиоиов лет первые обезьянолюди меияют не только свой инвеитарь, ио и свою физическую структуру. Рука, сжимающая обитую гальку, заставляет мозг усилеиио размышлять и увеличиваться, ио, ие оставаясь в долгу, мозг посылает свои сигиалы руке: приходится и той совершеиствоваться.

За тысячи веков орудия проходят путь от грубого камия, палки или кости до неаидертальского рубила, камеииого скребла и острокоиечиика.

Мозг за это время увеличивается от 600—700 до 1500 кубических саитиметров.

Походка — от полуобезьяньей до совершеино прямой.

Рука — от цепкой лапы до совершеинейшего инструмента.

Коллектив — от животиой стаи до первых человеческих обществеииых форм.

Какой-то еще не расшифрованиый иами до коица закои эволюции заставлял тело обезьяиочеловека меияться вместе с его орудиями. Вот что пишет Г. А. Боич-Осмоловский о кисти крымского неаидертальца, жившего иезадолго до кроманьоица:

«Она была относительно крупной, очень мощной, грубой и неуклюжей, с широкими, как бы обрубленными пальцами, заканчивающимися чудовищными ногтями. Толстая в основании, она клинообразно утончалась к относительно плоским концам пальцев. Мощная мускулатура давала ей колоссальную силу захвата и удара. Захват уже был, но он осуществлялся не так, как у нас... Синкобинец не брал, а «сгребал» предмет всей кистью и держал его в кулаке. В этом зажиме была мощь клещей».

Наконец наступает момент, когда биология и орудие достигают полного соглашения, момент, начиная с которого мозг и рука могут совершать любую работу. Тот же мозг и та же рука, что у кроманьонца, будут управлять луком через 20 тысяч лет, плугом через 25 тысяч, а еще через несколько тысячелетий — паровозом, автомобилем, самолетом, ракетой.

Чтобы перейти от примитивного рубила к более совершенному, понадобилось из питекантропа сделаться неандертальцем. А чтобы от каменных неотшлифованных наконечников прийти к расщеплению атома, не понадобилось «ничего», то есть, кажется, ничего принципиально не изменилось в человеческом теле.

Вместо того чтобы в борьбе за существование меняться физически, человек избрал иной путь. Отныне он усовершенствовал «неживые предметы» и менял структуру своего общества. Изменение физическое заменилось более быстрым и безболезненным — техническим, общественным.

А откуда мы, собственно, знаем, что биологическое развитие человека прекратилось?

Дискуссии на эту тему идут очень давно. Замечено, что происходят вековые, тысячелетние колебания физической структуры человека: кроманьонец был выше нас, сейчас, как известно, человечество снова довольно быстро растет. Несколько тысяч лет назад кости человека были более массивны, потом сделались более изящными, завтра, может быть, опять станут массив-

ными и громоздкими. Несомненно, идет «брахицефализация», увеличение числа короткоголовых людей по сравнению с длинноголовыми.

Причины этих перемен гадательны: пища, новый образ жизни? Гадательна и серьезность этих изменений: временные ли это явления, или завтра они будут перекрыты другим изменением, или все-таки через несколько десятков или сотен тысячелетий человек будет выглядеть совсем не так, как сейчас?

Вот одна из гипотез (английского ученого Д. Холдэна), о том, каков будет Homo sapientissimus — человек разумнейший.

«Он будет иметь большую голову и меньше зубов, чем мы; его движения будут ловкими, но не сильными. Он будет развиваться медленно, продолжая учиться до зрелого возраста, который наступит только в 40 лет; жить он будет несколько столетий. Он будет более разумен и менее подчинен инстинктам и сексуальным эмоциям, чем мы...»

Советский исследователь А. П. Быстров, суммируя и нарочито доводя до логического конца рассуждения анатомов о тенденциях развития разных частей нашего тела, нарисовал следующий образ далекого потомка:

Мозговая часть черепа станет много больше. Выступающего носа, в сущности, не будет (носовые, а также слезные и межчелюстные кости, возможно, имеют тенденцию к исчезновению).

Челюсти будут лишены зубов, «как челюсти жабы».

Все анатомы указывают на стремление человеческого черепа переместиться вниз, а таза — «передвинуться навстречу черепу».

Возможно, что со временем «у человека останется один шейный позвонок, один грудной, один поясничный и два-три крестцовых».

Таз и череп будут рядом, рост человека уменьшится.

Ключицы исчезнут, как исчезли они у многих

млекопитающих. На руке останется всего три двухфаланговых пальца, а на стопе — четыре (мизинец исчезнет).

Завершая свою фантастнческо-сатирическую реконструкцию, А. П. Быстров пишет: «Если это физически слабое и беззубое существо с коротким туловнщем и огромной головой действнтельио когда-инбудь будет жить вместо иас иа нашей планете, то оио вполие заслужит иазваине Homo sapientissimus».

Гадая о будущем, мы имеем, одиако, право заявить: за последиие 30—40 тысяч лет произошлн гигаитские измеиеиия в техиике, ио за это же время ие произошло никаких прииципиальных «телесиых» измеиеиий.

Очевидно, «тысяче-прадеды» заложили хорошую основу!

Зафиксировав появление иа Земле нам подобных, мы часто так увлекаемся результатом, что забываем о причинах. А причииы весьма загадочиы: кромаиьонец сменил классндеского иеандертальца в течеиие иескольких тысяч лет. За такой короткий срок шапеллец не мог выпрямить лоб, утоньшить кости, ликвидировать мощиые валики над глазами, существеиио измеинть размеры мозга. Зиачит, от классических западноевропейских неаидертальцев мы не могли произойти, это ие прямой иаш предок. И еще надо объяснить, куда девались европейские неаидертальцы, могучие, мозговитые, казалось бы, иепобедимые.

Впрочем, последний вопрос кажется самым ясиым. Подобио тому, как иа сотин тысяч лет раиьше передовые обезьянолюдн вытесннлн более отсталых, так и теперь прогрессивиый кромаиьонец победил отсталого иеандертальца. Можио вообразить, как несколько тысячелетий шла ожесточенная страшиая борьба, бесшумная или сопровождаемая воииственным, звериным клнчем победителя н предсмертиым хрнпеннем побежденного.

Чем примитивнее человек, тем больше пространства ему надо для поддержаиия жнзнн. Несколько де-

сятков квадратных километров первобытного леса едва могли прокормить небольшую группу неандертальцев. Пройдут тысячелетия, и с такой же площади будет кормиться в десятки, сотни раз большее число людей, знающих, что такое интенсивное хозяйство, мелиорация и тому подобное.

Кроманьонец вторгся в охотничьи угодья европейского неандертальца, победил, частично истребил прежних владельцев (вероятно, с какой-то частью породнился, ассимилировал ее). Остальные были обречены на голодную смерть. Однако прошло много веков, если не тысячелетий, прежде чем где-то в глухой, неприступной пещере вымерли последние неандертальцы.

Или не вымерли? Мечтают найти «снежного человека», последнюю неандертальскую ветвь, укрывшуюся в Гималаях и соседних великих хребтах.

Существует, кажется, несколько сотен серьезных доказательств его существования и меньшее, но тоже немалое, число опровержений. С несколькими искателями приключались конфузы (приняли за «снежного человека» останки гималайского медведя, потревожили кости обыкновенной женщины, умершей в Грузии лет сто назад).

«Ну вот!» — злорадствуют неверующие.

«Ничего, ничего!» — оптимистически восклицают адепты.

Может быть, потому никак не поймать «снежного человека», что он, по определению, самое умное дикое существо на земле (ведь человек все-таки!).

Хотя проблема «снежного человека» для науки второстепенная и решение ее научной революции никак не сделает, — все же, если бы удалось поймать его и если б пойманный действительно был неандертальцем, хорошо бы было.

Но не понимает «снежный человек» своей научной ценности!

Как же одолел кроманьонец неандертальца?

Кроманьонец высок, зато неандерталец кряжист и по силе наверняка не уступит. У кроманьонца совершенный, развитый мозг, но ведь у неандертальца голова превышает средние современные показатели (обычно в этих случаях вспоминают, что у Анатоля Франса мозг весил почти в полтора раза меньше, чем у классического неандертальца, то есть был «на уровне синантропа!»).

Понятно, кроманьонец был все-таки умнее предшественника; но в чем это реально могло выразиться, когда вооруженные дубинами или камнями существа сходились на ледяных равнинах?

Долгие годы сравнивали мозг современного человека с эндокраном неандертальцев. Эндокран — это точный слепок мозговой полости черепа, позволяющий отчетливо видеть следы древних мозговых извилин и определять, какие части мозга были в этом черепе развиты, а какие нет.

Неандертальский мозг велик. С виду он какой-то «неправильный», со следами неравномерного развития различных частей. Мозг обезьяны и мозг современного человека при всех своих отличиях имеют более плавные, округлые очертания и выглядят более законченными творениями природы. Впрочем, так оно и есть: и обезьяна и Homo sapiens более завершенные, законченные в своем роде существа, чем неандертальские люди.

Тщательные сравнения, измерения, вычисления различных эндокранов — дело очень кропотливое. К тому же наши познания о внутренней структуре мозга хотя и быстро растут, но все же сегодня не слишком превышают, скажем, познания неандертальцев о свойствах и структуре камня.

Однако еще несколько десятилетий назад, когда наука о мозге была во много раз слабее, обратили внимание на резкое отличие нашего мозга от неандертальского (а также и других древних людей) по степени развития лобных долей, так называемой префронтальной области мозга. У шимпанзе эта область занимает примерно 14 процентов мозговой террито-

рни, у неандертальца — около 18, а у кроманьонца и у нас всех — свыше 24.

Долгое время оставалось неясным, что же дают нам увеличенные лобные долн? Все более илн менее изученные центры, управлявшне нашими чувствами, речью, двнженнямн, располагалнсь в других мозговых областях. Затем настало время, когда опытные хнрурги, борясь с некоторыми тяжелымн болезнямн мозга, научнлнсь опернровать лобные долн, не лишая пациента жизнн. Выходя из больннцы, перенесший такую операцню был куда блнже к неандертальцу, чем прежде

(ну, разумеется, с массой оговорок, ведь остальные части его мозга оставались совершенно современными). Люди без лобных долей — отныне они почти не умели сдерживать своих эмоций: если голодны, разбивали витрину магазина и хватали еду; если злились, не могли смирить звериную ярость.

Новые исследования подтвердили особую роль лобных долей для сложнейших форм человеческого поведения. Именно там, «подо лбом», оказались заложены способности современного человека к коллективности, общественной жизни.

Неандерталец жил не в одиночестве, охотился большими или малыми группами, но для сложного постоянного общения в крупном коллективе, видимо, не годился: был еще слишком зверем.

Урезанная его покатым лбом префронтальная область мозга, видимо, не имела достаточного «заряда» торможения, сознательного ограничения. Порою стихийно возникали крупные группы, стаи неандертальцев, но взрывы ярости, необузданных желаний или других форм взаимного антагонизма расшатывали, ослабляли первобытный коллектив. Вероятно, он очень часто распадался на совсем небольшие группы, по нескольку человек.

Но вот наступает кроманьонец: его лобные доли способны усмирять страсти, сплачивать этих людей в большие группы по нескольку десятков и даже сотен... Между ними возникают постоянные семейные связи, и постепенно образуется первый постоянный тип человеческого общества — род.

Сознательное подчинение, самоограничение (как ни дидактически и назидательно это звучит) — вот с чего начинается Homo sapiens. Куда было устоять неорганизованному анархическому неандертальцу против дисциплинированного противника!

Возможно, предки кроманьонцев много занимались такой охотой (облава, загон), которая требовала особенно слаженных коллективных действий, и постепенно достигли высшей стадии «общительности».

Принципиально новый уровень связи между большим числом людей сразу дал мощный результат (по

известному наполеоновскому принципу: «Два мамелюка, безусловно, превосходили трех французов; 100 мамелюков были равноценны 100 французам. 300 французов большей частью одерживали верх над 300 мамелюками, а 1000 французов уже всегда побивали 1500 мамелюков»).

Более тесное общение — значит более развитый язык.

Богатство языка — богатство мыслей, и наоборот.

Бурный рост ассоциаций, то есть сообразительности, выдумки, знаний.

Производственный процесс, охота все сложнее, но результаты все лучше.

Личность человека все ценнее: каждый — часть целого, и целое каждого охраняет. Детство кроманьонца удлиняется. Ему не нужно так рано взрослеть, как неандертальцу.

Рука, мозг «доросли» до прочного коллектива. Отныне мозгу, руке не надо меняться.

Нужны перемены — общество переменится.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, В ОБЩЕМ БОЛЕЕ ДРЕВНЯЯ, ЧЕМ ВТОРАЯ

Последний неандерталец

Неандертальцы исчезли за короткое время (может быть, не превышающее период от пирамиды Хеопса до небоскребов). Изучение французских пещер показывает, что некоторое время (видимо, несколько тысячелетий) неандертальцы и кроманьонцы

сосуществовали, но затем Homo sapiens уже главенствуют безраздельно.

Можно уверенно заявить, что среди первых кроманьонцев немало прямых предков читателей этой книги, но неизвестно, остался ли на всей планете хотя бы один прямой потомок более ранних обитателей европейских пещер.

Противоречие это может быть объяснено двояко.

Первое объяснение: кроманьонец миновал неандертальскую стадию, имеет совершенно другую родословную. Понятно, пока котировался пильтдаунский человек, допускалось, что мы все от него свой род ведем. Когда открылись древние и в то же время прогрессивные формы (сванскомб, фонтешевад и другие), в них порой видели представителей этой же исключительной ветви, идущей к «настоящему человеку» сквозь неандертальские дебри.

Второй выход: кроманьонец все же произошел от неандертальца, но не от классического, европейского, а от какой-то другой ветви.

Долгое время оба объяснения считались несовместимыми, враждебными. Сторонники первого любили противопоставлять современного человека неандертальцам. Сильным аргументом второй партии было несомненное присутствие у людей разумных некоторых неандертальских признаков. Английская газета напечатала фотографии восстановленных по черепам неандертальских лиц, снабдив древних людей современными шляпами и галстуками, после чего запросила мнение читателей о представленных джентльменах. Джентльмены кому-то показались очень знакомыми, другие отмечали, что такие типы ежедневно встречаются на улице, особенно возле пивных...

Шутка не лишена смысла: на многих черепах, современных и древних, можно наблюдать большие или меньшие «неандертальские валики» над глазами, покатые лбы и тому подобное.

Но противников неандертальца такими свидетельствами не сбить: кроманьонцы могли ведь захватить неандертальских женщин и произвести на свет потомство со смешанными чертами. Однако

в свое время эта «партия» потерпела немалый урон: пильтдаунская легенда развеялась, тщательные исследования советского антрополога Я. Я. Рогинского показали, что древний сванскомбский (как и фонтешевадский) череп ближе к неандертальцам, чем к современному человеку. Может быть, главная тропа очеловечивания и прошла когда-то через людей такого типа, как сванскомбец, но это отнюдь не значит, что неандертальская стадия осталась в стороне от нашего пути.

Когда я рассказал обо всем этом некоторым моим друзьям, они были разочарованы.

А как же «люди с Атлантиды»?

А как же «гости из космоса»?

Действительно, как же это я забыл о них всех? Ведь есть книги, где высказываются приблизительно такие теории:

1. Кроманьонец сформировался где-то в стороне от неандертальской Европы и Северной Африки, но не слишком далеко от них. Скорее всего, в краю, где не было столь страшных холодов и где более благоприятные условия позволили обогнать замерзших палеоантропов.

Лучшего места, чем материк Атлантиды, как-то соединявшийся с юго-западной Европой и северо-западной Африкой, не найти... А потом, когда кроманьонская цивилизация во Франции и Испании пришла в упадок (вероятно, в борьбе с другими пришельцами), атланты вернулись на прародину. В Атлантиде пролегла более прямая дорога прогресса, и на 10—20 тысяч лет раньше, чем в других частях планеты, атланты-кроманьонцы создали высокую культуру, технику, письменность и тому подобное, но погибли от земле- и моретрясения 12 тысяч лет назад.

2. Скачок между неандертальцем и кроманьонцем столь силен, что здесь требуются не менее сильные объяснения: марсиане (венериане) прилетели, оставили на Земле группу колонистов (вариант: «группу своих дикарей»). Пришельцев было мало, они оказались не в силах сохранять высшую технику, перешли на каменную, усовершенствовали ее и ускорили прогресс на чужой планете.

Лично я большой поклонник этих теорий и просто понять не могу, как можно было о них забыть. Но, несколько огорченный недостатком фантазии у авторов, позволю себе предложить хотя бы еще три гипотезы.

3. Атомные взрывы, произведенные пришельцами, изменили климат (ледник!) и привели к таким мутациям, что из неандертальца быстро получился кроманьонец.

4. Специально заброшенные на нашу планету мощные киберсистемы (их остатки — тектиты, гигантские шары в Южной Америке и т. п.) имели задание — вывести из неандертальца лучшую породу человека, что и сделано за сравнительно короткий срок.

5. На Земле в ледниковом периоде доживает древняя дочеловеческая разумная цивилизация (ее выродившиеся эпигоны — дельфины). Одна группа палеоантропов (рыбаки!) находит с ни-

ми общий язык и принимает историческую эстафету.

Здесь автор просит извинения, что утаивает еще 43 не менее замечательные истории...

В конце концов противоположность двух ученых групп оказалась не столь уж велика. Большинство признает, что кроманьонец не мог произойти от классического неандертальца. Почти все согласны, что предками кроманьонца могла быть какая-то группа современников классического неандертальца, и задача заключается только в том, чтобы эту группу найти.

Если 30—40 тысяч лет назад кроманьонец уже распространился по Европе, то события, которые нас интересуют, время недостающего звена — примерно 40—60 тысяч лет назад.

Надо было тщательно изучить обстановку на земном шаре, в Старом Свете, 500 веков назад.

Европа, как прародина кроманьонца, почти отпадает. Если бы действие происходило еще на 300—400 веков раньше, когда здесь обитали менее специализированные, более «человеческие» неандертальцы (Крапина, Эрингсдорф), тогда мы еще могли бы не торопиться с путешествием в экзотические края, но именно в интересующий нас период Европой как будто безраздельно владели племена шапелльцев, не слишком занимающихся, за недостатком времени, рассуждениями о собственной прогрессивности или реакционности.

Африка. Главным представителем неандертальского племени был здесь родезийский человек. Самый южный неандерталец, из бухты Салданья, к родезийцу очень близок, но оба они так сильно отличаются от европейских неандертальцев, что можно говорить не о различных расах, а о разных видах неандертальского человека (впрочем, об этом — споры). Родезиец выглядел в общем примитивнее, чем европеец: таких мощных надглазничных валиков, такого наклона лба, такого плоского черепа не встречали прежде ни у одного из неандертальцев. Родезийский человек некоторыми чертами скорее приближается

к питекантропу, хотя по объему мозга (1325 кубических сантиметров) и толщине костей он выглядел даже «лучше», чем неандертальцы Европы.

Ярко выраженные «сверхнеандертальские» черты его, соединенные с некоторыми прогрессивными особенностями, говорили о сложных, во многом еще непонятных нам путях эволюции. В одном, правда, почти нет сомнения: родезиец — это боковая, специализированная ветвь, тупик, из которого не было возврата на «кроманьонскую дорогу». Золу от древнего костра, который разжигал африканский неандерталец, подвергли радиоуглеродному анализу; получилось, что время родезийского человека — около 30 тысяч лет назад, то есть он жил примерно на 10 тысяч лет позднее появления кроманьонцев в Европе.

Пожалуй, это самый поздний неандерталец, обнаруженный на планете. В несколько более высоких, то есть поздних, слоях археологи находят в тропической Африке уже человека вполне современного типа. По-видимому, он пришел с севера.

Если Центральная и Южная Африка остается одной из главных областей для поисков первого недостающего звена (между обезьяной и обезьяночеловеком), то для звена «неандерталец — кроманьонец» она пока никак не подходит.

Нгандонгский (яванский) неандерталец очень похож на родезийца и одновременно на яванских питекантропов. В свое время Франц Вейденрейх предложил головокружительную гипотезу: от питекантропа произошел яванский неандерталец, а от последнего через несколько переходных форм — современные австралийцы. Но еще в 1949 году Я. Я. Рогинский выдвинул очень серьезные возражения против теории о столь раннем зарождении современных человеческих рас. Чрезмерная специализация яванского неандертальца также исключает его из числа возможных прекроманьонцев.

Область поисков сужизается. Задача все проще и тяжелее: найти таких неандертальцев, которые, судя по их физическому строению, могли бы развиться в кроманьонцев.

Важнее всего было бы найти тех древних людей, которые «уже не палеоантропы, но еще не современные люди».

Все пути к последнему недостающему звену вели в район Средиземноморья.

* * *

В 1929 году в Палестину, тогда английскую подмандатную территорию, прибыла объединенная англо-американская экспедиция под руководством археолога Доротеи Гаррод и антрополога Теодора Мак Коуна. Ученых привлекали бесчисленные пещеры, вкрапленные в невысокие палестинские горы. В пещерах можно было ожидать самые неожиданные памятники из прошлого библейской страны. Спустя 18 лет здесь, в кумранских пещерах, начались и ныне продолжаются величайшие археологические открытия современности, необычайно обогатившие наши познания о древнееврейской истории и культуре, а также о происхождении христианства и других событиях двадцативековой давности. Возникла целая новая наука — кумрановедение.

Гаррод и Мак Коуна интересовала, однако, история Палестины, в десятки раз более удаленная от наших дней, чем времена Ветхого Завета. Шестью годами раньше английский археолог Турвиль в Пещере разбойников близ Генисаретского озера (провинция Галилея) открыл фрагмент человеческого черепа, каменные орудия и остатки животных. Галилейский череп был вполне неандертальским, но с более сводчатым, «кроманьонским» обликом. Как всегда, в этих случаях вторая находка важнее первой, потому что говорит и за себя и за предшественницу. Гаррод и Мак Коун как раз надеялись сделать эту находку.

После нескольких интересных открытий в горах между Яффой и Иерусалимом исследователи поднялись на знаменитую по библии гору Кармел и забрались в труднодоступные пещеры Схул (Козья) и Табун (Печная). Узкие заваленные входы были постепенно расчищены, и стало ясно, что эти убежища в течение тысячелетий не пустовали. Правда, в пе-

щере Табун культурные отложения составляли гигантскую толщу — 15,5 метра (очаги, каменные орудия, разнообразные кости), а в пещере Схул — всего 2,5 культурных метра и отсутствуют потухшие очаги.

И в Табуне и в Схуле сохранилось много человеческих костей: в первой пещере вместе со скелетом 30-летней женщины (она осталась в науке под именем Табун I) нашлась челюсть взрослого мужчины (Табун II).

Население пещеры Схул было более обильным: 5 неполных и 5 полных скелетов, лежавших на разной глубине. Ученым нелегко понять, отчего в Схуле, где не было очагов и, возможно, не жили, сохранилось столько древних жителей. Мак Коун заметил, что 9 скелетов из 10 лежат скорчившись, а в руке у человека, наименованного Схул V, — нижняя челюсть кабана. Решили, что пещера использовалась как склеп, где оставляли умерших, снабжая их на дорогу оружием и едой. Однако немецкий антрополог Гизелер (тот, который исследовал «первого неандертальца») предположил, что, скорее, тут не хоронили, а съедали, потому что многих костей недостает (впрочем, возможно, похороны и поедание ближнего друг другу не противоречили: молодежь древнего племени массагетов имела, например, обычай съедать родителей. Считалось, что нет лучшего погребения, чем в желудках детей).

Главная научная ценность открытия на горе Кармел заключалась не в количестве найденных людей, а в их необыкновенных качествах.

В пещере Табун не было как будто ничего поражающего. Женщина Табун I (конечно, при жизни она имела имя, которое нам никогда не узнать) — типичная неандерталка (малорослая, всего 151 сантиметр). Однако ее современник, может быть родственник, представленный мощной неандертальской челюстью, привлекал внимание четким подбородочным выступом, то есть такой особенностью, которая, как правило, отсутствовала у неандертальцев, но присутствует у нас. Подбородочный выступ наводил на размышления, которые, как и большинство антропологи-

ческих мечтаний, были бы развеяны недостатком материалов, если бы на расстоянии 200 метров от пещеры Табун не существовала Козья пещера, Схул.

Чем бы она ни служила древним — гробницей или залом пиров, — для современной науки это великая сокровищница.

Научные имена людей Схул: Схул I, Схул II, Схул III и так далее — до Схул X. Три человека — Схул I, VIII и X — умерли детьми, в возрасте от 4 до 10 лет, пополнив значительную группу ископаемых детских скелетов: печальное свидетельство невероятно тяжелой борьбы за существование и потерь в этой борьбе. (Судя по прорезыванию зубов, неандертальские дети, возможно, созревали раньше нынешних. Краткость детства помогала скорее приспособиться к нелегкой жизни.)

Четыре человека (Схул II, V, VI, VII) прожили 30—40 лет, Схул IV — больше сорока, и только один мужчина, Схул IX, умер в возрасте 50 лет.

Средний возраст девяти людей Схул (длительность жизни человека Схул III выяснить не удалось), таким образом, не превышал 30 лет. На самом деле средний возраст древних людей еще ниже, потому что детская смертность была громадна. Длительность жизни, кроме всего прочего, была ограничена трудностью добывания еды, частыми голодовками. Еще в недавнее время некоторые племена просто оставляли беспомощных стариков (вспомним рассказ Джека Лондона «Костер») или убивали их (на Огненной Земле, по свидетельству Дарвина).

Если так было несколько десятилетий назад, то что же происходило в глубинах каменного века!

Удлинение средней человеческой жизни, хорошо заметное за последние столетия, один из самых безусловных признаков прогресса. Даже гигантские мировые бойни XX века, унесшие десятки миллионов жизней, не смогли перевесить успехов медицины и результатов улучшения жизненных условий, сохранивших миллиарды человеко-лет. В каменном веке жизнь человека была в среднем на 30—40 лет короче, чем теперь. Можно сказать, что древний человек прожи-

вал жизнь лишь наполовину. В каждом поколении были миллионы непрожитых, «убитых» жизней.

10 людей Схул жили в разные времена. Хорошо сохранившиеся скелеты Схул VII и IX лежат намного глубже, чем Схул IV и V: их разделяет, вероятно, несколько столетий. Но у каждого из десяти, без исключения, сочетается множество безусловных неандертальских признаков со многими чертами современного человека, причем именно кроманьонского человека. У всех надглазничный валик, и у всех сравнительно прямой лоб и округлый затылок. Рост почти что кроманьонский (в среднем 175 сантиметров).

У старика Схул IX, лежавшего поглубже, неандертальских признаков побольше, зато у Схул IV и V преобладают кроманьонские особенности.

Составлены большие сравнительные таблицы, где подсчитаны признаки, по каким древние обитатели горы Кармел могут считаться современными людьми, а по каким — неандертальскими. Обрадованные и потрясенные сделанными находками, Мак Коун и участвовавший в научном описании скелетов Артур Кизс сначала резко разделили обитателей двух пещер: в Табуне — неандертальцы, в Схуле — переходные формы, недостающее звено. Однако приходилось считаться и с тем, что каменные, мустьерские орудия в обеих пещерах примерно одинаковы. Кроме того, существовал «прогрессивный подбородок» у мужчины Табун II. В конце концов специалисты решили, что в двух пещерах жила одна группа, может быть, одно сообщество, где неандертальские и кроманьонские черты причудливо перемешивались.

Пришлось, однако, от этого суждения отказаться и вернуться на старые рубежи. Выяснилось, что охотничья добыча людей Схул состояла в основном из крупных быков, а у людей Табун — из мелких, более древних газелей. Археологи и зоологи настаивали, что люди Табун жили раньше; по некоторым расчетам, примерно на 10 тысяч лет раньше людей Схул, по другим — на 2500 лет...

10 тысяч лет — слишком мало для антропологов,

и до сих пор не совсем ясно — в одно время или на стовековой дистанции жили соседи на горе Кармел.

Четвертое десятилетие уж пылает дискуссия вокруг палестинских находок, и в дыму незатухающих огней рождаются и исчезают причудливые гипотезы. Цель споров — выяснить, что же происходило в пещерах горы Кармел несколько сот веков назад?

Вот как выглядит одна из самых стройных теорий-гипотез.

Жители пещеры Табун — неандертальцы, но не «классические», зашедшие в тупик, а более гибкие, неспециализированные. У женщины Табун I обнаружилось сходство с древними неандертальцами из Германии (Эрингсдорф) и Югославии (Крапина), о которых

уже говорилось. Правда, люди из Эрингсдорфа и Крапины жили 80—100 тысяч лет назад, они намного древнее людей Табун, но это обстоятельство лишь подкрепляет гипотезу: за десятки тысячелетий «немецкие» и «югославские» неандертальцы успели сильно измениться и немало попутешествовать. Может быть, уходя от ледника или проигрывая сражения шапелльским атлетам, эти группы перекочевали через Балканы на восток, в Азию, и заселили, в частности, палестинскую пещеру Табун.

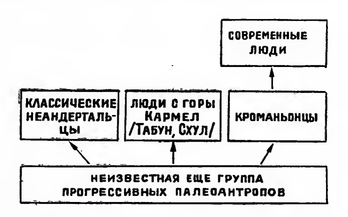
Проходит еще несколько тысяч лет. Люди Табун и им подобные становятся все больше похожи на кроманьонцев, во-первых, благодаря собственным заслугам — работе рук и мозга; во-вторых, потому, что смешиваясь с другими прогрессивными группами, они суммировали все лучшее, разумное.

Не проходит и сотни веков, а уж неандертальские черты оттесняются кроманьонскими. Люди Схул, впрочем, и не догадываются, какие интереснейшие, всемирной важности перемены в них происходят... Еще немного, и здесь, в Передней Азии, будет достигнут тот биологический уровень, дальше которого нет надобности двигаться, и непобедимые кроманьонцы начнут не торопясь вытеснять неандертальскую родню.

Очень возможно, что в действительности все примерно так и было. Однако существуют и другие мнения, во многом между собою сходные, которые выглядят (разумеется, в несколько упрощенном виде) примерно так: кармельские находки очень ценны, но с них только начинается, а не кончается кроманьонская проблема. Может быть, здесь жили неандертальцы, и откуда-то, скорее всего с востока, появились уже сложившиеся кроманьонцы. Дальнейшее понятно: «битва при Кармеле», истребление неандертальских мужчин, захват женщин, рождение гибридов.

Доказать, что в пещере Схул не гибриды, а переходные формы между кроманьонцами и неандертальцами, нелегко; для этого необходим более высокий уровень науки о наследственности, чем тот, который существует в настоящее время. Один из перво-

открывателей Схул, Теодор Мак Коун, представил вместе с Артуром Кизсом гипотезу, которая на схеме выглядит примерно так:

Неандертальцы, Шапелль и люди с горы Кармел по этой схеме только боковые ветви, родня, происходящая от той же группы, что и кроманьонцы... Понятно, у сторонников этой теории имеются свои сильные аргументы. Датировать радиоуглеродным методом людей Схул невозможно, потому что в пещере не было очага. Зато древняя зола из пещеры Табун поддавалась анализу довольно хорошо: 41 тысяча лет. Отсюда следовало, что более молодая пещера Схул лишь немного старше 30 тысяч лет.

Маловато.

Около 40 тысяч лет назад, как известно, кроманьонцы уже «оккупировали» Францию. Значит, возраст переходных форм должен быть не меньше 50—70 тысяч лет.

Но как бы ни оценивать место людей Табун и Схул в человеческой истории, их существование доказывает, что где-то поблизости от пещер, именно в Передней Азии, шло формирование человека современного типа, Homo sapiens. Находились ли обитатели горы Кармел в центре или на окраине этого процесса, в любом случае их участие в нем несомненно.

Надо сказать, что противиики теорин, будто кармельцы недостающее звеио, ие могут пока предъявнть каких-либо более убеднтельных находок из другого района. Впрочем, все возлагают надежды на будущие раскопки в Среднземноморье.

За прошедшие десятилетия искали немало. Коиечно, еще искали в Палестиие. На горе Кафзех, близ Назарета, в тридцатых годах нашли останки шести иеаидертальцев с такнми кромаиьоискнми отличнями, как высокнй свод черепа, округлый затылок и другне. По самым последиим сведениям, профессор Оклей определнл возраст кафзехцев в 70 тысяч лет. Эта дата очень хороша: ее вполие достаточио для того, чтобы нз этнх людей 30 тысяч лет спустя мог вырастн кроманьоиец!

Япоиская экспедиция, работавшая на территорни Изранля, иашла в 1963 году целого иеандертальца. Сопровождавшие его кости газели указывали иа ту же эпоху, в которой жили люди Табуи, ио кромаиьоискнй рост иайдеииого (170 саитиметров) еще раз подтверждал, что где-то тут «все пронсходнло».

Одиа нз фаитастических загадок Передней Азнн, осознаиная (но ие расшнфроваииая!) за последнне годы, — это последовательиость каменных орудпй в иекоторых первобытиых пещерах. Древиих людей Табун, Схул и других сопровождалн мустьерскне, даже раннне мустьерскне рубнла, скребла, острокоиечинки. Это было иормальио: орудия мустье обычио сопутствуют иеаидертальцу. Если копать в глубнну, можно ожндать под Мустье еще более прнмнтнвиую камеиную иидустрию — ашелльскую, шелльскую. Кромаиьоиская же культура Орниьяк по всем правнлам должиа размещаться в слоях более высоких, поздних, чем Мустье...

Но вот иаходят мощиые «мустьерские толщн» в сирийской пещере Ябруд. Правда, костей древнего человека там не открыли, но его прнсутствне в пещере было очевидио.

Учеиые пробиралнсь в глубииу сквозь 14 слоев Мустье, то есть сквозь десятки иеаидертальских тысячелетий.

А под четырнадцатью слоями лежал... Ориньяк. Каменные резцы и другие совершенные орудия, сопровождающие первых Homo sapiens.

Если бы это «нарушение археологических правил» наблюдалось только в Ябруде, можно было бы воздержаться от обобщений. Но тот же необычный Ориньяк найден и в глубине пещеры Табун и в других местах: ему никак не меньше 60 тысяч лет.

Было ли тут неандертальское завоевание, гибель зачатков великой цивилизации или нечто другое, не знаем пока.

Новые находки, расположившиеся на близких радиусах от кармельских пещер, дополняют и в то же время, как всегда бывает, усложняют, затемняют проблему.

Северо-восточная Ливия, пещера Хауа-Фтеах близ Средиземного моря. В 1947 и 1952 годах здесь открывают каменные орудия и неандертальские кости, весьма близкие к находкам в пещере Табун.

Марокко. 1962—1963 годы. Необыкновенные черепа в руднике Джебел-Ирхуд. По многим чертам эти люди сходны с классическими неандертальцами, но объем мозга, как у «прогрессистов» из Эрингсдорфа и Схула, наклон лба, как у женщины Табун I.

Люди обитали в пещере Шанидар (северо-восточный Ирак) от 50 до 64 тысяч лет назад, то есть на 10—20 тысяч лет раньше первых жителей пещеры Табун. Все семь шанидарцев — типичные неандертальцы, но со сравнительно прямым лбом и небольшими надглазничными валиками.

Тешик-Таш. Неандертальский мальчик в западных отрогах Памира, близ границы Узбекистана и Афганистана, был открыт в 1938 году, но лишь несколько лет назад крупные советские и западные антропологи пришли к окончательному выводу, что это не классический неандерталец (как думали раньше), а прогрессивный, способный к дальнейшей эволюции тип, вроде людей с горы Кармел.

Староселье. В Крымской пещере под этим названием (близ Бахчисарая) А. А. Формозов открыл в 1953 году мустьерские орудия, а также фрагменты

черепа и скелета полуторагодовалого ребенка: это был очень древний Homo sapiens, с некоторыми неандертальскими чертами.

По североафриканскому берегу Средиземного моря, через Палестину, Ирак, до отрогов Памира и Крыма — вот линия, на которой сегодня прослеживаются поздние прогрессивные неандертальцы, наши вероятные прямые предки.

Где-то здесь: между 25-м и 40-м градусами северной широты, Средиземноморье, Передняя Азия и прилегающие районы.

Большего сказать невозможно. Находок не хватает.

От первого англичанина, сванскомбского человека — через немецких и югославских «неклассических» неандертальцев — к переднеазиатским формам (Табун, Схул и другие) и далее — к современному человеку. Эта цепочка, весьма еще гипотетическая, но вполне возможная, обоими концами заходит в самые таинственные исторические дебри. Древний конец исчезает во мгле времен питекантропа, синантропа и им подобных.

Откуда появилась странная группа древних людей, еще до предпоследнего оледенения сочетавшая очень примитивные обезьяньи черты с такими особенностями, в которых угадывался кроманьонец? На каком материке, в каком древнем тысячелетии впервые проявились эти особенности и началась тоненькая, все расширяющаяся дорожка к человеку разумному?

Не знаем, не знаем, не знаем...

А ближний конец цепочки приводит нас к более чем неясному вопросу о происхождении человеческих рас.

Пещера Схул сохранила много удивительного, но одна из замечательнейших загадок — облик ее обитателей. При всех кроманьонских и неандертальских чертах, свойственных каждому из 10 людей Схул, они все же поразительно отличаются друг от друга. Два человека — Схул IV и Схул V — обнаружены в од-

ном слое и, вероятно, жили в одно время, в одном месте. Но так называемый лицевой угол черепа Схул IV равен 97 градусам, а у его партнера — 73,5!

Эти громадные расовые отличия не случайность: и другие признаки словно подобраны для демонстрации того, как сильно могут различаться люди в пределах одного неандертало-кроманьонского типа. Лицевые углы, размеры голов, формы носов у всех десяти находятся в самых причудливых сочетаниях. Между бушменом и скандинавом, японцем и арабом значительно меньше разницы, чем между людьми пещеры Схул. Одни признаки их как будто тяготеют к белой расе, но тут же рядом негроидные, монголоидные и совершенно неизвестные черты.

Какое странное «вавилонское смешение» происходило здесь! (Кстати, неподалеку от Вавилона, но за 25 тысяч лет до основания этого города.)

Видимо, в это время природа, «лепившая» нового человека, здесь еще не разделила его четко на разные расы, и в пещере Схул нам удается подсмотреть ее модели, пробы.

Все перемешано, ничего не определилось, но уже все начато — вот что происходило с людьми Схул. Может быть, той же «мягкостью глины», незавершенностью образа объясняются и причудливые сочетания разных черт у марокканских неандертальцев из Джебел-Ирхуд.

Эти примеры могут служить еще одним доказательством того, что все люди современного типа составляют один биологический вид и что расовые отличия четко определились, разграничились после, а сначала даже столь непохожие существа, как Схул IV и Схул V, встречались в одной пещере.

Здесь возникает злободневная расовая проблема.

Мы очень плохо знаем о том, почему негры черные, а у монголоидов раскосые глаза. В общем ясно, что эти особенности — приспособление к среде (черная кожа лучше подходит к тропическому солнцу; череп белого и череп негра, подвергнутые одинаковому нагреванию, накаляются по-разному: негритянский череп остается значительно прохладнее).

Однако эти черты складывались тысячелетиями, они весьма устойчивы и почти не меняются в течение таких кратких периодов, как поколение, век. (Впрочем, при резкой перемене условий зафиксированы и небольшие перемены за короткий срок: негры, переселившиеся в Северную Америку, за 100 лет несколько посветлели.)

Проще говоря, мы очень слабо представляем «механизм», время, место, условия образования рас. Во всяком случае, в те тысячелетия, когда кроманьонцы осваивали Европу и Северную Африку, расы уже существовали. Около 40 тысяч лет назад в гротах Гримальди (в Италии) обитали типичные кроманьонцы — европеоиды, но в одном из гротов нашли два негритянских скелета. Примерно 30 тысяч лет назад негры жили, видимо, и близ нынешнего Воронежа (вместе с другой, вероятно белокожей, но отличавшейся от кроманьонцев расовой группой).

Негры в приледниковых областях — близ Воронежа и в Италии — это неожиданно с точки зрения наших сегодняшних представлений, но ведь наши знания основаны на опыте всего нескольких тысячелетий, а тут величина на целый порядок большая.

К сожалению, находя древнейших людей современного типа, антропологи, как правило, имеют дело далеко не с первыми поколениями человека разумного. Обитатели пещер Ориньяк, Гримальди или древних стоянок под Воронежем нмели позадн прошлое, составлявшее 10—20, а может, н больше тысячелетий, причем именно в эти тысячелетия расы н формировались. Все, что мы знаем на сегодня об этом процессе, сводится к итогу, когда расы уже сложились, и к самому началу, когда расы еще не сформированы (Схул).

Еще несколько веков назад начался великий спор между полигенистами и моногенистами. Последние в согласии со священным писанием доказывали, что человек появился в одном месте. Полигенисты же издевались над «единичным актом творения» и были убеждены, что природа создавала человека в разное время и в разных местах. Среди полигенистов были

Джордано Бруно, Вольтер, французские энциклопедисты и многие другие выдающиеся ученые и публицисты.

Но если человек возник не в одном, а в разных центрах, следовательно, разные расы могли появиться независимо друг от друга, и нет ничего удивительного, что одни расы выше других: просто в одном центре человек появился раньше, а в другом задержался и отстал; в одном месте он приобрел определенные качества, в другом не приобрел.

Получалось так: если вы утверждаете, что человек образовался в одном месте, вы рискуете подыграть церкви. Если же вы отстаиваете независимость появления человека в разных местах, вы, может и сами того не желая, склоняетесь к расизму.

В истории остались имена нескольких антропологов XIX века (Мортон, Глиддон, Нотт и другие), снабжавших политиков и дипломатов Америки и других стран доводами и аргументами против отмены рабства. Независимые и оттого неравные ветви рода человеческого очень нравились фашистским философам, немало на эту тему писавшим.

Настоящему честному исследователю — не фальсификатору, не человеконенавистнику — приходится порой очень тяжко. Он не должен исходить из принципа «это полезно и потому правильно». Он должен вслед за Гейне повторять: «Я не согласен на пуды блаженства, если за них надо заплатить хотя бы золотником лжи». Но как быть честному антропологу, если он вдруг обнаружил доводы, которые могут использовать расисты? Как ему быть? Умолчать об этих фактах? Но ведь этика ученого... Особенно трудно приходится потому, что наука о расах еще мало разработана, потому, что мы еще многого тут не знаем. Известно, что некоторые крупные западные антропологи сознательно отошли от разработки расовой проблемы: не желают, хотя бы нечаянно, сыграть на руку расистам, боятся встретить в ходе своих исследований такие доводы, которые при нынешнем состоянии науки трудно истолковать однозначно, а куклуксклановцы, сторонники Фервурда, Яна Смита воспользуются...

Действительно, деятельность некоторых ученых, не робеющих перед расовыми проблемами, не слишком вдохновляет. Крупнейший американский генетик Р. Гейтс и несколько других специалистов занимаются, например, сравнением умственных способностей у представителей разных рас. Для этого белым, негритянским, эскимосским и другим детям задается определенное число вопросов, предлагаются тщательно разработанные тесты, составленные непредвзято, без всякого расистского умысла. Результаты опросов публикуются.

В большинстве случаев белые дети выполняют тесты лучше черных. Отсюда сразу делается вывод примерно такого свойства: «Более высокая цивилизация, более богатые навыки, знания, ситуации, с которыми встречается в течение многих столетий белый человек, в конце концов сделали его более способным. Знания и умение понемногу передались по наследству».

Группы живых существ, получающие более богатую информацию и опыт, в конце концов, вероятно, могут приобрести какие-то дополнительные наследственные качества. Но основной вопрос: сколько времени для этого требуется? Достаточно ли 10—20 веков (40—80 поколений), в течение которых европейская цивилизация обгоняла африканскую, чтобы европеец, «среднестатистический европеец», сделался бы от рождения способнее, чем «среднестатистический негр»? Ведь тысяча, две тысячи лет — это не более чем 2—5 процентов истории человека современного типа. Что мы знаем о жизни разных племен и рас за предшествующие 95—98 процентов? Перекрывают ли успехи, скажем, белой расы крупнейшие достижения древних и средневековых «цветных» цивилизаций? И наоборот. (Не забудем, что расисты попадаются в любой расе.) Может быть, успехи какого-нибудь первобытного азиатского или австралийского племени — скажем, 7—10 тысяч лет назад — более отложились в сознании и способностях потомков этого племени, чем столетия европейской культуры у ее носителей?

Ясно одно: вошедшие «в мозг и кровь» новые навыки столь трудноуловимы за короткий отрезок истории, так нивелированы смешением, взаимообменом разных цивилизаций, что об этом и говорить нечего.

Задача более чем неопределенная и не решается.

А как же тесты? Даже лучшие тесты, по наблюдениям самих же американских специалистов, дело крайне ненадежное. Негритянские дети в Нью-Йорке показывали значительно лучшие результаты, чем в глухих уголках Теннесси. Вывод: дело в социальных, а не расовых условиях. Кто определит, каково влияние бедности, тесной квартиры, семьи в том, что какой-нибудь ребенок ответил хуже другого. О тестах, проводившихся среди алеутов и эскимосов, сообща-

лось, что их вообще нельзя принимать во внимание: невозможно, например, учесть, как влияет на опрашиваемого тот простой факт, что его помещают в непривычные условия, сажают перед белым человеком, заставляют зачем-то отвечать на странные вопросы, а ответы зачем-то записывают.

Совсем необязательно (хотя и не исключается), чтобы среди ученых, занимающихся такими тестами, были расисты. Но целый ряд серьезных исследователей думает: мы бы не стали заниматься этим и публиковать такие выводы. Из них пока трудно извлечь какую-нибудь существенную пользу, зато куда легче получить изрядную долю вреда.

Молчание, уход от расовой темы, боязнь получить «нехороший» результат, конечно, нельзя приветствовать. Это отказ от борьбы за истину. Но к одной стороне таких отказов все же нельзя не отнестись с уважением: ученые задумываются. Задумываются о результатах, значении своих работ. Задумываться — это, вероятно, максимум требований, которые можно предъявить к современному ученому. Среди специалистов, создававших первую атомную бомбу, были те, кого волновал «проклятый вопрос»: не принесет ли человечеству вреда изобретение такого страшного оружия? Были и люди, полагавшие, что такие размышления только мешают работе.

У последних — своя правда, заключавшаяся в том, что бомбу делать надо: шла война с фашизмом, и еще неясно было, не выступит ли с подобным же оружием Адольф Гитлер. И все-таки высшая правда — за теми, кто беспокоился и переживал. Только «беспокойные люди» приобретают драгоценное свойство — находить максимум правильных ответов.

Очень легко прикрыться формулой: «ученый не может отвечать за результаты своих открытий». Если вслед за этой формулой прекращается размышление, можно сказать, что именно так расцветает ученое самодовольство.

Действительно, мирная химическая реакция может быть использована для изготовления жутких ядовитых газов, а грозная ядерная энергия — содействовать мирному производству.

Действительно, такое великое изобретение, как типографский станок, принесло людям вместе с громадной пользой такое массовое производство лжи, что ущерб, возможно, не уступит атомным разрушениям.

Действительно, от самого ученого не много зависит.

Но именно поэтому он должен больше задумываться. Задумываться, чтобы оставаться Homo sapiens, человеком, чтобы хоть то немногое, что от него зависит, было использовано полностью; чтобы он не стал бессловесным механизмом, производящим открытия.

Тот, кто задумывается и делает, пусть то же самое, что другой делает не задумываясь, все же решительно отличается от этого «другого». Задумывающийся готов к неожиданностям.

Он не сможет всего сделать, но сможет сделать больше, чем полагают сторонники легких мыслей и тяжелых работ...

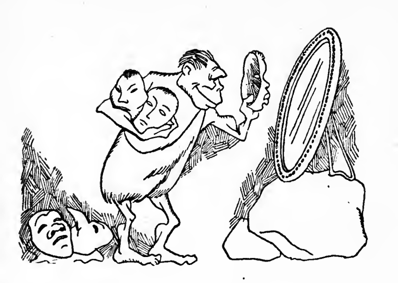
Снова возвращаемся к расовым проблемам.

Слишком много доводов против расизма, чтобы бояться внезапных выводов науки.

Расизм стал уже не тот: откровенный, грубый, как у гитлеровцев, почти исчез из книг и теорий (Фервурд, Ян Смит, губернатор Уоллес не в счет, да они, кстати, практики, и теориями им увлекаться некогда). Тысячи примеров блестящих успехов людей разных рас достаточно известны. Не менее популярны и примеры того, как отсталые прежде народы делали исторические рывки: отсталая Греция, превзошедшая передовой Египет, или бедуины Аравии, создавшие высочайшую культуру.

Но главный научный довод против расизма заключается в том, что все современное человечество, без сомнения,— один вид. По-видимому, тот самый вид, который сформировался в Средиземноморье и Передней Азии несколько десятков тысяч лет назад.

В свое время крупнейший антрополог Франц Вей-

денрейх предполагал, что расы появились еще на стадии обезьянолюдей: от синантропов — монголоиды, от питекантропа и яванского неандертальца — австралийцы, от людей Схул и Табун — белые.

Эта теория не подтверждается.

Правда, мы почти не можем ответить на вопрос, не появились ли хотя бы некоторые расовые признаки современного человека еще на неандертальской стадии.

Таким образом, старый спор между моногенистами и полигенистами решается сегодня скорее в пользу одного центра, из которого развился человек современного типа. Под одним центром имеется в виду, конечно, не точка или кружок на карте, а обширный район в несколько миллионов квадратных километров.

Справедливости ради надо сказать, что полигенисты не сложили оружия, их взгляды нельзя считать окончательно отвергнутыми. Они ищут и все время находят доводы в пользу своей теории.

Еще несколько десятилетий назад вопрос о том, составляют ли один биологический вид белые, негры,

готтентоты и другие расы, считался неясным. Теперь найдено много доказательств, это подтверждающих. Кроме свидетельств из палестинских пещер, надо помнить о том, какое устойчивое «перспективное» потомство получается при смешении человеческих рас (в то время как у разных животных видов потомство хотя и возможно, но, как правило, неустойчиво и бесперспективно).

Одним из самых блестящих и убедительных доказательств была опубликованная еще в 1927 году работа французского анатома и антрополога Анри Валлуа. (Хотя, защищая единство человеческого вида, Валлуа вполне допускал, что разные расы сложились в разных местах и австралийцы, например, могли произойти от своих питекантропов, а белые — от своих...) Ученый выделил у человека две группы признаков: первая группа, например цвет кожи, форма глаз, может быть объяснена приспособлением большого числа людей к определенной среде, другие же признаки трудно или невозможно объяснить приспособлением.

Оказалось, что как раз по второй группе признаков все расы одинаковы: у всех, например, одно и то же число грудных, поясничных и крестцовых позвонков. Трудно сторонникам теории — «разные расы — разные виды» — объяснить, почему у всех людей одинаковое строение борозд мозга, одинаковое число долей легкого и печени. Зато, предположив, что все расы — один вид, мы сможем все легко понять. К тому же особенности разных человеческих рас у человекообразных обезьян отсутствуют, то есть от них не унаследованы.

Даже максимально отличающиеся друг от друга современные люди все же куда более сходны, чем разные виды обезьян, чем различные ветви неандертальцев и даже, как уже отмечалось, разные обитатели пещеры Схул.

Доводы, доказательства, наука... А расовые предрассудки живы и крепки.

И самый распространенный их вид — скрытый, мягкий, стыдливый.

Те нлн нные расовые предрассудкн нмеются у многих мнлых, честных, добродетельных людей любой расы, даже у тех, кто полагает, что чужд расизму.

Сколько хороших людей дрогнет, спасует перед однна из шестн вопросов, которые им следовало бы задать:

1. Известны лн вам доказательства того, что люди всех рас — белые, негры, монголоиды и другие — прннадлежат к одному биологическому внду, пронсходят от однна предков н не отлнчаются друг от друга более, чем (нзвнняемся за сравнение) рыжне, черные, серые, снбнрскне коты?.. Еслн же вы этого не знаете, еслн вы сомневаетесь в этом, то почему вы не стремитесь узнать, понять? Поннмаете лн вы, что о равенстве рас говорят не потому, что это хорошо, а потому, что онн равны на самом деле?

2. Понимаете лн вы, что с большой долей вероятности в вашнх жнлах течет кровь нескольких рас, потому что перемещение н смешенне племен с древнейшнх времен было сложным н прнчудливым, да и вообще предкн у всех общие. Еслн так, не кажется ли вам, что раснзм есть неуваженне к своим собственным предкам и, стало быть, к самому себе?

3. Хватнт ли у вас (внутренне, перед собою) того чувства абсолютного равенства н уважения к людям другой кожи, которое, как рассказывают, позволнло Эйнштейну достойно проучить одну амернканскую даму?

— Господнн Эйнштейн, как бы вы реагнровалн на желанне вашей дочерн выйтн замуж за негра?

— Я сказал бы — приведн мужа, чтобы познакомиться. Но я бы ннкогда не разрешнл моему сыну жениться на вас.

4. Понимаете лн вы, что разлнчие, существующее между расамн, значит не больше, чем разлнчия между нацнямн, между отдельными людьми: разница, а не преимущество, тот тнпичный случай, когда абсолютно невозможно сказать: «Этот лучше, а этот хуже»?

Онн разлнчаются по некоторым второстепенным прнзнакам, н все тут.

5. Понимаете ли вы, что разница в обычаях, обрядах, большая отсталость некоторых племен и народов — временное историческое явление, что всего несколько сот, от силы тысяч, лет назад все человечество было на примерно одинаковом уровне?

6. Если вы все поняли уже, но испытываете некоторое напряжение, сами стесняетесь неловкости, стихийно возникающей у вас при контактах с людьми другой кожи (лучше об этом прямо сказать, чем утаить), то не известно ли вам, что это — характерное проявление чувства непривычного, принципиально не отличающегося от того, что с вами происходит в чужом доме, в чужом городе (отчего, надеюсь, вы не станете утверждать, что чужой дом и чужой город вообще плохи)? Что это чувство естественно заменяется чувством привычки, как это бывает у всех разумных людей, подолгу живущих среди чужих? Что, если другая группа людей вызывает у вас какие-то отрицательные эмоции, — самое ужасное, что можно сделать, это сделать отсюда большие выводы и начать культивировать свои чувства?

Расовые предрассудки — очень стойкая, заразная, но излечимая болезнь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, САМАЯ ДЛИННАЯ И, БЕЗУСЛОВНО, ПОСЛЕДНЯЯ

Бесконечный этюд

В 1895 году — очень важная дата — человечество обогатилось сразу двумя искусствами: кинематографом (изобрел француз Люмьер) и пещерной живописью, которую вовсе не изобретал испанец Саутуола. В последнее обстоятельство двадцать лет никто не верил, и, собственно, оставалось неяс-

ным только одно: неужели для обмана и мистификации нельзя было придумать что-нибудь более остроумное, нежели расписывать сотнями многоцветных изображений оленей и бизонов стены и потолок темной, громадной, недоступной испанской пещеры Альтамира? Но в 1895 году француз Ривьер открывает вторую пещеру с рисунками (Ла Мут), чем заставляет поверить в первую. А стоило поверить, и дело пошло: к началу нового столетия поверили в кинематограф, поверили в пещеры. В те самые годы, когда снимались первые фильмы, появились и первые пещерные музеи. К 1914 году открылось 20 больших пещер в Испании и столько же во Франции. Древние пещеры, стены которых были покрыты изумительными фресками. Число новых рисунков было нисколько не меньше числа новых фильмов.

Молодые искусства процветали, одному было столько же месяцев, сколько другому веков.

Появились, наконец, настоящие подделки: гравюры на кости, ловко подкинутые одним рабочим в немецкой пещере Кессельлох (где были и подлинные творения древних мастеров).

Подделываются только под знаменитостей.

Древнейшее искусство показалось из-под занавеса, который уже почти опустился над XIX столетием. Одряхлевшему веку это не очень понравилось, и его можно вполне понять: старик исповедовал разум, систему и верил в прогресс. Он очень гордился своей наукой (пар, телеграф, электричество).

Он хорошо знал, что французская живопись и немецкая музыка — это высокое достижение человеческого духа.

Открытия Чарлза Дарвина в конце концов тоже доказывали, что с прогрессом все обстоит благополучно: «Если человек от бога, то как низко он пал, а если от обезьяны, то как высоко он поднялся».

Но XX век начал «подсвистывать» старику еще из колыбели.

Юный студент Цюрихского института Альберт Эйнштейн, поздравляя близких «с новым веком», и не подозревал, что через 5 лет не просто перевернет ста-

рую науку, но и заставит человечество вообще размышлять над относительностью многого совершенно определенного и абсолютного.

И старое искусство было внезапно атаковано с нескольких сторон: ему угрожают импрессионизм, футуризм и даже пещерная живопись самим фактом своего существования.

С точки зрения какого-нибудь 1850 года первобытный дикарь, конечно, не мог иметь искусства, которое было бы не хуже, чем у его образованных потомков.

Если дикарь видит ночью и в тумане, пробегает без передышки 25 лье или за пять верст чувствует тигра, если он первобытно дик, но благороден, — это нормально: еще от Руссо шли легенды о зем-

ном рае, не испорченном цивилизацией, где-нибудь в Экваториальной Африке или на Маркизских островах. Все это культурными людьми признавалось, хотя немножко свысока.

Но искусство?

Лишь грекам, великим грекам, да мастерам Возрождения позволялось творить не хуже и даже лучше, чем в XIX. Но шедевры дикарей, живших в темных, глубоких пещерах у края древнего ледника, дикарей, не ведавших ни домов, ни домашних растений и животных, ни письма, людей, удаленных не на 20 веков (Греция), не на 50 (Египет), а на 400?

«Если нет бога, какой же я капитан!» — воскликнул один из героев Достоевского.

Если дикарь рисует не хуже Делакруа, то какой же прогресс?

И в самом деле, если 40 тысяч лет назад высокое творение человеческого духа было не хуже, чем 40 тысяч лет спустя, — это говорит о чем-то очень важном, только не понять сразу о чем.

Старые века — отличная трибуна для обозрения нашей современной цивилизации. Изучая историю, мы как бы расчищаем себе места на этих трибунах. Места для наблюдения за XX веком нашей эры.

Места бывают разные.

С близких рядов (XIX, XVIII века) видно хорошо, но нешироко. С более дальних—панорама просторнее, хотя детали мельче, иных подробностей уж не разглядишь.

Но лучшие места где-то там, рядом с тысячепрадедушками и бабушками. Оттуда открываются любопытные пейзажи протяженностью в 300—400—420 веков. Они загромождены грудами предметов: каменные наконечники, бронзовые топоры, железные плуги, паровозы, телевизоры, синхрофазотроны, искусственные спутники: чем дальше, тем предметы лучше.

Но вот другой четырехсотвековый ряд:

Пещерные росписи в Альтамире, Ляско, Фон-де-Гом.

Наскальная живопись Средиземноморья и Африки.

Голова египетской царицы Нефертити.
Фигуры Фидия.
Римские скульптурные портреты.
Новгородские фрески Феофана Грека.
Сикстинская мадонна.
«Лондонский туман» Моне.
Гималайские пейзажи Николая Рериха.

Что лучше? Да ничего не лучше. Все очень хорошо, и одно вполне достойно другого.

400 веков — можно ли вообразить, что это такое?

400 веков назад начиналась великая пещерная живопись.

А на 400 веков вперед?

420 век нашей эры.

Мы видим...

Честное слово, ничего не видим.

Наше убогое воображение рождает только фантастические (с нашей точки зрения) космические перелеты, десанты на звездах, всяческие кнопки («нажал на кнопку, и...»). Пожалуй, предел технической фантазии сегодня — это вполне здоровая мысль, что их, наших тысячеправнуков, не поймешь.

Слишком молоды.

А вот с искусством — другое дело!

Сколько гениальных шедевров ни сотворят с XX по 440 век нашей эры (а сотворят, ох, сколько сотворят!), сколько новых искусств ни родится (а ведь родятся!) и как ни расцветут старые (расцветут!), но все это будет не лучше (хоть, конечно, и не хуже), чем пещера Альтамира, Сикстинская мадонна и рериховские «Гималаи».

Приятно, что в чем-то наше время никогда не уступит «тысячеправнукам».

В техническом музее будущего нас ожидают признание и снисходительность. Конечно, без колеса, плуга, атомного котла не было бы техники 42967 года. Но не пользоваться же старьем из благодарности?

Зато перед феноменами старого искусства полное равенство тысячелетий.

Искусство легко и просто разрешает человеку

«хлебнуть вечности»: какой угодно вечности — левой или правой (по оси координат), то есть прошедшей или грядущей.

Поскольку более 80 процентов всех впечатлений поставляет зрение и лишь около 20 — прочие чувства, то понятно, отчего лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, понюхать или пощупать. Именно поэтому, а также из естественного для каждого смертного желания «хлебнуть вечности» я оказываюсь однажды в самолете, который летит в Среднюю Азию.

Там я должен соединиться с группой археологов, которые отправляются изучать древнейшую живопись. Старейшие египетские пирамиды расположились примерно посредине тех тысячелетий, которые между нами и этой живописью.

ИЛ-18, подпрыгнув во Внукове и скользнув по гигантской дуге, коснулся земли в Ташкенте.

За пять часов полета наиболее заметным предметом там, внизу, оказалось Аральское море. Все прочее было мелко и эпизодично.

Понятно, меня, как и многих других пассажиров, для начала занимали тривиальные мысли.

Летим над древним путем скифов, половцев, татар... Ревущие моторы заглатывают бензин и время: в пяти часах нашего полета сконцентрированы месяцы и годы, долгие переходы древних всадников, ночные костры, набеги, протяжные песни, человеческие жизни, истории целых племен, которым не хватало столетий, чтобы достичь конца бесконечной степи.

Пять часов полета.

Ну и, разумеется, расчеты: 20 километров — примерно столько мог, может и сможет пробегать хорошо тренированный человек за один час. Такова же (разве чуть больше) предельная скорость всадника.

Оказывается, не больше 20 километров в час проходили и античные корабли.

20 километров в час — некая предельная норма первобытного, древнего и средневекового человека.

Поезд — в 4—5 раз быстрее. Удовлетворенно со-

образив, что я разрезаю воздух почти в 40 раз скорее древних (а космический корабль в 14 тысяч раз!), наполняюсь весьма характерной (вероятно, для всех эпох) гордостью обогнавшего.

Короткие рейсы обычно не дают человеку перейти к новым размышлениям, и он выходит из машины, все еще заряженный и даже перезаряженный той самой гордостью.

Но на нашей более длинной дистанции мы успели все же сообразить и еще нечто!

Путь на земле всегда один и тот же.

Километр, тысяча, 10 тысяч километров равны друг другу во всякие эры.

$S = vt$, путь равен скорости, помноженной на время.

Отчего мы торопимся? Почему так велика скорость?

Потому что времени не хватает!

У тех же пещерных художников или кочевников скорости были малы. Зато времени сколько угодно.

Ведь от питекантропа до синантропа протекло столько же времени, сколько от синантропа до нас с вами.

99,5 процента человеческой истории прошло в нескончаемых странствиях первобытных людей по планете.

Конечно, они не торопились.

Но даже если предположить, что они шли фантастически медленно: километр в год, пусть даже километр в десятилетие... Ну что ж. Земной круг — 40 тысяч километров, теоретически его можно, совсем не торопясь, обойти за 40, 100, ну 400 тысяч лет. А ведь от первых обезьянолюдей прошло больше миллиона лет.

Неторопливость, помноженная на годы, давала неплохие результаты.

Земля осваивалась и протаптывалась.

Придя к выводу, что не нужно думать о передвижениях первобытного человека слишком односторонне, мы выходим на ташкентском аэродроме, обрамленном светящимися, жаркими горами.

А вскоре новый самолет несет на юг, слегка покачиваясь и ныряя над долинами, отделяющими один хребет от другого.

Под нами центр Старого Света — центр Азии, самое сухопутное место на земле. (Логический антипод этого края — в лишенной островов южной части Тихого океана, где вода на тысячи миль удалена от всякой суши.)

Здесь родина древнейшего земледелия (дикая пшеница и до сей поры встречается в Афганских горах — чуть южнее по курсу полета).

Хребты, уходя на восток, приподнимаются, разбегаясь и соединяясь в Памир и Гиндукуш, Тянь-Шань и Гималаи. Самолет едва не задевает последние,

клыкастые и снеговые хребты и резко идет на снижение.

Аэродром. Неподалеку железная дорога, полосатый столб: станция Термез. От Москвы 4686 километров.

Когда умер один святой, то плот, на который положили его тело, разумеется, поплыл вверх по течению Аму-Дарьи. Но однажды плот остановился, и мертвый заявил, что дальше плыть не может, так как в этом месте проживает святой, который святее, чем он. Речь шла о мудреце Али-Хакиме, который, видно, тоже любил поговорить после смерти: когда начался плач над его телом, он будто бы поднял голову и объявил: «Трык быз!» («Мы живы!»)

Из «Трык быз» со временем получился «Термез». Есть и другие предания об этом названии, и в каждом причудливая история края.

Вообще-то основал город Александр Македонский и, будучи человеком прямым и бесхитростным, назвал его Александрией, как и десятки прочих. Затем в честь греко-бактрийского царя Деметрия Александрия стала Дармамитрой, из Дармамитры затем получился Дарент, и где-то чуть позже Термез.

Однако легенда, восходящая к Кушанскому царству (Индия, начало нашей эры), объясняет, что этот город получил имя «Та-ла-ми», что означало «по ту сторону реки» (очевидно, город долго не сдавался завоевателям), а от «Та-ла-ми» до «Термеза» совсем недалеко.

В одном названии смешались легенды местные, греческие, кушанские, индийские; а если добавить еще арабов, персов, Чингисхана, Тимура, то мы получили некоторое представление о пестрой, многослойной истории края, «что в семи днях караванного пути от Бухары на юг и восток...».

Если представить время чем-то овеществленным, то, пожалуй, горы и долины Тохаристана — у Сурхана и верхней Аму-Дарьи — переполнены, буквально дыбятся от времени.

Совсем недавно, после дождей, забуксовала машина и вывернула колесом великолепную базу античной колонны.

Близ Денау — столицы здешних субтропиков — было заболоченное место. Вдруг оно само собой разболотилось, и обнажились остатки кушанского города. Ему почти 2 тысячи лет. Сейчас начались раскопки.

В фундаменте старинного дома нашли замурованное «на счастье» изваяние Будды.

После удара крестьянского кетменя из земли выскочил полный комплект старинных шахмат.

Века перемешиваются, стили сплетаются. Захватив легкую доску — переносной мост через бесконечную сеть арыков, — можно подойти вплотную к пыльно-бурой башне V века. В музее статуэтки, изображения, сочетающие индийскую извилистость с античной стройностью. Всего в нескольких часах езды отсюда, у Шахрисябса, родины Тимура, возвышаются исполинские пилоны недостроенного дворца, которым свирепый император хотел поразить вселенную. А рядом, в деревнях, и сейчас встречаются «нездешние» лица: прямые потомки мастеров, насильно вывезенных Тимуром из Индии. На чудесных кушанских фресках, открытых несколько лет назад археологом Л. И. Альбаумом, изображены люди, спокойные, расслабленные; в руках чаши, опахала, на лицах блаженство: их, верно, обвевает ветерок, доносящий ласковое бульканье арыка.

Но что такое греки, кушаны, Тимур по сравнению с первобытными тысячелетиями?

Тут в горах, совсем неподалеку, всемирно знаменитая пещера Тешик-Таш, поселение древнейшего человека. Рядом открытая еще до войны Мачайская пещера со множеством каменных орудий (большая часть пещеры завалена громадной каменной глыбой, за которой, без всякого сомнения, таятся ненайденные находки).

Ребята с учителями ходят в горы, ищут, собирают рассказы, легенды о пещерах-дворцах, пещерах с мраморными стенами, о пещерах, куда могут войти сотни овец, о загадочной «верблюжьей пещере».

Мы же мечтали увидеть самую древнюю живопись этого края. Она была открыта еще до войны благодаря усилиям прежнего директора музея, ныне пенсионера, Гавриила Васильевича Парфенова. Об этой находке хорошую книжку «Зараут-сай» написала 15 лет назад художница А. Рогинская, которая копировала древние рисунки. Однако после войны почти никто из исследователей не изучал интереснейшие рисунки, во многом они оставались необъясненными, нерасшифрованными.

Специалисты хотели посмотреть и подумать. Для этого мы и отправлялись в горы. (Мы — это археологи Александр Александрович Формозов, Тамара Георгиевна Салихова, Гулям Дадабашев и при них автор этой книги.)

В изделиях старинных мастеров, будь то изумительная сагана (гробница) Али-Хакима или сложный орнамент, покрывающий стену, доску, глиняный сосуд, если хорошенько искать, найдется недоделка: там не хватает завитка, тут на 999 повторяющихся узоров один как бы недорисованный. Старые мастера это делали нарочно: не бывает законченного труда на этом свете, и тот, кто дорисовал все узоры, уже не ищет продолжения работы и объявляет смерти, что ему нечего делать на земле.

Мастера хитрят и уходят из мира, не закончив работы, но тем, кто смотрит на нее, объявляют: «Мы еще не завершили своих дел. Мы живы. Трык быз!»

С чем только первобытный человек не встречался!

Кости питекантропа Евгений Дюбуа нашел среди вулканического пепла и пемзы. Последнее, что видел этот питекантроп в своей жизни, оборвавшейся сотни тысяч лет назад, была, вероятно, страшная картина извергающегося вулкана.

На глазах неандертальца поднялся Кавказ, а однажды он увидел, как море с чудовищным грохотом и шумом отрезало у Европы огромный кусок суши — Англию.

Краски мира менялись на глазах; краски ледника,

густые цвета третичных тропиков. На всей планете еще продолжалась тишина миллионов столетий.

Странный вопрос — был ли красив мир миллион, сто тысяч, пятьдесят тысяч лет назад, во времена, когда не создавалось поэм, скульптур и симфоний?

Красив — для нас, которые едва ли смогут его представить? Или для предков? Но что он мог понять, первобытный человек... Он принимается рисовать, вырезывать, лепить примерно 40 тысяч лет назад. А миллион более ранних лет?

Считалось, что никакой искусственной красоты в ту пору не было. Правда, во французских пещерах, занятых не-

андертальцами, нашли нанесенные на стены пятна краски и кучки камней, разложенных в какой-то системе, симметрично*. Почему-то это доставляло обитателям пещер смутное удовольствие — пятна краски, группировка камней. «Смутное удовольствие» — в этих словах и ответ и задача.

А было ли оно прежде, смутное удовольствие, у первых обезьянолюдей и у животных? Очень уж мы боимся иногда сопоставлять сложные человеческие духовные процессы и животные, а если сопоставляем, то уж слишком извиняемся.

С тех пор как было объявлено, что человек произошел «не от бога», наука усиленно подчеркивала разницу «царя природы» и бессловесных тварей, разницу лапы и руки, животного сознания и человеческого мышления.

Разница громадная, качественная — все это тысячу раз говорилось, все это правильно, но в беспрерывном подчеркивании «как высоко мы поднялись» есть нечто от той боязни животного предка, которая так хорошо известна по «обезьяньим процессам» (неужели мы все-таки от обезьян?).

Искусство человека и «искусство» животных.

Дарвин изучал пение птиц (известно, что германские любители чижей знают девятнадцать оттенков их «колоратуры», которые меняются из года в год), наблюдал, как животные (птицы и крысы) украшают гнезда, норы, тащат блестящие вещи, крылья насекомых, яркие листья. Известен интерес животных к различным краскам. Все это внешне похоже на какие-то начатки искусства.

Дарвин не решает вопроса, а только спрашивает себя и других: есть ли какая-либо преемственность между этим звериным украшательством и человеческим искусством?

Мы понимаем, что главные причины происхождения искусства не животные, а человеческие, общественные. Но от дарвиновой задачи не отмахнуться.

---

* Недавно в слоях Мустье найдены более яркие свидетельства неандертальского искусства — заточенные стержни для краски, «первые карандаши».

Какова физиологическая основа искусства? Какие процессы происходят в мозгу, в организме человека, наслаждающегося искусством или совершенно равнодушного, человека, исполняющего чужие произведения или творящего собственные? Несомненно, что эти процессы, во-первых, необыкновенно сложны, а во-вторых, почти совсем не изучены. Мы знаем только, что «мороз продирает по коже», когда слышишь чудесную музыку. Еще знаем, что музыка оказывает странное действие на многих животных (кобры!) и даже, как выяснилось недавно, растения растут лучше или хуже под воздействием определенных мелодий. Кроме физиологии звуков, очевидно, существует физиология цветов, запахов.

Обезьянолюди были, конечно, много сложнее и умнее любых обезьян. А ведь даже обезьяны активно воспринимают определенные краски, звуки.

Но как это все мало изучено, как мало опытов, мало наблюдений!

Может быть, их мало из-за того самого презрительного: «Ну какое это имеет отношение к великому человеческому искусству?»

Идет время. Человек, самолюбиво защищая свое право на первое место в животном мире, сейчас, в середине XX века, пожалуй, больше интересуется не своими отличиями, а сходством с животными. Даже то, в чем мы схожи с собаками, крысами, комарами, оказывается невероятно сложным и еще во многом непонятным.

Конечно, и сходство и различия царя природы и рядовых подданных — в общем одна проблема, но именно сейчас, когда задача находится под обстрелом ультрасовременных наук (кибернетики, бионики, биофизики), именно сейчас мы начинаем, пожалуй, с бо́льшим уважением относиться к обезьяне и комару.

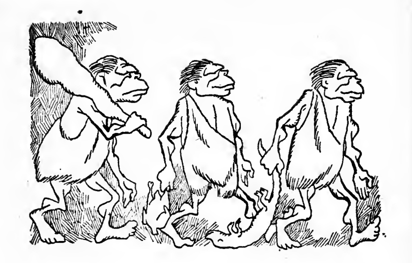
Теперь признаемся, что очень мало знаем о змее, качающейся в такт мелодии, о быке, бросающемся на красное, о сороке, ворующей блестящие металлические опилки для украшения гнезда.

Легко быть пророком, предсказывая великие и даже величайшие открытия в этой области!

Обезьянолюди, еще не рисовавшие и не лепившие, были, очевидно, неравнодушны к определенным видениям, краскам и звукам. Этнографы собрали много фактов об искусстве первобытных народов. Конечно, ни одно самое отсталое племя на земле не живет теперь на уровне первых художников и тем более их «безыскусных» предков. Но наблюдения, проделанные в Австралии, Океании, Огненной Земле, среди бушменов, эскимосов, показали, что в искусстве этих народов громадную роль играют ритм, симметрия: симметрия в рисунках, ритм и в музыке, и в танце, и в ожерелье, где правильно чередуются большие и маленькие зубы зверя. Наверное, сотни тысяч лет назад у обезьянолюдей уже была (унаследованная из животного прошлого) тяга к ритму, симметрии. Потом они сумели перейти от пассивного наслаждения «приятными ритмами» к активному, то есть к творчеству. Сначала обезьянолюди брали от мира все как есть: палки, травы, звуки, краски. И вот величайшее событие: заострили палку, оббили гальку, создали первое орудие, потом более сложное — каменное ручное рубило, с которым не хотели расставаться в течение тысячи веков.

Давно замечено археологами, что рубила, каменные треугольники, которые когда-то сжимала рука питекантропа и неандертальца, имеют довольно правильные, симметричные формы. Доказано, что эта симметрия отнюдь не диктовалась «производственными нуждами». Просто у него была потребность, у нашего шерстистого прадедушки, обточить свое орудие симметрично. Тут производственные нужды сливаются с какими-то другими: вся техника, наука, искусство объединялись тогда в одном каменном ручном рубиле. Конфликт физиков и лириков был, пожалуй, невозможен: вся физика и вся лирика заключалась опять же в одном ручном рубиле.

В эпоху Мустье, при неандертальцах, начинается медленное разделение техники и искусства, пока, примерно 400 веков назад, не происходит великий взрыв, переворот: появляется замечательная пещерная живопись и гравюра на кости — явления, конечно, не ме-

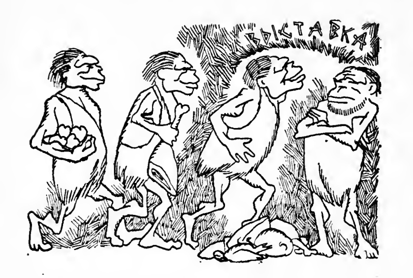

нее сложные, чем живопись древних египтян, Андрея Рублева, Рафаэля, Сезанна.

Вот обо всем этом: о красоте первобытного мира, о звуках, красках и запахах земли 100 тысяч, миллион лет назад, о необыкновенной тайне творчества, — мы говорили и размышляли во время долгих странствий по горным дорогам.

Мы у цели. Несколько километров идем по зеленой траве, пересеченной полосами из тысяч красных тюльпанов. Вершины дальних хребтов уж розовеют, под розовой полосой — коричневая, еще ниже — темная; небо бледное, почти подмосковное (только днем оно станет совершенно синим). Примерно через час мы проникаем в узкое ущелье, где шумит, бормочет и, спотыкаясь о камни, стремительно сбегает вниз Зараут-сай. Ширина его один шаг. А справа и слева вздымаются отвесные стены ущелья, по сравнению с которыми поток представляется совсем ничтожным.

А ведь все это громадное ущелье он и вырыл, маленький ручеек, каким был и миллион веков назад. С виду он торопится, бежит, а скалы и горы незыблемы. На самом же деле он никуда не торопится, а го-

рам не устоять. Он начал много раньше, чем появился первый человек. Когда-то, миллионы лет назад, он тек где-то на уровне вершин, потом все уминал, углублял, размывал ущелье, буравил, обходил твердые места, вгрызался в мягкие, и вот сегодня его обступили высокие скалы, удивленно разглядывая создавшего их карлика. Еще через 10, 20, 40 миллионов лет долина, наверное, углубится, горы станут много выше, круче.

Упасть и разбиться с 5 тысяч или 200 метров — это как-то даже благородно, трагично, все-таки была опасность, была высота... Но грот — в 10—12 метрах над дном ущелья. Разбиться с 10 метров как-то нелепо, почти смешно, а между тем разбиться очень даже просто: стены гладкие, внизу река и острые камни.

Наш проводник пастух Норбек взлетает наверх быстро и легко, как серна. Он даже не понимает, как можно в горах медленно ходить. Мы же ползем осторожно и неуклюже. Ноги наши вступают в явное противоречие с руками: руки — вверх, а ноги — вниз; наконец с помощью Норбека делаем последние уси-

лия и ныряем в грот, отбрасывая предательскую мысль: «Как слезать будем?»

Мы видим желтовато-бурые изгибы стен и потолка: первобытный камень, первый холст первых художников. По стенам и потолку везде красные фигуры, словно разом высыпавшие при нашем приближении.

Большая часть рисунков, в том числе самые интересные, в полумраке утренних теней и слегка прикрыта теплым, мягким чехлом из пыли.

Потом мы смотрим вниз. Шум Зараут-сая не ослабляет, а как-то усиливает великую тишину. Вся природа выглядит как древний этюд, нарочно не законченный мастером, чтобы работа никогда не кончалась. Мастер ворчит и тихо перебирает камни...

Пещеры и скалы Земли покрыты сотнями тысяч рисунков. Сейчас мы только начинаем видеть первобытную планету, разрисованную древнейшими художниками: несколько десятков знаменитых пещер с рисунками во Франции и Испании. Сотни разрисованных скал в Скандинавии, Карелии. Недавно открыты скалы с цветными изображениями на Памирском высокогорье. Сотни тысяч изображений в горах Закавказья. Тысячи рисунков на крутых береговых скалах Лены, Енисея, Ангары, Амура.

Африканский воздух, видно, благоприятен для всяческой живности, в том числе и нарисованной... В мертвой Сахаре фрески Тассили, скалы Ахагарра.

Тысячи пещерных рисунков в Эфиопии.

На юго-западе Черного континента — в одном из пустыннейших мест земли, на горе Брандберг — знаменитое и таинственное изображение «белой дамы», за которой следует угрюмый черный скелет, дамы, появление которой один из лучших знатоков первобытной живописи, А. Брейль, объяснял влиянием далекой древнекритской культуры.

Земля — вся в целом — оказывается громадной, великолепной картинной галереей... Но самое смешное, что многие весьма ученые мужи еще не знают

или не хотят знать об открытии галереи; все та же старинная идея: «Куда им, древним, диким, до нас!»

При этом случаются эпизоды грустные и веселые.

Веселый эпизод: группа студентов отправилась на Енисей, где нашла и зарисовала несколько новых наскальных изображений.

Изображения любопытные, хотя похожие на сотни других так называемых сибирских писаниц. Однако несколько солидных искусствоведов с высокими учеными степенями приветствовали студентов как «великих первооткрывателей», сделавших «второй шаг» после открытия пещерной живописи во Франции и Испании. Ей-богу, они не подозревали, эти профессора-искусствоведы, как много рисунков оставили древние.

Бывает хуже: известна докторская диссертация (успешно защищенная), в центре которой было опровержение рисунков: «не было рисунков, и все».

Такой великолепной живописи, как в пещерах Франции и Испании, мало во всем мире. Почему же на территории остальной планеты подобных шедевров нет или почти нет?

Конечно, во Франции и Испании жили художественно одаренные племена. Но много ли мы знаем о своих пещерах?

Биолог Рюмин несколько лет назад нашел в Каповой пещере громадные изображения лошадей, носорогов, по стилю близкие к первобытной живописи Франции и Испании. Никто не ожидал такого на Урале. Правда, Рюмин увлекся: ему уже грезились громадные рисунки в натеках Каповой пещеры, а в выступах уральских утесов и скал — колоссальные изображения верблюдов и других животных. К сожалению, он поторопился разослать статьи, где сообщал о фресках, которым едва ли не 100 тысяч лет, о культуре, будто бы породившей едва ли не все культуры, в том числе французских и испанских художников...

Это, конечно, «перегиб», но действительные находки Рюмина очень интересны.

Наверх, в грот, поднимаем ведро воды, обмываем рисунки и, подобно древним шаманам, ждем солнца, чтобы с первым лучом исполнить свои заклинания.

Солнце поднимается и вдруг освещает красные фигурки быков и охотников. Это длится всего несколько минут каждые сутки. А за всю историю рисунков из этих минуток можно сложить столетие.

В солнечные мгновения археологи выстреливают кадры цветной пленки.

Потом мы снова садимся и смотрим. Смотрим и молчим. Быки, мастерски нарисованные выцветшей от тысячелетий охрой; стремительные фигурки охотников с луками и собаками, какие-то таинственные фигуры в колоколообразных одеяниях. Еще фигуры и какие-то знаки: один похож на ключ, другой на жука (они посветлее, верно, на несколько тысячелетий моложе). И наконец, надпись из корана — совсем светлая, ей нет и тысячи лет.

Грот у самого входа в ущелье. Сидящего в гроте снизу не видно. Пожалуй, это лучшее место для засады на пути быков, идущих по ущелью. Может быть, животных гнало сюда солнце, и они хотели скрыться в прохладных расщелинах.

«Пещеры, где палящим днем таятся робкие олени...»

Одни охотники, наверное, сидели в гроте с рисунками, другие подползали с тыла, и сотни быков падали на землю, окрашивая кровью камни Зараут-сая и отдавая мясо с костями своим победителям. Победители хотели рисовать. Может быть, они это делали, дожидаясь добычи или на досуге, спокойно, сознательно «отвлекаясь от текущего момента»?

Пространства, заполнявшиеся древними изображениями, обычно под стать самим рисункам и художникам: бивень мамонта, лопатка орла, рог северного оленя, стены и потолки пещер и скал.

К сожалению, в ложе Зараут-сая мало надежд найти кости или первобытные орудия. Каждый год река наполнялась тающим снегом и за тысячелетия унесла все... Но, может быть, совсем рядом, в неоткрытых пещерах, орудия, остатки пиршеств, костров

и, наконец, кости тех охотников, которые сидели здесь и, слушая говор Зараут-сая, ждали зверя и рисовали.

Самое интересное на фресках, пожалуй, быки. Это дикие яки или туры, которых уже давным-давно не встретить в здешних краях.

Быки нарисованы мастерски и к тому же обладают знаменитой родней. Быки шествуют по стенам десятков знаменитых приледниковых пещер Франции и Испании, а рядом с ними олени, бизоны, козлы, мамонты... Громадный «зал быков» в пещере Ляско, во мраке, над подземным потоком, среди фантастического изгиба стен. Темные быки будто парят над стадом диких лошадок, и между крупными зверями несколько маленьких желтовато-красных оленей.

Мрачный, полный достоинства козел из пещеры Кастильо весь в движении, ритме. Детали недорисованы, будто искушенный художник знал, что, если дорисует, хуже будет, тяжелее.

Нежная, трогательная лань из Альтамиры.

Мамонт из Фон-де-Гом... По рисунку ученые восстановили неизвестные детали строения хобота (потом на севере нашли целую сохранившуюся тушу зверя: детали подтвердились).

Подлинность всех этих «зверей» доказана несколькими способами.

В одних пещерах зола, кости, каменные орудия (то, что мы называем культурным слоем) закрывали полностью или частично некоторые настенные рисунки: значит, последние обитатели этих пещер уже пировали у костров, освещавших громадные фрески, нарисованные прежде.

Возраст культурного слоя этих пещер определяется теперь довольно точно: от 15 до 30 тысяч лет — эпоха кроманьонцев.

В других пещерах геологи четко определяют время завала, когда единственный вход на десятки тысячелетий становился недоступен. Знаменитый французский ученый Норбер Кастере, автор книги «30 лет под землей», должен был нырнуть в невидимое подземное озеро, чтобы, вынырнув, открыть пещеру Монтеспан с ее замечательными скульптурами.

Другой прославленный изыскатель, Бегуэн, полз десятки метров вместе с сыном по необычайно узкому тоннелю. В то же время два юных Бегуэна карабкались по двум соседним тоннелям и в конце концов все встретнлись в громадном подземном дворце, украшенном множеством первобытных рнсунков. Дворец получил названне «Пещера трех братьев». В одном из углов пещеры Бегуэн разыскал ступку для растирання краски и другие вещн древнего художника, забытые много тысяч лет назад.

В другой пещере нашли незаконченный этюд — на лопатке орла, валявшейся на дне, было начертано изображенне оленя, н абсолютно тот же, но уже законченный рисунок был рядом, на

известковой стене пещеры. Маленький эпизод из жизни художника 150-х веков до нашей эры.

Наконец, еще доказательство «неподдельности»: одни рисунки безжалостно нарисованы на других: раскрашенные львы движутся поперек контуров пасущихся оленей; перемешиваются, как бы заходя друг в друга, бизоны, олени, мамонты. Одни старше других. Может быть, на год, или век, или несколько тысячелетий. При этом предки и потомки стихийно создали неожиданные, прекрасные, смелые композиции, хотя каждый из них рисовал только своего зверя. (Специалисты полагают, что перед очередным сеансом художник, возможно, размазывал краску по стене — старые фигурки исчезали, и по краске вырисовывался новый контур; однако спустя тысячелетия краска полностью или частично сошла, и мы видим несколько «звериных слоев» одновременно.)

В Зараут-сае потемневшая и более светлая красная краска разных фигур явно свидетельствует, что стены пещеры использовались для живописи не раз...

Самой темной, то есть древней, краской, нарисованы быки, менее совершенные, чем их приледниковая родня, но достаточно хорошие, чтобы вспомнить о ней.

Мы сумели спуститься вниз, съели припасенную банку консервов, выпили чистой прохладной воды, послушали тишину.

Разговор о тайне древнейшего искусства должен был начаться и поэтому начался.

Я неосторожно заявил, что вот-де кроманьонец развил мозг и сразу создал пару десятков орудий и сотни великолепных рисунков: переворот в технике повлек за собой революцию в искусстве. Археологи ухмылялись.

— Все у тебя просто: технику подразвил, искусство расцвело.

— Да нет, я этого не говорю, я знаю, что лучшие византийские фрески и иконы создавались на закате империи, а у немцев и итальянцев лучшие композиторы были до объединения и усиления Германии и Италии. Но это в наше, сложное время.

— Да и у первых людей тоже ни черта не пой-

мешь. Пришли кроманьонцы, поселились, охотятся у ледника, совершенствуют свои кремни, начинают рисовать: период Ориньяк, длившийся несколько тысяч лет. Со временем рисуют все лучше — сперва только очертания, контуры, потом стали делать гравюры, штриховку; фигуры еще одноцветные, но мастерство уже высокое. Вдруг наступает так называемая эпоха Солютре (все названия в честь пещер и находок). Солютре — это еще несколько тысяч лет. Легче произнести, чем представить. Ведь вся наша цивилизация — древние, средние и новые века, вместе взятые, — пожалуй, короче, чем это самое Солютре.

Так вот, в Солютре происходят великие технические открытия. Изобретается такой совершенный каменный наконечник для копий и дротиков (луков еще нет), какой обычно встречается много позже — через 10—15 тысяч лет — в неолите, новокаменном веке.

Ты представляешь, что такое обогнать технику на 10—15 тысяч лет?

Я делаю вид, что представляю.

— Трудно нам разобраться во всех событиях и перипетиях тех веков, но несомненно, что в технике была преждевременная революция, искусство же в солютрейские времена явно затухает. Сейчас в науке гуляют гипотезы, отчего бы это могло произойти?

— Все силы людей ушли в технику, было не до лирики...

— Пришла суровая, техническая, низкорослая раса, подчинившая художников-кроманьонцев.

Сейчас ты спросишь, конечно: «А отчего в самом деле произошел этот спад?» Отвечаем ясно и четко: «А кто его знает?»

Затем наступает так называемая эпоха Мадлен. Совершенные наконечники исчезают: они слишком дороги для такого, в общем низкого уровня цивилизации; позже, через 10 тысяч лет, к этим наконечникам вернутся (вернее, изобретут их снова), и они себя оправдают... Техника Мадлен в общем мало отличается от техники Ориньяк (легко изготовляемые

костяные наконечники!). Но искусство вдруг снова резко оживляется, причем стиль, манера таковы, будто Солютре вовсе не было, будто минуло всего несколько лет, а не десятки веков со времен первых, ориньякских художников.

Рисуют в Мадлен там же и так же, только еще лучше. Мадлен — это расцвет, апогей. Здесь употребляют несколько красок, знают перспективу, отлично передают движение. Если употребить современные термины, то Мадлен — это расцвет древнейшего импрессионизма... В эти-то века и создается лучшая живопись Альтамиры, в которую не верили скептики XIX века. Тогда появились и быки Ляско (по измерениям, произведенным новейшими техническими приемами, время обитателей Альтамиры — 15 500 ± 700 лет; Ляско — 15 516 ± 900 лет).

То был неслыханный расцвет «звериной живописи» (людей почти не рисуют). Когда глядишь на эти изображения, кажется, что мы уже переходим во времена Египта, Греции, Рима, Возрождения, что стовековой пропасти от этих быков и бизонов до первых пирамид не существует.

Но после эпохи Мадлен великий ледник начинает отступать на север, подчиняясь тем же таинственным законам, которые прежде гнали его к югу. Становится теплее, техника в общем прогрессирует, труд, охота, жилища совершенствуются, но искусство, как всегда, своевольничает.

Великая живопись Мадлен исчезает.

Искусство совершает странный, неожиданный поворот и как бы ныряет в ту самую стовековую пропасть, о которой только что говорилось.

На зараут-сайских быков несутся люди и собаки, в этом сразу целая эпоха, потому что в великих пещерах Франции и Испании человеческих изображений почти нет. Звери там органически «не выносят» присутствия людей. Зато эти звери огромны, до 2—3 метров, иногда в натуральную величину, словно никто и ничто не мешает им разгуляться на стенах древних пещер.

А здесь, в зараут-сайском гроте, бегут быки, их

атакуют собаки, вдоль щели (естественной линии, пересекающей стену) вытянулись еле намеченные, стилизованные тонкие фигурки охотников, натягивающих луки. И вот уже стрелы несутся и впиваются в быков.

А справа и слева, как бы выстроясь вдоль выступа скалы, идут к быкам какие-то странные фигуры, одетые в колоколообразные капюшоны. У этих фигур луков нет, лишь какие-то трещотки или топорики, но они явно принимают участие в охоте.

Археолог, этнограф для расшифровки сравнивает. Сравнение — очень сильное оружие, тем более что другого вооружения для этого случая почти нет. Подобные изображения известны: далеко отсюда, на другом конце Старого Света, в юго-восточной Испании и Северной Африке.

Скалы юго-восточной Испании покрыты быстро несущимися фигурками оленей, в стремительном движении несутся люди, летят стрелы. Фигуры мелки, как в Зараут-сае. Звери и люди изображены вместе, бегут собаки, натянуты луки — все как здесь.

Каждый год в Европе, Африке и Азии открываются новые скалы и гроты с маленькими, стремительно несущимися фигурками. Изображения выполнены в

лучшем современном стиле — передается прежде всего основное настроение, движение, динамика. Лишние детали, которые могут помешать целому, отбрасываются.

Возраст этих фигурок уже расшифрован. Это мезолит, среднекаменный век.

Примерно десять тысяч лет до нашей эры.

Ледник тогда отступил, с ним ушли его громадные звери — северный олень, мамонт, бизон. Происходит новая техническая революция: люди выходят из пещер, начинают селиться «под небом» (научились, да и потеплело), овладевают великим оружием грядущих тысячелетий, луком и стрелами, приручают собаку.

Тысячи фигур со стрелами и собаками «пробегают» от Северной Африки до Средней Азии. Дальше, насколько мы знаем, не идут. Лишь через несколько тысяч километров начинается область новых наскальных изображений — Сибирь. Но там другие рисунки, другая культура.

Здесь еще много таинственного, непонятного.

Десятки и сотни веков назад протягивались таинственные связи от Испании до Памира; люди, которые жили здесь, близ Зараут-сая, конечно, понятия не имели ни об Испании, ни о Средиземном море. Для них это невообразимое расстояние. Скорость передвижения была, как известно, не больше 20 километров в сутки. Впрочем, скорость была невелика, зато времени хватало.

Несутся по стене Зараута древние охотники, солидно выступают люди в «колоколах»... Г. В. Парфенов думал, что это охотники, замаскированные под дрофу, подобно бушменам, которые на охоте «переодеваются» в страусов. Однако страусов в горах Памира не было, а дрофы слишком малы, чтоб человек мог ими прикинуться.

Но, может быть, ответ проще: фигуры в капюшонах — женщины? Такие колоколообразные костюмы встречаются у женщин на фресках юго-восточной Испании.

Сначала женщина охотилась наравне с мужчиной,

но с развитием оседлости, домашнего очага, материнского рода она либо помогает при загоне зверя (трещотки, шум!), либо просто сидит дома, но приносит мужчине удачу, колдуя и заклиная, и тем самым заслуживает свое право на добычу.

Может быть, загадочные фигуры без луков, участвующие в загоне, — одно из древнейших изображений женской участи?

Легко критиковать тех, кто нашел десяток «лишних» изображений: мы сами это испытали, попав в Зараут-сай. Я делал великие открытия раз двадцать: видел пещерного медведя, готовящегося к броску, громадные неясные изображения то ли тигра, то ли другого зверя... Горы наклоняли исполинские бычьи головы, по скалам стремительно неслись красные и темные охотники. Членам экспедиции Парфенова показалось даже, что они обнаружили грубое изображение карты ущелья.

Но все это была игра света, природных красок, черных гротов, желтых вершин.

Тысячи причудливых трещин и натеков могут обмануть кого угодно. Прибавьте к этому то особое влияние, которое оказывает на «свежего человека» глухое, загадочное ущелье.

Мы проходим в тот день больше двадцати километров, раз пятьдесят переходим Зараут-сай, который бежит то справа, то слева, то под нами. Время от времени укрываемся от горячих лучей под сухой ароматной арчой или под громадной зеленой кроной карагача. Каждый раз, останавливаясь, пьем горную воду — уж очень жарко и очень приятно.

И снова идем по ущелью, и снова на каждом шагу нам чудятся пещеры, изображения. Заходим в гроты и углубления — там тишина и прохлада, и вдруг попадаются иглы дикобраза, который недавно чесался о выступ скалы.

Мы поднялись довольно высоко, а над нами, еще выше, снеговые вершины Гиссара, уходящие на восток, к Памиру.

Дальнейшая беседа происходила вечерней дорогой из Зараут-сая к нашей юрте. Потом в грузовике, который вез нас обратно. И наконец, в тенистом саду Термезского музея, когда у ног булькает арычок, в тени сорок градусов, а сколько на солнце, никто не знает.

Высшее удовольствие, получаемое простым смертным во время беседы со специалистом, заключается в серии вопросов, в конце которой специалист объявляет: «не знаю», «не знаем», «наука не знает» или «ишь чего захотел!».

Именно к этой цели я и продвигался, атакуя моих археологов, чьи силы были ослаблены жарой и коварством проблемы.

— Все вы, дорогие товарищи, вроде бы объяснить можете. И сколько лет рисункам — определяете, и Испанию с Памиром соединяете: «Люди, луки, собаки — мезолит...»

А отчего, разрешите полюбопытствовать, раньше, в палеолите, рисовали иначе: только одних животных, красками и крупно — едва не в натуральный размер?

— Ответим: у кроманьонцев в период их «лучших пещер» главное в жизни — зверь, охота. К зверю громадный интерес. Заметь, рисуют главным образом промыслового зверя, а не «страшного»: медведей, львов, тигров — совсем мало. Потом ледник уходит, крупный зверь исчезает; начинается иная жизнь — по-прежнему охотятся, да уж не так, как бывало. В мезолите начинают приручать животных, «берут курс» на скотоводство и земледелие. Поэтому рисуют дикого зверя меньших размеров, не стремясь к реалистической передаче всех подробностей.

— А людей отчего прежде мезолита не рисовали? Может быть, их тоже до мезолита не было и пещерные фрески выполнены машинами?

— Тут дело сложное — надо бы сначала точно разобраться, для чего они, древние, рисовали.

Хохочем: выяснилось, что многодневный разговор был без начала.

— А в самом деле, для чего рисовали?..

Позже, в Москве, я из интереса задал этот же вопрос нескольким знакомым — людям самых различных профессий (но прежде специально не занимавшимся или же не интересовавшимся происхождением искусства): «Предки совсем не рисовали, а затем стали рисовать зверей, прекрасных зверей. Как вы думаете, зачем?»

Ответы были разные, но, по сути дела, сводились к трем основным вариантам.

Вариант первый: «А кто его знает, зачем им, предкам, это надо было, нам их не понять».

Вариант второй: «Тут замешана религия, магия: рисовали, чтобы помолиться перед охотой на этого самого, нарисованного зверя».

Вариант третий: «Захотелось им порисовать, вот и все: развлекались...»

Позднее я узнал, что все споры о тайне искусства, которые давным-давно ведутся среди «профессионалов» и «любителей», сводятся в общем к этим же трем вариантам.

А какой же из них нравится мне самому?

Я принялся сравнивать разные точки зрения и пришел в ужас. Каждый казался мне в чем-то правым. Неприемлемые на 100 процентов просто не встречались.

Леонардо да Винчи: «Искусство — детище, вернее, внук природы (ибо дети — это мы). Искусство появилось из подражания человека природе».

Конечно, было подражание: утесы, трещины, натеки, похожие на звериные головы и лапы, волновали древних людей не меньше, чем нас. Подражание было, но почему однажды вдруг стали так активно подражать, творить?.. Одного «подражания» мало.

Ф. Шиллер: «Искусство — незаинтересованное наслаждение», не связанное с грубым материальным интересом. Значит, оно возникло из наиболее примитивной, древнейшей формы «бескорыстного удовольствия» — игры.

Игры были и у животных и у обезьянолюдей. Но неясно, отчего, в связи с чем звериные игры могли превратиться в высокое человеческое искусство. Тот, кто рисовал бизона в Альтамире или быков в Зараут-сае, конечно, испытывал «чистое удовольствие» художника, но только ли? Как понять тогда, что лучшие кроманьонские шедевры, находившиеся в темных, иногда не заселявшихся пещерах, порой проткнуты копьями, стрелами (нарисованными, а то и вполне реальными)?

Гаузенштейн (немецкий искусствовед): «Великолепная, дерзкая небрежность этих форм имеет... что-то спортивно-изящное, джентльменское». Рисовали, «если погода мешала охоте», из чисто эстетических побуждений.

Вроде бы чепуху говорит Гаузенштейн, но живость, свежесть искусства схвачены верно. Так что чепуха не стопроцентная.

Бегуэн (известный исследователь пещер): «Если

бы искусствоведы полазили вместе со мной сотни и тысячи метров по трудно достижимым закоулкам пещер, они быстро изменили бы свою точку зрения на существо искусства каменного века как «искусства для искусства».

Конечно, Бегуэн прав!

С. Рейнак (другой французский исследователь): смысл древнейшего искусства — магия, колдовство древних охотников.

Этот взгляд поддержало большинство французских исследователей, лазивших по пещерам.

Конечно, они знают, что говорят!

Г. Кюн (крупный специалист по первобытному искусству): магия, религиозные обряды у первобытных племен ведут обычно к отвлеченному, нереалистическому, стилизованному искусству. Но рисунок древних пещер слишком свеж и жизнерадостен — какая уж тут магия, религия?

Но ведь действительно у первых художников не чувствуется тяжелой, унылой печати религии, обряда. Пожалуй, ни один из так называемых первобытных народов XIX—XX веков не рисовал так хорошо и живо, как кроманьонцы или люди мезолита (исключение — бушмены).

А. С. Гущин (советский исследователь, писавший в 20—30-х годах): искусство порождено первобытной магией и развитием коллективного трудового процесса.

Это правильный, материалистический подход. Это правда. Но вся ли правда?

Все ли причины, корни происхождения искусства умещаются в этой формуле?

Выходит, «о вкусах не спорят», но спорят (еще как!) о происхождении вкусов!.. Скажите, наконец, археологи: так для чего и отчего они рисовали?

А археологи отвечали мне тогда и позже:

— Была охотничья магия, но не слишком развитая, не слишком темная и мистическая, чтобы ослабить свежесть наблюдений, рисунков, красок.

И конечно, была у древнего жителя пещер и внут-

ренняя потребность — творить, воссоздавать окружающий мир...

— И все-таки не ответили вы, отчего кроманьонцы не рисовали самих себя, а зараутсайцы рисовали?

— Ответим. У пигмеев, австралийцев и других народов известен охотничий обряд: чертится контур зверя, которого должно убить. Затем следует заклинание или пляска. В какой-то миг (у пигмеев — когда солнечный луч касается края изображения) художник или один из его соплеменников метает в рисунок копье или стрелу. Обряд окончен... Что здесь происходит? Австралийцам и пигмеям человека рисовать не нужно. Художник собственной персоной является частью картины. Вероятно, у кроманьонцев автор и нарисованный зверь тоже составляли как бы одну систему «человек — картина».

— Система, давно утраченная человечеством!

— Да, уже обитатели древнего Зараут-сая, как и других частей мезолитического мира, людей рисуют, то есть себя за часть картины, очевидно, не принимают.

Что ж, выходит, они поумнели, научились лучше понимать, обобщать, абстрагировать, нежели их ледниковые предки.

— Понимать и абстрагировать стали лучше, а рисовать похуже?

— Да, с нашей сегодняшней точки зрения... Но с этими «лучше», «хуже» казусы случаются: искусствоведы XIX века обругали знаменитую бушменскую фреску (несущиеся в беге фигурки воинов), а сегодня специалисты ею восхищаются и находят в ней черты совершенно современного по стилю произведения.

— Ну, не будем толковать: «лучше», «хуже», хотя почти всем больше нравятся пещерные старики, нежели мезолитическая молодежь. Но отчего же все-таки, объясните мне, фигуры людей, зверей стали более обобщенными, стилизованными?

— Видно, «распалась цепь времен», утратилось свежее единство человека с природой. Скотоводство, земледелие усиливало человека, но при этом разъединяло его с природой; он забывал многие из ее голо-

сов, которые слышал прежде, идя на охоту. К тому же с годами усиливались магия, мистика, религия... В самом деле, у бушменов и эскимосов-охотников реализма в рисунках и гравюрах много больше, да и склонность к живописи велика по сравнению «с культурными соседями». Зато «первобытные народы», меньше занятые охотой, рисуют меньше и хуже. Непосвященным в их тайны не понять, отчего перекрещенные линии — это кенгуру, а кривая, волнистая линия — стадо буйволов.

— Так это же зачатки письменности.

— Да, письменность. В средневековой Японии лучшие каллиграфы почитались наравне с выдающимися художниками!

И еще несколько дней мы объезжаем угрюмые долины, взбираемся на перевалы, разглядываем желтые скалы. Археологи спрашивают стариков о пещерах с кремнями, пещерах с рисунками.

«Есть еще пещеры», — кивают старики и долго объясняют дорогу; археологи записывают и уж видят новый Тешик-Таш и новый Зараут-сай.

А кстати, надо или не надо искать — в земле, в горах, на дне?

Кощунственный, идиотский вопрос. На территории СССР насчитывают не больше тысячи палеолитических стоянок, в том числе самых древних — неандертальских — около 200. Это очень мало. Каждая находка сверхдревних следов человека — событие в науке!

И что же делать археологу, как не искать?

Открытия археолога (и вообще историка) бывают трех видов.

Первый вид — новые факты:

Еще один отзыв о Пушкине.

Еще одно имя древнеримского солдата.

Еще один черепок, курган.

Еще одно рубило.

Второй вид — новые научные методы:

Статистика, примененная к тому, что «не счесть».

Подсчет возраста дерева или золы по С-14 (радиоактивному углероду).

Другие физико-химические методы датировки.

Археологическая разведка при помощи аэрофотосъемки.

Третий вид — установление общих исторических закономерностей.

Какой из трех важнее?

Все важно: без фактов — голод, без новых методов, общих закономерностей — слепота.

Историк, максимально честно описывающий новые факты, делает, конечно, громадное дело, но...

Но я знаю историков, слабость которых в том, что они... слишком много знают.

Почти любой свой вывод, подкрепленный горой фактов, они могут разрушить другими фактами. Они сами себе не доверяют, они парализованы фактами.

Итак, виват невежество?

О нет, да здравствует теория!

В нескольких разделах истории факты буквально «киснут», «протухают» (это, правда, меньше всего относится к антропологии, где фактов, находок особенно не хватает). Фактов более чем достаточно для смелых теорий или по крайней мере гипотез, а как только теория (гипотеза) вылупится, она сама поведет к тысячам новых фактов.

Искать эти «тысячи фактов» на ощупь — все равно что щелкать на счетах рядом с электронно-вычислительной машиной.

И вот тут-то и рождается мысль, чересчур резко выкрикнутая в начале главы.

Надо искать и думать, иногда больше думать, чем искать, додумавшись, искать заново.

Точным наукам все это давно знакомо. Довольно широко известны замечания нескольких выдающихся физиков: «Новая гипотеза слишком разумна, чтобы быть правильной»; «Отличная, но, к сожалению, не слишком идиотская идея».

На «Идиотизм» в точных и естественных науках нынче большая мода. «Идиотизм» с большой буквы,

то есть крушение «разумных понятий», относительность.

А вот историкам, археологам на сегодняшний день, пожалуй, благородного «Идиотизма» не хватает.

Но уже появляется!

Плот Тура Хейердала — это прежде всего новый метод: дело вовсе не в том, доказал или не доказал экипаж «Кон-Тики», что южноамериканские индейцы переселялись в Тихий океан (сам Хейердал считает, что он доказал только одно — мореходные свойства бальсового плота). Дело в методе: моделирование событий. Много веков назад люди, возможно, плыли на плотах тем же путем. Хейердал воспроизводит условия, строит модель древнего события.

Выдающийся археолог В. А. Городцов научился и изготавливать древнейшие каменные орудия и работать ими. С. А. Семенов измерял (в опытах). производительность труда древнего человека. Но как жаль, что эти модели древнейшей эпохи пока слишком невелики; шире «отрепетировать» каменный век пока не берутся.

Все крупнейшие специалисты считали, что критское письмо (так называемое письмо В) не поддается расшифровке: знаков не знаем, языка не знаем, а одно уравнение с двумя неизвестными не решается. Неспециалист Вентрис предположил, что язык этой письменности близок к греческому (с точки зрения специалистов — чистый идиотизм!). Вентрис оказался прав; в результате — расшифровка критского письма, самое крупное послевоенное достижение науки о древнем мире.

Мы тонем в загадочных древних языках и письменностях, а нельзя ли познакомиться с языком питекантропа, синантропа, неандертальца?

Идиотизм?

Крупный советский антрополог В. В. Бунак берется за дело. Если коротко, схематично изложить его работу, то она состоит вот в чем:

1. Язык, звуки обезьян известны (и многократ-

но записаны). Обезьяньи органы речи также хорошо изучены.

2. Наши современные человеческие языки и строение органов человеческой речи также изучены.

3. Можно достаточно точно воспроизвести строение гортани, губ, языка обезьянолюдей.

4. Если привлечь все, что мы знаем об их орудиях, образе жизни, общественном строе, и сопоставить с органами речи, то можно попытаться восстановить и услышать их языки.

Конечно, профессор Бунак еще не составил неандертальско-греческого словаря и отнюдь не считает свои работы завершенными, но идея-то какова!

В. В. Бунак и другие исследователи обратили внимание на изменение речи маленьких детей. Как человеческий плод воспроизводит образы звериных предков, повторяя миллионы прежних лет за несколько месяцев, так и малые дети в чем-то быстро проходят языковые стадии своих человеческих предков: в возрасте около года звуки и понятия кое в чем сходны с речью и мыслью питекантропов.

Чуть старшем — как синантропы.

Год-два — вполне «неандертальский возраст».

Но исследователи заметили также, что восприятия малыми детьми образов, цветов, первые детские рисунки имеют нечто общее с историей приобщения древнейших людей к древнейшему искусству.

Какой великолепный простор для «идиотских экспериментов»!

Кстати, совсем недавно установлено, что новорожденные воспринимают «левую часть спектра» — красный, оранжевый, желтый, но не различают зеленого, синего, фиолетового. А ведь на древних изображениях тоже нет зеленых, синих, фиолетовых тонов.

Не было красок или было младенческое зрение?

Между прочим, древние греки и некоторые другие народы античной эпохи как будто не отличали синего от зеленого (судя по их литературе и языку).

Но в те же века (и более ранние) египтяне и вавилоняне синее и зеленое хорошо различали, умели называть оттенки этих цветов.

Все это примеры случайные, рассеянные. Но наша мысль как будто ясна и не могла бы претендовать на оригинальность уже во времена Хеопса и Хаммурапи.

Наука состоит из фактов и мыслей.

На обратном пути Бухара. Памятники искусства древнего, но по зараут-сайским масштабам позднего, новейшего. Искусства, гениально соединяющего простое и сложное. Простота форм: куб, свод, башня, и, в рамках этой простоты, переплетенные, замысловатые узоры, тонкие оттенки изразцовой поливы.

Сложнейшее в простом — вот главная архитектурно-художественная идея 1100-летнего мавзолея Исмаила Самани, где темные, как бы плетеные стены воспринимают не только меняющиеся свет и тени, но и шепот окружающих деревьев.

И почему-то еще и еще раз приходят воспоминания о древнейшем пещерном и наскальном искусстве, не знавшем рам, постаментов, канонов, где выступ скалы мог сделаться лапой громадного зверя, а на неровном обрыве рядом с узорами природы появлялись цветные рисунки человека.

В Бухаре работали великие мастера-профессионалы.

А 10—20—40 тысяч лет назад?

Трудно отказаться от мысли, что лань из Альтамиры или мамонт из Фон-де-Гом не могли быть нарисованы «первым встречным». Однако этнографам известно, что среди бушменов и некоторых других племен почти все рисовали на достаточно высоком уровне. Но это явление может быть менее удивительно, чем другое — неподвижность древней манеры: в течение столетий и даже тысячелетий все рисуют одно и то же и одинаково.

Свои орудия труда, сказки, песни и изображения люди никогда не могли и почти всегда не хотели менять. В Австралии за рассказчиком внимательно следят, чтобы он (как, наверное, и у зараутсайцев) не отступил от традиционной формы.

Возможно, у кроманьонцев рисовали многие, рисовали хорошо, в одной манере на протяжении тысячелетий.

Разумеется, были и на этом общем фоне замечательные таланты: есть рисунки лучше и хуже. У австралийцев еще совсем недавно каждый имел свою песню или свою сказку (может быть, у кроманьонцев «свой рисунок»?). Но были отдельные произведения, так поражавшие воображение дикарей, что они распространялись по всему континенту и даже заучивались дальними племенами, не понимавшими языка сказки, но знавшими, что это — знаменитое про-

изведение, и стало быть, даже одни его звуки, ритм усвоить необходимо.

Профессиональное искусство — изобретение недавнее; ему не больше пяти тысячелетий...

Бухара — Самарканд — Москва, быстрая пересадка в Ташкенте, ИЛ-18, стремительно скользя по гигантской дуге, опускается у вечерней Москвы.

* * *

Автор забирался из XX века на 100, 400 и даже 10 тысяч веков вспять, клялся, что с высоких кроманьонских или зараут-сайских «трибун» можно разглядеть нечто новое в нашем веке и даже подальше.

Действительно, ему казалось, что далеко-далеко, сквозь туман тысячелетий, иногда мелькали смутные черты будущего искусства. Но глаза могут обмануть, а приборов никаких не придумано, так что трудно ручаться за достоверность, и нельзя забыть, как часто хочется природную щель, натек или камень принять за нарисованного бизона, мамонта и тигра.

Но что привиделось, не скрою.

«Картину заканчивает зритель» — это известно. Поэтому в мире никто, никогда, в сущности, не читал одной и той же книги и не любовался одной и той же картиной.

Была, есть и будет «Война и мир» Толстого плюс первый, второй, миллионный, стомиллионный читатель.

Была Сикстинская мадонна плюс сотни тысяч вызванных ею разных настроений, ощущений.

Да и каждый человек, повторно читающий книгу или слушающий музыку, уже создает вместе с автором произведение иное, чем при первой встрече.

Личное впечатление, настроение мастера и зрителя — об этом сейчас много спорят и толкуют.

И художник и зритель все чаще восклицают: «Я так ощущаю, это мое впечатление!» В XX веке и автор и особенно зритель громче произносят местоимение «я», чем прежде.

Ни к чему вести пустой спор, кто хуже и кто лучше, старые или новые мастера. Но, глядя на карти-

ны Ренуара, Рокуэлла Кента, Пикассо, Сарьяна, Рериха, современному зрителю требуется больше усилий для завершения картины, чем при встрече с большинством мастеров XIX века.

Но что же дальше будет?

В палеолите, мы видели, изображение человека одно время не появлялось: художник и его соплеменники рассматривали себя как часть картины, они были «нарисованы», ибо существовали: картина начиналась со зрителя (и, понятно, им же заканчивалась).

До такой активности дерзкие зрители нашего столетия не доходят. Разве что «дикари», впервые увидевшие кино и верящие, что все происходит на самом деле. Или зрители итальянской народной комедии, которые быстро включаются в представление, подавая актерам реплики.

Но искусство как будто ожидает такая же активность зрителя, как 40 тысяч лет назад (ну, конечно, не совсем «такая же» — 400 веков прошли недаром!).

В грядущем, наверное, разовьются искусства, которые будут начинаться со зрителя. Зрителю покажется странным и скучным просто смотреть, читать, слушать.

Это будет техника, сложная техника, много сложнее кино, воспринимающая самые тонкие импульсы, исходящие из человеческого мозга. По воле зрителя — отнюдь не обязательно высокоодаренного — создадутся сложные произведения (вроде умноженного и усложненного калейдоскопа-игрушки, вращая которую любой человек создает хитрые узоры).

Будут машинно-человеческие игры: усилием воли я, зритель, не только вызову на экране нужный мне образ, но и начну представление, где участвуют на равных правах и я и мои образы. В результате открытие кроманьонцев возродится на второй тысяче поколений... Зритель, начинающий картину,— лишь одна из форм всеобщего творчества будущего: и сейчас почти каждый рисует, лепит, мурлыкает мелодии. Но разрыв между профессионалами и любителями очень велик!

Широчайшая одаренность первобытных людей наводит на размышления: как вернуть ее людям?

Вернее, каким способом резко повысить уровень знаний, чувств, творческой одаренности «обыкновенного человека»?

Видимо, это возможно.

Перемены в жизни современного общества еще не уменьшили сколько-нибудь существенной дистанции между талантами и поклонниками. Но техника, проникающая в искусство, обнадеживает.

Техника по природе своей весьма демократична: нажим на кнопку дает один и тот же результат, будь нажимающий гений или бездарь. Фотоаппарат, киноаппарат даст, конечно, весьма разные результаты в зависимости от того, кто «крутит» или «щелкает», но барьер, отделяющий профессионалов от любителей, тут как будто не столь страшен и неприступен, как в живописи или музыке.

Кино- и фотоделу подучиться легче, чем рисунку или контрапункту.

Техника дополняет недостаток одаренности.

Но техника и искусство в близком родстве не состоят. Неповторимые творения искусства, каждое в своем роде и не хуже других, создавало человечество каменных орудий и человечество железного плуга, человечество пара и человечество полупроводников и атома.

Техника при этом играла свою роль.

Новые строительные приемы влияли на архитектуру.

Новые музыкальные инструменты — на музыку.

Изобретение масляных красок фактически создало новый род живописи.

Но все же техника не определяла художника, музыканта, поэта. Техника обслуживала, а ее прогресс шел совсем по иным законам, чем в искусстве.

Это разные державы, кое-где граничившие, но чаще державшиеся поодаль, весьма и весьма самостоятельно.

Что будет?

Прежде вспомним, что было задолго до «кромань-

онской революции»; весь «конечный вывод мудрости земной, вся наука, техника, искусство заключались в ручном рубиле (и еще паре каменных орудий).

Позже техника и художество пошли своими путями.

Но кажется, дело идет к новому синтезу (надо ли извиняться, что не к рубилу, а совсем иначе!).

Огромная отрасль искусства — кино («ровесник» пещерной живописи) — создана техникой. Это явная агрессия технической державы.

Правда, науке, придумавшей кино, быстро указали ее место. Кино желает подчиняться только кодексу искусств.

Но техника не унимается: цветное кино, стереокино и тому подобное подготавливают для любителя могучее оружие грядущего уравнения в правах с профессионалом.

Грезится такое повышение доли каждого зрителя в высоком творчестве, что кружится голова.

Кружится по законам техники и по правилам искусства.

Может быть, мы накануне (десятилетия не в счет!) невиданного, органического слияния техники и искусства — великой унии двух держав! Может быть, тогда включатся в искусство все пять человеческих чувств, ибо «благородные» — зрение и слух — уж очень третируют «низменные» — обоняние, вкус, осязание.

Но все же главным искусством станет когда-нибудь праправнук кино, телевидения и фотоаппарата — человеко-технико-искусство будущего.

Искусство начиналось с техники и к ней вернется.

«Главное искусство». Но помилуйте, разве бывает такое?

Бывает. В древности и средневековье — архитектура. Все прочие «подчинялись»: книги, фрески, мозаика. орнамент, музыка — все вносилось внутрь храма или дворца, все приспосабливалось в большей или меньшей степени к архитектуре. Так было во времена пирамид и храмов древнего Египта, романских и готических соборов, мавританских мечетей.

В эпоху Возрождения, пожалуй, лидировали живопись и скульптура (хотя архитектура не отступала!). Великие мастера Ренессанса — прежде всего художники и скульпторы — влияли на состояние, дух всех других искусств.

Россия XIX века — тут первенство за литературой. Литература определяла направление умов: передвижники, «могучая кучка» — духовные дети Пушкина, Герцена, Гоголя, Чернышевского.

XX век. Литература по-прежнему власть, но резко выдвигается вперед кино; берет многое у литературы и само вторгается в стили, жанры, течения.

Кино лучше и легче всего впитывает темп, настроения века. В нем заложен тот синтез с техникой, от которого мы ждем больших последствий.

А какое искусство главное для древнейших художников, расписывавших Ляско, Каппову пещеру, Зараут-сай?

Сказать трудно: их живопись, гравюра, скульптура были приноровлены к пещерам, скалам, гротам (выступы, трещины использовались иногда как часть изображения). Если б скалы пещеры можно было назвать архитектурой, то у древнейших, как и у древних, все определяла бы архитектура.

Если сказать, что главным искусством 40—10 тысяч лет назад была природа, ведь улыбаться будете!

Посему обойдемся без формулировок «главное — неглавное», а заметим: связь с природой у первых художников необычайно прочна, недаром их рисунки так легко смешать с игрой природы, они сами как бы составляют явление природы.

Недавно замечательный французский исследователь Норбер Кастере из глубокой подземной пещеры передавал по телевизору цветных кроманьонских быков и оленей, а по радио — эхо и звон капель.

Это была прекрасная идея — использовать новую технику для передачи миллионам людей красок и звуков темных, далеких жилищ (1000-пра) дедов.

Капли и эхо были в этой передаче произведением искусства. Как и естественные изгибы скал, черное подземное озеро. О связи искусства с природой,

использовании природного ландшафта знают давным-давно. Храм Вознесения в Коломенском, вырастающий из холма; синее самаркандское небо, зеркально отраженное в изразцовой глади; храм Посейдона, застывший над морским обрывом; город-чудо Бразилиа, вписанный в бразильскую землю, небо и воздух.

В будущем эти связи искусства и природы станут громадны и неожиданны: в дуэт природы и искусства вступят гигантские постройки, космические пейзажи, искусственные спутники, подводные города. Когда-нибудь появятся произведения, природным фоном которых будет планета Земля в целом. («Ах, как хорошо гармонирует этот голубой диск с зеленоватым блеском северного полушария!»)

В общем будет грандиозный сплав: человек — искусство — техника — природа. Человек и природа — «элементы» нового искусства, техника — связь элементов.

Но искусство и природа еще разорваны. Мыслители нашей эпохи не раз вспоминали о древнем единстве с природой у греков, единстве, во многом уни-

чтоженном за следующие тысячелетия социальными противоречиями, грандиозными войнами, чудовищными городами-спрутами, миром эгоизма и равнодушия.

Однако пример древней Греции обнадеживает. Ведь на несколько сот веков раньше древней Греции уже было первое великое слияние человеческого искусства и природы: в живой, искренней, без «мудрствования лукавого» пещерной живописи Ориньяк и Мадлен.

Это единство, слияние, дало титанов древнейшего искусства, но мы не знаем ни их имен, ни названий их племен.

Потом — после Мадлен, после ледника — первое разъединение человека и природы: пещерная живопись заменена менее реалистическими, более схематическими, абстрактными образами. Былого не вернуть, что-то невидимо изменилось, молодой мир стареет и умнеет.

Но через много тысячелетий детство возвращается: что не дано отдельным людям, дано народам и человечеству.

Древние греки — новое детство человечества; новое объединение человека и природы.

Потом эллинизм, Рим; снова разлад; опять потеря прежнего счастья, детства, безмятежности.

И снова искусство, может быть, более умное, внимательное к деталям, более острое, чем прежде, но уже без свежей, стихийной «божественной» мудрости.

Средние века — христианство, мусульманство — готические соборы, Феофан Грек и Андрей Рублев, мавзолей Исмаила. Но это другая красота и мудрость, нежели у греков и кроманьонцев.

Возрождение — новое бурное соединение человека и природы: новая эпоха титанов, расправляющих мускулы. Затем «наши столетия». Новое раздвоение, разъединение. Но мечта, стремление к древней гармонии уже осознаны, объявлены; художники античного склада — Пушкин и Моцарт — могут появиться и в эту эпоху.

Но как вернуть спокойную детскую безмятежность и радость, не утратив сомнений и поисков «раздвоен-

ного времени»? Старые мысли и споры об искусстве перешли к нам по наследству и стали новыми.

На очереди (через десятилетия, века) время нового соединения с природой, нового Парфенона и Альтамиры, новых титанов, соединяющих в себе мудрых старцев и наивных детей.

Но никогда ни человеческие мастера, ни природа не закончат последнего узора, не дорисуют последнего рисунка.

Обязательно оставят себе дел на завтра.

Заключение первое

Главным событием в истории этой книги было знакомство автора с трудами лучших отечественных антропологов — В. В. Бунака, М. А. Гремяцкого, Г. Ф. Дебеца, М. Ф. Нестурха, Я. Я. Рогинского, В. П. Якимова и других.

Находки и размышления ученых об еще не найденном, осмысление завоеванного и одновременно несомненная потребность в новых завоеваниях — все это автор попытался сохранить при переводе с языка науки на язык популяризации.

Однако по двум причинам в книге ничего или почти ничего не рассказано о нескольких важных направлениях и методах науки:

Опыты с высшими и низшими обезьянами.

Использование кибернетики и других точных наук.

Наблюдения этнографов за жизнью наиболее отсталых народов.

Размышления лингвистов о древних языках.

Успехи современной генетики.

Первая, не главная, причина умолчаний заключается в полном согласии автора с теорией Козьмы Пруткова насчет возможностей объять необъятное.

Вторая, главная, причина несколько сложнее.

Автор убежден, что при всей неоспоримой важности замечательных опытов с обезьянами, наблюдений и размышлений кибернетиков, лингвистов, биологов это пока еще, к сожалению, вспомогательные области для той науки, которая занимается первыми главами человеческой истории.

Главное — находки: открытия ископаемых костей, древнейших орудий, жилищ. Открытий слишком мало, и каждое может внезапно опрокинуть десяток-другой теорий.

Наука на такой еще стадии, что отдельные здравые мысли могут приходить в голову любителям и специалистам из других областей.

Порою это вызывает у последних явно преувеличенное мнение о собственных возможностях и непреодолимое стремление научить нерешительных профессионалов, как побыстрее организовать «революцию в приматологии». Что поделаешь, наши недостатки — продолжение наших достоинств, а формула: «Даже я бы мог это сделать» — считается, видимо, самым страшным оскорблением авторитетов. Впрочем, незрелость критики порождена, по логике, незрелостью науки...

Несколько лет назад на международной встрече ученых в Ленинграде Анри Валлуа, выдающийся французский антрополог, сравнил свою науку с за-

топленным в неведомые времена громадным городом: он весь под водой, выступают лишь несколько шпилей соборов и башен, но по этим шпилям, и только по ним, нужно восстановить план, историю, архитектуру города. (Предполагалось, конечно, что никто не умеет спускаться под воду. Но, в самом деле, кто же, ныряя в «доисторические глубины», когда-либо достигал дна?)

Главное — находки и, разумеется, их объяснение. Объяснять, конечно, помогают (и с каждым днем больше) и кибернетики и лингвисты. Ни одному ученому не улыбается зависимость от более или менее случайных открытий. Он мечтает внедрить в свою науку новые, точные методы.

«Завтра», «послезавтра» антропология станет точной наукой; тогда математика, генетика, кибернетика займут в ней еще более почетные места.

Но о той науке будут написаны другие книги.

Заключение второе

К веркоровскому списку определений человека я могу прибавить еще одно — столь же точное, сколь убедительное: «Человек — единственное животное, знающее, кто его бабушка и дедушка». Отца и мать знают многие звери, но уже «отец отца» и «мать матери» не выделяются из массы себе подобных.

Давний интерес человека к предкам несомненен. Мертвые были (а у многих племен и народов остаются) почетными членами живых коллективов. Мало кто из современных людей не задавался хотя бы однажды странным, непрактичным как будто вопросом: «Где жил, кем был мой прямой пращур 500 лет, 2 тысячи, 25 тысяч лет назад?..»

В английской палате лордов заседают люди, разбирающиеся в своих предках 500—700-летней давно-

сти, однако их превосходят полинезийские рыбаки, способные перечислить своих предков до 50—60-го колена, с присовокуплением разнообразных биографических подробностей. Очень длинные семейные хроники, конечно, у представителей правящих династий. Если на самом деле существовал полулегендарный князь Рюрик, то он был прапрапрапрапрапрапрапрапрапрапрапрапрапрапрапрапрапрадедом последнего царя из династии Рюриковичей, несчастного Федора Иоанновича. Императоры Эфиопии, ведущие свое происхождение от царя Соломона и царицы Савской, способны, однако, представить втрое большее количество царственных предков. Рекорды же принадлежат, разумеется, тем вождям, шейхам и магараджам, которые не забыли о своем божественном происхождении.

Человеческая история прежде всего цифры: от «человека умелого» до нас около 2 миллионов лет, то есть 20 тысяч веков и примерно 80—100 тысяч поколений. От первых кроманьонцев, как уже говорилось, миновало около полутора тысяч поколений.

Как видно, даже император Эфиопии знает меньше $^{1}/_{10}$ числа своих предков, если говорить о людях современного типа, и примерно 0,15 процента своей родословной, если считать от первого двуногого «умельца».

Если сделать крайне маловероятное допущение, что на Земле сейчас живут потомки одного из первых грамотеев — египетского писца (около 3000 года до нашей эры), причем все члены семьи всегда были грамотны, то даже в этом случае представитель самой культурной династии на планете мог бы хвалиться, что лишь 12—15 процентов его «разумных» предков знали грамоту, а 85—88 — не знали. В большинстве

же европейских стран, где письменная история не превышает 10—15 веков, «культурный слой» состоит максимум из 40—60 поколений.

Статистические выкладки наводят и на другие размышления.

Первых людей современного типа вряд ли было больше нескольких миллионов. Поскольку значительная их часть погибла, не оставив потомства, то, возможно, какой-нибудь миллион победителей «неандертальской войны» положил начало всему современному трехмиллиардному человечеству. Следовательно, в среднем каждые несколько тысяч теперешних обитателей Земли (среди которых могут быть люди разного цвета кожи, живущие на разных материках, принадлежащие к разным классам, говорящие на разных языках) имеют общего древнего предка. Сильный дополнительный аргумент для доказательства теоремы «Все люди — братья!». Во всяком случае, они братья в большей степени, чем им это кажется.

И последнее статистическое упражнение.

Сколько за всю историю человечества прошло по Земле людей, никто, конечно, не знает, но из книги в книгу (и даже по календарям) странствует число 300—400 миллиардов.

Трудно сказать, кем и когда была впервые проведена эта великая перепись, но результат можно условно принять. Принять потому хотя бы, что, окажись число всех людей равным 10—20 миллиардам, нам показалось бы мало, а 1000 миллиардов, пожалуй, многовато!

Значит, сейчас на Земле проживает один процент всех когда-либо существовавших на ней людей. 99 процентов создавали, разрушали, жили, мечтали и ушли, оставив нас своими наследниками на планете.

«Каждый человек опирается на страшное генеалогическое дерево, которого корни чуть ли не идут до Адамова рая, за нами, как за прибрежной волной, чувствуется напор целого океана — всемирной истории: мысль всех веков на сию минуту в нашем мозгу» (А. И. Герцен, Былое и думы).

Из области статистики мы решительно переходим в область морали, исторических уроков.

Заключение третье

«Страшное генеалогическое дерево» — что значит для каждого человека простой факт его существования?

Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

Две системы рассуждений по этому поводу всем хорошо известны.

Первая система: «Как многого люди достигли, какой гигантский путь пройден, каков прогресс» и тому подобное.

Молодой моряк Вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, человек!

Это законная гордость одного процента успехами всех 100 процентов.

«Солдаты, 40 веков смотрят на вас с вершин этих пирамид!» — восклицал Наполеон перед битвой у Каира.

40 веков — чепуха.

— Люди! Тысячи веков отовсюду следят за вами...

Но существует и другая, не менее древняя система размышлений о времени и людях.

— Что такое века, тысячелетия, цивилизация?

Всего лишь крошечные островки в историческом океане.

Чем длиннее история и больше людей, тем меньшая доля исторического процесса приходится на одного человека, отдельную личность.

Мир невероятно переменился за 40 тысяч лет. Но в этом мире высокий, с прямым лбом и развитой префронтальной областью мозга фашист еще убивает своими руками — великолепным совершенным механизмом, над которым природа трудилась миллионы столетий... В этом мире — чудовищные войны, за несколько лет истребившие куда больше, чем было на Земле кроманьонцев...

Противоречивость истории, борьба света и мглы — все это известно давно и хорошо.

Тут ни прибавить, ни убавить —
Все это было на Земле.

Только об одном хочется чуть подробнее: об отдельном человеке, одной трехмиллиардной доле одного процента всего рода человеческого.

Прошлое земной жизни подсказывает: чем примитивнее, древнее биологический вид, тем меньше ценность отдельной особи, одной «личности» для истории этого вида, тем больше «роковая власть обстоятельств».

У рыб, насекомых механизм приспособления требует большой смертности. Комаров — триллионы; ми-

риады гибнут раньше срока, но в сумме нужное для существования вида число выживает.

Гибнут миллиарды икринок, чтобы миллионы уцелели.

Похолодает, потеплеет, станет сухо или влажно — такие виды приспособляются в основном ценой чудовищных жертв (иногда превышающих известный рубеж, и тогда —вымирание). Отдельная особь, «единица» — ничто... Муравьи, пчелы спасаются объединениями, в которых «индивидуальность» настолько теряется, что специалисты серьезно начинают рассматривать всех обитателей улья или муравейника как одно целое, в котором части чуть более автономны, чем наши отдельные клетки, органы.

Млекопитающие — существа более высокого ранга: «личность» — ценнее. Числом они куда меньше; поведением богаче. Диапазон между жизнью и смертью шире. При изменении обстоятельств высшие животные сначала меняют повадки, учатся и лишь после, когда все «резервы» исчерпаны, могут и погибнуть.

Древние люди. Борьба со смертью усиливается: когда ударяют холода, они не только приспосабливают навыки, эмоции, но еще надевают шкуры, уходят в пещеры, разжигают огонь.

Первобытный коллектив оберегает, защищает, усиливает отдельную личность.

Пока продолжались крупные биологические перемены в древнейших людях, старый животный «закон смертности» еще пожинал плоды (гибель австралопитеков, неандертальцев).

Но наступает момент, когда отдельный человек как будто перестает меняться. Прогресс, наделивший его универсальным организмом, больше не может

требовать гибели специализированных, боковых, выродившихся ветвей: их нет. Личность достигает громадной (хотя и неполной, разумеется) свободы от старых биологических законов. Отныне она подчиняется в основном законам общественным.

«Школа» закончена, начинается «высшее образование».

Усиление действия новых человеческих законов может даже с виду уменьшать, ограничивать прежнюю анархическую свободу. Но это будут ограничения на высшем этапе, ограничения студента, сменившие школьную беззаботность.

У личной свободы отныне два предела.

Один предел — чрезмерная независимость от коллектива; человек, предоставленный самому себе (в какой-то степени такова была свобода по-неандертальски). Избыток личной свободы оборачивается рабством перед природой, обстоятельствами.

Другая противоположная крайность: чрезмерная зависимость от общества; коллектив, поглощающий личность. У кроманьонцев это могло быть в виде полного растворения отдельного человека в его роде. Затем, «в эру цивилизации», когда стали четче выделяться, обозначаться отдельные индивидуальности, возникают демоны тирании, в разных обличьях сумевшие пережить тысячелетия.

Между этими двумя полюсами рабства и проходила человеческая история — борьба, порабощение, освобождение.

«Высшая нравственность, — записал Михаил Пришвин,— это жертва своей личности в пользу коллектива.

Высшая безнравственность,— когда коллектив жертвует личностью в пользу себя самого».

Тысячелетия подсказывают, что абсолютной свободы нет, но есть свобода в необходимых и недостаточных дозах. Избыточных доз не бывает — это все равно, что перелицованное рабство.

Свобода каждого человека должна быть ограничена только одним,— провозглашала «Декларация прав человека и гражданина» (1789 год), — правом на такую же свободу всех других людей...

Логика и движение истории за миллионы лет в том, чтобы человеческая личность делалась все свободнее, а человеческое общество — все более мощным механизмом еще большего освобождения личности. Эта логика открывает перед нами перспективы будущего общества: максимальная свобода, никакой эксплуатации, изобилие.

Слепо, стихийно, на ощупь, через гигантские отступления и зигзаги люди всегда шли к своей свободе, выполняя исторический закон, их «подталкивавший». Но если человек угадал, понял, куда дуют ветры бытия, он может поднять парус... «Человек, — писал крупнейший французский антрополог Тейяр де Шарден, — не что иное, как эволюция, осознавшая саму себя. До тех пор, пока наши современные умы (именно потому, что они современные) не утвердятся в этой перспективе, они никогда, мне кажется, не найдут покоя...»

Люди «под парусами» были и будут на всех исторических этапах. Один человек—одна трехмиллиардная одного процента всех людей. Но движение массы людей к новым рубежам свободы всегда, и при неандертальцах, и в древнем Риме, и сегодня, начинается с того, что этого движения желает одна, несколько, потом все больше отдельных личностей.

Процесс «очеловечивания человечества» продол-

жается. Важнейшие условия всеобщего очеловечивания — свобода, независимость отдельного человека, и тот, кто «каждый день идет за них на бой», может сказать, что делает все зависящее для выполнения древнейшего исторического закона. Тот же, кто настаивает, что он всего лишь одна трехсотмиллиардная, не выполняет «закона свободы», то есть совершает сознательное историческое беззаконие. Он пытается укрыться среди громадной толпы. Но разве от себя скроешься?

Прежде чем говорить о миллиардах, миллионах, тысячах людей, человек обязательно побеседует (хотя бы и молча) сам с собой.

Освободивший себя, максимально очеловечившийся один человек уже самим фактом своего существования выполняет заветы миллионолетий и делает необычайно много, куда больше, чем даже ему кажется, для освобождения всего человечества.

«Крайности ни в ком нет, — пишет Герцен, — но всякий может быть незаменимой действительностью; перед каждым открытые двери...

Теперь вы понимаете, от кого и кого зависит будущее людей, народов?

— От кого?

— *Как от кого?.. Да от НАС с ВАМИ,* например, как же после этого нам сложить руки?»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ПОСЛЕДНЯЯ ОБЕЗЬЯНА

Часть II. ПЕРВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Эйдельман Натан Яковлевич
ИЩУ ПРЕДКА. «Молодая гвардия», 1967.
256 с., с илл.

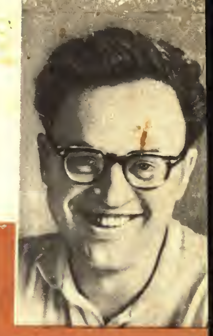
57.022

Редактор *Л. Антонюк*
Художники *А. Колли, И. Чураков*
Худож. редактор *Г. Позин*
Техн. редактор *Л. Климова*

А01181. Подп. к печ. 16/III 1967 г.
Бумага 84×108[1]/32. Печ. л. 8(13,44) + 1 вкл.
Уч.-изд. л. 11,9. Тираж 65 000 экз.
Заказ 1470. Цена 55 коп., Т. П. 1966 г., № 134.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

55 коп.

НАТАН ЯКОВЛЕВИЧ ЭЙДЕЛЬМАН

Автор этой книги — историк.

Закончив исторический факультет МГУ, он затем работал в школе, позже — научным сотрудником музея, защитил кандидатскую диссертацию.

Занимаясь специальными историческими исследованиями, он в то же время стремился писать о своей науке популярно. Плодом такого стремления явились книги «Путешествие в страну летописей» и «Герценовский «Колокол», статьи о Герцене, Пушкине, русской истории XIX века, древней и древнейшей истории.

С особенной силой влекут к себе неисследованные области прошлого, но что может быть загадочнее и таинственнее, чем сотни древнейших тысячелетий, поиски и находки ископаемых людей, приключения антропологов и археологов?

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
Эврика
МОСКВА